

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯЗЫК
И
ТЕКСТ
Language
and
Text

langpsy.ru

МГППУ

№3 (3) 2016 год

international
electronic
journal

Содержание

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Определение природных свойств языка в истории научных изысканий <i>Варин В.В.</i>	3
--	---

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

«Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных <i>Дергачева И.В.</i>	11
Эмотивные коды в произведении Ф.М. Достоевского «Игрок» <i>Исхакова З.З., Гюльбякова Л.К., Журавлева М.В.</i>	18
Художественное воплощение темы «жизнь и смерть во Христе» в рассказе В.Г. Короленко «Старый звонарь» <i>Силина Л.А.</i>	26
Молитва в камне: символы косматеско в базилике Санта-Мария-Маджоре в Риме <i>Цыкунов И.В.</i>	31

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Эффективные способы запоминания новых слов <i>Багманова С.В.</i>	73
А. К. Кулидж – популяризатор русистики в США <i>Зенкевич И.В.</i>	78

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Рабочая этика сквозь призму американской и британской лингвокультур: культурно-ценностные доминанты <i>Иванова С.В.</i>	86
Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации <i>Чанышева З.З.</i>	96

Определение природных свойств языка в истории научных изысканий

Варин В.В.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ им. М.В., Москва, Россия, vvarin@mail.ru

Автор статьи указывает на то, что различные подходы к определению природы языка выделяют одно свойство из всей совокупности свойств, присущих языку во всей его сложной организации. В статье сосредоточивается внимание на современном осмыслении языка в деятельностном аспекте с ретроспективным обращением к концепции В. Гумбольдта. Основная цель данной статьи заключается в утверждении коммуникативной сущности, присущей деятельностному свойству языка. В связи с этим весьма важным представляется обратить особое внимание на лидера младограмматического направления в истории языкознания конца девятнадцатого века Г. Пауля. «Психологический принцип», выраженный в концепции Г. Пауля, представляет большой интерес, как для современной когнитивной лингвистики, так и для современной теории коммуникативного синтаксиса.

Ключевые слова: Осмысление языка в деятельностном аспекте, коммуникативная сущность, когнитивная лингвистика, коммуникативный синтаксис.

Для цитаты:

Варин В.В. Определение природных свойств языка в истории научных изысканий [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Varin.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030301

For citation:

Varin V.V. Distinguishing of natural properties of language in the history of scientific research [Elektronnyy resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2016, vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Varin.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030301

На протяжении всего существования лингвистической науки создавались и получали свое обоснование различные теории, в которых представлены воззрения на язык. При этом каждая из таких теорий, предполагавшая свою адекватность объекту исследования, в той или иной мере противопоставлялась другим. Особенно выделяется в этом отношении категоричностью суждений известное в истории лингвистической науки психологическое толкование природы языка в опровержении всякого логического. Согласно данному толкованию, виднейшим представителем которого является Г. Штейнталь, категории языка и логики в принципе не могут соотноситься друг с другом [9, 127-135].

Обращает на себя внимание, что определение языка каждой из обосновывающих свое видение объекта концепций выделяет лишь какую-либо одну из сторон такой сложной по своей структуре и функциональным свойствам организации, какой является естественный человеческий язык. Каждая выделенная сторона представлена в разных теориях в качестве основополагающего свойства языка, определяющего его природу. В результате в научном освещении оказываются разные по своим характерным особенностям определения природы языка. В виду этого следует, видимо, исходить не из полной адекватности объекту того или иного из утверждаемых оснований, в частности, логического, психологического или еще каких-

либо других, а в гораздо большей степени из взаимодополнительности всех обнаруживаемых и выделяемых оснований языка.

Природа естественного человеческого языка, его свойства и характерные особенности были предметом размышлений и научных изысканий, как известно, с глубокой древности. Изначально язык рассматривался в единстве с общим познанием мира и, преимущественно, также в единстве с его происхождением. Он был как бы интегрирован в человеческое бытие, неотделим от него и входил неотъемлемой частью в сферу исследований философских наук. Различные теории по поводу сущности языка разрабатывались с самого начала, главным образом, этими науками. Характерно в этом отношении и определение данной области исследования как области философии языка и в настоящее время, какими бы науками она ни обсуждалась, прежде всего, такими смежными науками, как логика, психология, в том числе и лингвистика.

Примечателен в свете изложенного «Трактат о происхождении языка» Гердера («Abhandlung über den Ursprung der Sprache») [10] второй половины восемнадцатого века, в котором изображен процесс первичной номинации, то есть по существу, зарождение языка. Суть этого изображения, согласно текста указанного сочинения, сводится в общих чертах к следующему. Человек с самого начала своего существования, когда языка как такового еще не было, стремился как-то обозначить, назвать предметы и явления окружающего его мира, с которыми он при различных обстоятельствах постоянно сталкивался. В поле зрения человека попадает объект (овца), который он пытается обозначить, но не знает, как это сделать. В поисках названия увиденному человек слышит блеяние овцы и производит искомое обозначение в соответствии с услышанным, что должно было или могло означать – «блеющая». Так родилось, по Гердеру, слово, а отраженный в нем признак, на основании которого оно произведено, был определен Гердером в качестве «внутреннего слова» («inneres Wort»).

В приведенном обосновании номинации видится, прежде всего, бросающееся в глаза терминологическое, но, главное, по существу своеобразное предвосхищение идеи внутренней формы Вильгельма Гумбольдта в качестве способа языкового освоения мира, «способа представления внеязычного содержания» в интерпретации данной идеи Гумбольдта в концепции А.А. Потебни [7].

В определенном созвучии с изображенным процессом номинации у Гердера находятся и известные, иллюстрирующие идею внутренней формы Гумбольдта выражения с обозначением слона в санскрите как: «дважды пьющий» («zweimal trinkende»), «двузубый» («zweizahnige») и «снабженный рукою» («mit einer Hand versehene»). Один и тот же объект (предмет – Gegenstand, по Гумбольдту) представлен посредством вербального выделения его различных характеристик в осмыслении с разных сторон («verschiedene Begriffe», по Гумбольдту) [2].

В связи с указанным созвучием напрашивается еще одна, может, и не совсем полная, однако, близкая к этому аналогия, к которой побуждает трактовка языковых выражений известным немецким логиком конца девятнадцатого века Готлобом Фреге. Иллюстрацией воззрений Фреге, касающихся языка, служат рассматриваемые им выражения «утренняя звезда» («Morgenstern») и «вечерняя звезда» («Abendstern»), обозначающие в разном осмыслении («Sinn») один и тот же объект – планету Венера («номинат», по Фреге). Таким образом, по Фреге, языковые выражения в отнесенности к объекту обозначения получают свои значения (“Bedeutung”, по Фреге). Данная отнесенность осуществляется посредством выделения и вербального закрепления какого-то признака, свойства, отраженного непосредственно в самом выражении, в чем состоит определенное осмысление обозначаемого объекта. Иначе говоря, значение представлено посреднической ролью смысла.

Созвучие выделенных, пусть даже и не совсем полных аналогий, позволяет заключить об обосновании в лингвистической науке как бы сквозной линией в разных концепциях такой особенности языка, как быть средством, способом вербальной объективации окружающего человека мира, одновременно осуществляя собой данную объективацию. В своей посреднической между человеком и окружающим его миром роли в качестве способа вербальной объективации язык в его единицах (словах, предложениях, текстах), отвечая на вопрос, что обозначает то или иное выражение, в еще в большей степени отвечает на вопрос как, каким образом, на каком основании та или иная языковая структура обозначает свой объект. В этом состоит суть характеризующего свойства номинации средствами естественного человеческого языка.

Имея в виду сказанное, важно заметить, что речь в данном случае идет не об одноразовом процессе номинации, а о непрерывном воспроизведении языка в этой роли на протяжении всего его существования. Постоянное воспроизведение языка, неизбежно сопровождающееся разного рода модификациями, позволяет видеть в нем не раз навсегда данную, стабильную сущность, а нечто подвижное, динамическое – «деятельностное».

Исследования природы языка, осуществляемые в разное время в различных направлениях, чередуясь и сменяя своими научными установками друг друга, обуславливали доминирующие лингвистические научные парадигмы, то есть общую направленность исследований языка. Так, в недавнем прошлом (вторая половина 20-ого века) структурная лингвистическая парадигма стала уступать место и свой доминирующий научный статус и в итоге уступила сначала функционально-коммуникативной, а позже когнитивной направленности исследований языка.

Смена научных парадигм обуславливает также и обращение исследователей к тем или иным концепциям, теориям, идеям. Довольно часто это ретроспективные обращения, о чем свидетельствует знаменательное возрождение Гумбольдтовской концепции языка в современности.

Определенная ретроспекция, обусловленная современной когнитивной научной парадигмой, главным образом, в связи с различными теориями осмысления и определения природы языка напрашивается и по отношению к концепции языка как **речевой деятельности** Германа Пауля (конец 19-ого века), которая примечательна с точки зрения постановки и обсуждения извечно актуальных, требующих к себе внимания вновь и вновь вопросов и проблем.

Определение естественного человеческого языка как деятельности, во многом стимулированное ретроспективным обращением к энергетической концепции природы языка Вильгельма Гумбольдта, нуждается до настоящего времени в осмыслении понятия деятельности в преломлении к языку. Такая необходимость возникает, прежде всего, под углом зрения, можно сказать, аксиоматически принятой в лингвистической науке дихотомии языка и речи и вытекающих из этого закономерностей.

Понятие деятельности как таковое само по себе, предполагающее движение, процесс, различного рода модификации, по отношению к языку в метафорическом смысле позволяет видеть в нем активно действующий феномен. Так, согласно концепции Вильгельма Гумбольдта, язык представляет собой непрерывную духовную деятельность («деятельность духа, направленную на претворение мысли в звуке») [3, 85-105].

Деятельностный подход к языку, так или иначе, ориентирует на его функциональную сферу, в которой происходят различные динамические процессы в осуществлении его экспрессивного (в смысле выражающего) и коммуникативного предназначения.

В связи с деятельностным подходом к языку следует заметить, что на актуализацию проблемы языка как деятельности существенным образом повлияла общая научная атмосфера и доминирующие тенденции определенного периода времени (середина – вторая половина 20-ого века). Это был период формирования лингвистических дисциплин функционально-коммуникативного толка, главным образом, в области грамматики и текста.

В этот период в исследованиях Пражской лингвистической школы в теории актуального членения («АЧ») Вилема Матезиуса [5] получил, в связи с духом времени, можно сказать, по существу заново свое обоснование коммуникативный синтаксис в качестве динамического стержня речевой коммуникации как функционального аспекта языка.

Истории лингвистической науки известен и другой подход к области речевой коммуникации, которая получает свое осмысление и определение в качестве не только реальности существования языка, но и в качестве его истинного бытия, то есть собственно языка. Такое осмысление и определение природы языка было характерно для широко распространившегося с конца 19-ого века младограмматического направления, источником которого послужила, как известно, Лейпцигская лингвистическая школа. Идеи этого направления, как и собственная авторская концепция языка получили свое теоретическое обоснование в фундаментальном труде теоретика младограмматиков Лейпцигской школы Германа Пауля «Принципы истории языка» («Prinzipien der Sprachgeschichte»).

Младограмматические воззрения на язык, как и концепция Германа Пауля, получили определенный резонанс в европейской лингвистической науке. Это, главным образом, влияние психологических оснований в подходе к исследованию языка. Но без этого влияния, однако, в собственном творческом осмыслении разрабатывались проблемы языка, особенно, область грамматики, в Московской лингвистической школе (начало – первая половина 20-ого века). Показательна в этом отношении, в частности, теория психологической коммуникации А.А. Шахматова [8], предвосхитившая в общих чертах исследование проблематики коммуникативного синтаксиса в отечественной науке о языке.

Теоретические вопросы языка, обсуждаемые в указанном труде Германа Пауля в их трактовке автором, неоднократно подвергались критическому рассмотрению. Имеются, однако, основания, как уже было отмечено, для ретроспективного обращения к ряду изложенных в указанном труде вопросов с целью их современного переосмысления и, возможно, переоценки в их толковании. Это вопросы, касающиеся, главным образом, определения природы языка, его свойств и отнесенности к человеку.

Уместно в связи со всем сказанным обратить внимание на сделанное во вступительной статье к этому труду (в русском переводе) замечание по поводу того, что «труд Пауля представляет актуальный интерес и в наши дни» [4, 5]. Данное замечание, относящееся ко второй половине 20-ого века, не утратило, как можно полагать, смысла в указании на актуальность паулевской концепции языка, во всяком случае, поднятых в ней вопросов.

Поднятые Г. Паулем вопросы требуют еще своего детального изучения и, соответственно, толкования. Это касается, прежде всего, основополагающего «принципа» паулевской концепции языка, в качестве которого обосновывается психологизм. Этот принцип лежит в основе определения языка как речевой деятельности, речевой коммуникации. При этом паулевский психологизм – это психология индивида, индивидуальный психологизм, который Г. Пауль обосновывает в отраженной в указанном труде полемике с Вильгельмом Вундтом, отстаивающим этнический характер психологизма. В результате полемики по этому поводу в дискуссионном противопоставлении одного другому оказываются: индивидуальный психологизм – Герман Пауль и этнический психологизм – Вильгельм Вундт.

Особый интерес вызывает обсуждаемая в связи с языком сфера **бессознательного**, которая представлена как своего рода хранилище познавательного опыта человека и источник его вербального воспроизведения.

Обращает на себя внимание и понятие **узуса** как **социального регулятора** речевой коммуникации.

Концепция языка Германа Пауля – это, по существу, своеобразный подход к языку как к деятельности. Поскольку, по Г. Паулю, собственно язык – это речевая коммуникация, а все остальное – то есть язык в его абстрактном осмыслении в качестве конструкта – это не его реальное бытие, в виду этого реальное бытие языка – речь (речевая коммуникация) характеризуется как постоянный деятельностный процесс. Интересно к этому привести точку зрения Бодуэна де Кортунэ (Казанская лингвистическая школа), согласно которой, язык – это статика и динамика одновременно [1]. Но все же статика представлена в качестве остановленной методическим приемом познания точки в постоянной динамике языка, в его деятельностной сущности.

Специального рассмотрения требует вопрос, который мы лишь обозначили. Это вопрос, проблема, тема – коммуникативного синтаксиса, основоположником которого на психологической основе является Герман Пауль.

Дело в том, что данная тема получила в лингвистической науке терминологически другое осмысление, а именно в терминологической формулировке актуального членения (АЧ) или также актуального синтаксиса в концепции Вилема Матезиуса (Пражская лингвистическая школа).

Таким образом, сформировались два терминологически распространенных вида по отношению к одному и тому же явлению.

В соответствии с концепцией Германа Пауля, коммуникативные синтаксические отношения представлены психологическим субъектом и психологическим предикатом – составляющих психологического синтаксиса.

В соответствии с другой, более распространенной концепцией – теорией Вилема Матезиуса (Пражская школа) – данные отношения представлены понятиями тема и рема, составляющими компонентами актуального синтаксиса.

Сравнивая совокупности терминов того и другого вида, можно заметить разную заключенную в них характеризующую информацию, касающуюся обозначенного явления. Мы полагаем, что данная разная терминологическая характеристика в каждой совокупности терминов (психологизм и актуальность) не только не исключают, но и неизбежно дополняют друг друга.

В заключение следует еще отметить, что при рассмотрении Германом Паулем вопросов языка, его свойств и функциональных особенностей имеется в виду язык как речевая коммуникация. На этом основании исследование Германом Паулем проблем языка может быть отнесено к лингвистике речи.

Литература

1. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию в 2 т. Т. 2. М.: АН СССР, 1963. 391 с.
2. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс. 1984. 400 с.
3. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях чч. 1-2, М.: Просвещение, 1964-1965. 963 с.
4. *Кацнельсон С.Д.* Вступительная статья // Пауля Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 5-20.
5. *Матезиус В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
6. *Пауль Герман* Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 500 с.
7. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
8. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2001. 620 с.
9. *Штейнталь Г.* Грамматика, логика и психология, их принципы и их отношения друг к другу. В кн. Звегинцева В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях
10. *Herder J.G.* Abhandlung über den Ursprung der Sprache. Createspace. Berliner: Edition Holzinger. 2013. 102 p.

Distinguishing of natural properties of language in the history of scientific research

Varin V.V.,

Ph.D. in Philology, associate professor at the Department of Foreign Languages of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, vvarin@mail.ru

The author of this article points out that different approaches of determining the nature of language distinguish one property of the whole set. These properties belong to the language in all its complex organization. The author focuses his attention on the modern comprehension of the language as activity phenomenon. He appeals retrospectively to the theory of W. Humboldt. The main goal of the article consists in the assertion of communicative essence that is so characteristic for the linguistic approach that deals with the language as activity phenomenon. In this connection it is of vital importance to draw attention to the leader of the Neogrammarians in the history of linguistics at the end of the 19th century H. Paul. "The psychological principal" implemented in H. Paul's conception is of great interest both in theory of modern cognitive linguistics and from the point of view of modern communicative syntax.

Key Words: comprehension of the language as activity phenomenon, communicative essence, cognitive linguistics, communicative syntax.

References

1. Boduen de Kurtene I.A. Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu [Selected works on General linguistics in 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Publ. AN SSSR, 1963, 391 p.
2. Gumbol'dt V. fon Izbrannye trudy po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics]. Moscow: Publ. Progress, 1984, 400 p.
3. Zvegintsev V.A. Istoriya yazykoznaniya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh [History of linguistics of the 19th and 20th centuries in essays and extracts parts 1-2]. chch. 1-2. Moscow: Publ. Prosveshchenie, 1964-1965, 963 p.
4. Katsnel'son S.D. Vstupitel'naya stat'ya // G. Paulya Printsipy istorii yazyka [Introductory article to H. Paul's Principles of the history of language] Moscow: Publ. Inostrannoi literatury. pp. 5-20
5. Matezius V. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics]. Mocsow: 2003, 232 p.
6. Paul' German Printsipy istorii yazyka [Principles of language history]. Moscow: Publ. Inostrannoi literatury, 1960, 500 p.
7. Potebnyaya A.A. Mysl' i yazyk [Thought and language]. Moscow: Publ. Labirint, 1999, 300 p.
8. Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka [The syntax of the Russian language]. Moscow: Publ. Editorial URSS, 2001, 620 p.

Варин В.В.

Определение природных свойств языка в истории научных изысканий

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 3. С. 3–10.

doi: 10.17759/langt.2016030301

Varin V.V.

Distinguishing of natural properties of language in the history of scientific research

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no 3, pp. 3–10.

doi: 10.17759/langt.2016030301

9. Shteyntal' G. Grammatika, logika i psikhologiya, ikh printsipy i ikh otnosheniya drug k drugu [Grammar, logic and psychology, their principles and their relationship to each other]. V kn. Zvegintseva V.A. Istoriya yazykoznaniya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh
10. Herder J.H. Abhandlung über den Ursprung der Sprache [Treatise on the Origin of Language]. Createspace, Berliner: Publ. Holzinger, 2013, 102 p.

«Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультета «Иностранные языки» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, krugh@yandex.ru

В основу исследования положены вкладные, данные и духовные грамоты, отражающие представления русского средневекового человека о конечности жизни. На основе проведенного тематического, формулярного и стилистического анализа этих документов прослеживается история формирования традиций отношения к усопшим, в которых «посмертное устроение души» становится основной доминантой сознания составителей дарственных актов.

Ключевые слова: Танатологические представления, источниковедение, эсхатологические представления, текстологический анализ, церковная иерархия, дарственные документы.

Для цитаты:

Дергачева И.В. «Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030302

For citation:

Dergacheva I.V. "The dispensation of the soul" as the main dominant of the authors vkladnyj, dannyj and duhovnyj [Elektronnyj resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Dergacheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030302

Танатологические представления в культурной среде любого общества являются важнейшими онтологическими установками, влияющими на психологию человека и мотивацию жизненного поведения. Доктринальные понятия об ином мире и судьбе души по смерти тела находят отражение в индивидуальном сознании и культуре повседневности. Вкладные, данные и духовные были особенно популярны в средневековой Руси, ибо «устроение» души стало господствующей нравственной заботой общества, пострижение и вечное поминовение – необходимыми средствами душевного спасения, монастырь – главным посредником между небесной и земной жизнью, а земельные и денежные вклады – лучшим обеспечением правильного действия этих средств» [9, с. 70].

Поминание предков сложилось еще в ветхозаветный период, когда иудеи преломляли над умершими хлебы и раздавали их нищим. О необходимости поминовения усопших заявлено в Посланиях апостолов, где приведены и молитвы за них во время евхаристии в «поминальные дни». В русской средневековой культуре важным источником эсхатологических представлений «является Русский Синодик – особая памятная книга с именами живых и мертвых, поминаемых священником во время богослужения (на литургиях и панихидах». Поминание, или молитвенное упоминание, живых и умерших основано на вере в его действенность перед

Богом, в возможность повлиять на земную либо посмертную судьбу поминаемого челока» [6, с. 146].

Значение дарственных документов, особенно духовных, было столь велико, что к их хранению относились особенно серьезно, что и обусловило их большую сохранность среди документов допетровской эпохи. Даже в опустошительный московский пожар 1626 г., когда, по словам летописца «в приказах все дела и в житницах хлеб, все погибе», когда сгорели писцовые и переписные книги, согласно которым взимали налоги с населения России, духовные и договорные книги были спасены.

Как правило, данные, вкладные и духовные хранятся в фондах монастырей и архиерейских домов, которые являлись «наследники по душе, ибо жертвование в эти учреждения было главным образом мотивировано желанием спасти душу; часть таковых вкладов прямо предназначалась на издержки по религиозным обрядам, связанным со спасением души, с поминовением в сороковой день, с записью в синодик и т.д.» [4, с. 19-20].

Особенно информативными оказались фонды Гledenского Троицкого мужского монастыря в г. Устюге, основанного в XII в., самого древнего из монастырей Двинской области; Пафнутьева Боровского мужского монастыря, основанного в 1444 г. настоятелем Зачатьевского Серпуховского монастыря Пафнутием; Иосифо-Волоколамского мужского монастыря, основанного в 1479 г. преподобным Иосифом Волоцким, внесшим большой вклад в борьбу против новгородско-московских антитринитариев и написавшим первый синодик с синодичными предисловиями, доказывающими необходимость поминовения как способа спасения души после смерти бренного тела.

Наибольшее число документов было сохранено в архиве Спасо-Ефимьева мужского монастыря в Суздале (25279 единиц хранения), основанного в 1352 г. суздальским князем Борисом Константиновичем и монахом Нижегородского Печерского монастыря Евфимьем.

Дарственные документы хранились также в органах местного управления – приказных избах, канцеляриях воевод, управлявших городами и уездами, ведавших административными, военными, поместными, финансовыми, полицейскими и судебными делами городов и уездов. Хранение дарственных актов в приказных избах объясняется спецификой этих документов, регламентирующих имущественные отношения между частными лицами и церковными учреждениями.

Пожертвование в монастырь или архиерейский дом являлось «необходимым... наиболее надежным и солидным посредником не только в устроении будущей жизни, но и в превратностях земных» [10, с. 19], что и обусловило особенно широкое распространение дарственных документов.

В тексте данных наиболее часто встречается запрещение нарушать договор, санкционированное судом пред Богом во время второго Христова пришествия:

«...а кто учнет ту вотчину выкупат насилствомъ род мои и тот судица со мною в будущемъ веце пред Бгомъ» [7, с. 4—41].

«а хто в ту вотчину станет вступатие и имъ со мною будет суд перед Спасом в будущемъ веце...» [7, с. 44].

Однако встречаются и варианты: «А кто почнетъ вступатись, или обидети, домовное Святаго Иоанна Богослова, по сей по данной грамоте, а на того Богъ и святый Иоаннъ Богословъ» [2, с. 143, 1452 г.].

Большое значение в формуляре данной имеет клаузула, определяемая С.М. Каштановым как "arenga" – преамбула, излагающая высшие мотивы и цели составления документа. Именно в ней представлены своеобразные представления о средствах спасения души, побуждающие человека задолго до смерти стараться обеспечить достижение высшей цели своего существования, обрести узкий путь, ведущий в жизнь вечную («Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Мф.7:14)»):

«а дал есми то село и деревню в домъ Живоначальной Троицы и великим чудотворцомъ Сергию и Никону впрок без выкупа вечных ради благъ наслаждения и вечнаго ради покоя...» [7, с. 40–41];

«...ино та деревня и по нашихъ душахъ на вечной поминокъ потомужъ въ наследие вчньныхъ благъ...» [3, V, с. 453];

«Се яз... дал есми в дом Живоначальной Троице... в Коломенском уезде селцо Кишкино... для вечнаго покоя...» [7, с. 55].

Подобные клаузулы встречаются и в данной князя Димитрия Немова Волоколамскому монастырю... 1563 г. [2, с. 147]; в данной Троице-Сергиеву монастырю Анны Никифоровой... 1571–72 гг. [7, с. 47]; данной Прасковьи Ивановой дочери Хлопова... Троице-Сергиеву монастырю 1574–1575 гг. [7, с. 114–115]; данная богоявленскому борковскому монастырю Булгака Андреева сына Корокодымова... 1576–77 гг. [7, с. 53] и пр.

Близки тематически и по форме к данным вкладные, известные с XII в., употребляемые в значении дарственной записи «на помин души», что подчеркивается и в их дефиниции как «документов, оформлявших дарение («вклад») частными лицами монастырю движимого и недвижимого имущества («на помин души») [8, с. 57].

Как правило, они имеют преамбулу, объясняющую высшие мотивы составления документа – поминание души в наследие вечных благ в ином мире после смерти бренного тела. Так, «Вкладная вологжанина дворянина Ивана Пименовича Хлуденева в Антониев монастырь на 100 рублей» имеет преамбулу: «... а вклады он Иванъ Пиминович пожаловал дал в дом Рожества Пречистыя Богородицы... по своей праведной вере будущего ради покоя и в наследие вечных благъ...» [Российский государственный архив древних актов– РГАДА, Кирилло-Белозерский монастырь, I, № 168, 1681 г.]. Подобная преамбула имеется и во «Вкладной крестьянина с. Усть-Стрелец Василия Ярофеева на лошадь, корову и овец»: «...Дал вкладомъ в домъ всемилостивого Спаса... душевнаго ради спасения и телеснаго здравия...» [Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР – ЛОИИ, ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН. Ф. 271, Спасо-Прилуцкий монастырь, I, № 1399, 1699 г.].

Особое значение в поминальной практике имеют духовные, ибо в Древней Руси завещание носило аксиологический характер устроения жизни «будущего века»: «Древнерусский человек в своей «душевной грамоте» не только ликвидировал свои житейские дела, но и устраивал будущую жизнь. В числе обычных мотивов к составлению духовного завещания – ожидания смерти, тяжелой болезни, отправления на опасное предприятие или службу – большое значение имело то одностороннее и своеобразное представление о средствах душевного спасения, по которому правильное действие этих средств должно было обеспечиваться материально» [9, с. 71]. Наиболее ранние духовные или душевные грамоты частных лиц известны в копиях с XII в., завещания великих и удельных князей – с XIV–XVI вв. Несмотря на разнообразие самоназваний завещаний: духовные, духовные грамоты, духовные и душевные памяти, душевные грамоты, во всех лексемах присутствует корень дух, душ, то есть указание на суть документа, оформляемого с целью спасения души в жизнь вечную.

Обычно часть движимого или недвижимого имущества завещалась «по душе» монастырю, архиерейскому дому или церкви:

«А по своей душе дал есмь село Игнатъевское да трои пчелы святой Троице в монастырь», – читаем в духовной «раба Божьего Патрекея». В связи с социальным положением завещателя диспозитивная часть духовных, определяющая завещательные ценности, передаваемые составителем, может сильно различаться. Так, диспозитивная часть духовной княгини «инокини» Евдокии намного объемнее, нежели духовной «раба Божьего Патрекея»:

«А что мое село приданое Маха в Володимерскомъ уезде в Колпи, благословенье отца моего Ивана Григорьевича Черта Курицына, з деревнями и з бортнымъ лесом, а деревень к тому селу: Лесникова, Тарасово, Крючковъ починок Гридиньской, и то село, и з деревнями и з бортным лесом – в дом живоначальной Троице в Сергиевъ монастырь...

А что мое село приданое ж Коренево з деревнями в Дмитровском уезде... и после моего живота то село, и з деревнями, и со всемъ, что к нему изстарины потягло, и з хлебомъ з земным – в дом Пречистой в Симанов манастырь по душе моего государя, и по моеи душе и по всему нашему роду, опроч людех наших хлеба... а село Маха и при моем животе в домъ живоначальной Троице. А Есиповского ж села деревня Скоблево, и та деревня в дом пророку Илье...

А что мои приказчики возьмут с сель здатка денегъ после моего живота, и они долгъ мой заплатят, а что ся останет за долгом у них денег, и оне джадут по нем въ сорокоустъ к Спасу во Ондриков монастырь дватцать рублев...» [1, с. 109–112; 1513 г.].

Как правило, в завещаниях содержится условие о поминовении за вклад, передаваемый завещателем в монастырь или архиерейский дом. Так, в духовной старца Симонова монастыря Андриана Ярмика написано: «Даль есми Пречистой Богородици въ домъ на Симаново архимандриту Афанасью съ братьею свои селца и съ деревнями... и язъ то даль все Пречистой на Симаново, архимандриту Афанасью съ братьею, на поминокъ своей души, и нъ поминають мою душу и моихъ родители...» [3, I, с. 552; 1460 г.].

Таким образом, в духовных человек не только устраивал свои житейские дела, но и «устраивал» свою душу, облегчая ей переход в «жизнь вечную» и даруя возможность «небесных благ наслаждения» по смерти бренного тела. Именно эсхатологические воззрения средних веков явились залогом широкого распространения вкладов в такие церковные учреждения, как монастыри, архиерейские дома и церкви. Родство данных, вкладных и духовных несомненно. Их сопоставление приводит к выводу, что между этими историческими источниками имеется несомненное тематическое, формулярное и стилистическое сходство.

Основной темой этих документов является передача ценностей монастырю, во вкладной и данной – это основа диспозитивной части, а в духовной – одна из важных частей завещания, следующая сразу за именем адресанта.

В формуляре данных, вкладных и духовных прослеживаются общие для всех них клаузулы или реквизиты. В диспозитивной части рассматриваемых нами документов совпадают такие основные моменты договора как указания на размер вклада в монастыри и условие о поминовении вкладчиков и их родных.

В описываемых документах прослеживаются элементы двух стилей: разговорного и церковно-книжного. Диспозитивная часть описана деловым языком, характерной чертой которого является наличие многочисленных речевых стандартов-клише. Некоторые клаузулы выходят за пределы одного жанра – из данной переходят во вкладную, из вкладной – в духовную и наоборот: «а пошлет Бог по мою душу»; «а дал есми по своим родителям и своей души».

душе на поминоку», «В наследие вечных благ», «поминати веки, доколе сия святая обитель стоит» и пр.

Иногда в дарственных актах встречаются элементы церковно-книжного красноречия. Например, во вкладной вологжанина дворянина Ивана Пименовича Хлуденева в Антониев монастырь: «...А изволит онъ Иван восприяти святыи аггельский образ и нам иво пострици... а изволит Господь Богъ преселити душе его от сего света во он будущи немерцающий свет и нам имя иво в дом Пресвятыя Богородицы написати в вечное поминание...» [РГАДА. Кирилло-Белозерский монастырь, I, № 168, 1681 г.].

Встречаются дарственные акты, в которых украшенная и сложная по конструкции речь соседствует с разговорным языком. «Церковно-книжные фразы и символы приспособлялись к разговорной речи, переосмыслились на основе ее семантики, сопоставлялись с выражениями русского бытового языка, пояснялись его синонимами» [5, с. 38]. Примером может служить отрывок из духовной Пантелеймона Мисюря Соловцова. В начале следует традиционное богословие, за которым после списка завещаемого имущества идет перечисление грехов составителя акта. Изложение ведется живым разговорным языком: «А съ кемъ у меня бывала брань въ моесъ роду, и съ дядьею, и съ братьею, и съ племянники и съ ихъ женами, или съ кемъ ни буди съ чюжими, и онъ бы меня пожаловали простили... такожь крестьянъ моихъ и крестьянокъ, чемъ кого оскорбилъ въ своей кручине, лаею и ударомъ и продажею, по вине и не по вине, во всемъ передъ ними виновать...» [3, I, с. 555, 1627 г.].

В этом же документе встречаем и торжественный стиль с библейскими реминисценциями: «..аще будетъ скорбь велия на сына моего, настоящая, или произволительная, или естественная, по милости твоей подаруй же ему, Господи, душеполезный разумъ и терпение Иевле во дни скорбей ихъ, да не впадетъ во отчаяние и не похулить имени твоего святого и не погрешать святого крещения иже крестилися водою и Духомъ; на конецъ же векъ ихъ дай имъ, Господи, преже смерти покаяние; сподоби ихъ, Господи, причастникомъ быти честнаго и пречистаго тела Твоего святого и крови... сподоби ихъ, Господи, на страшномъ и нелицемерномъ твоёмъ торжище со избранными Твоими стати одесную грознаго престола твоего и слышати благи гласъ: «Прдъте благословении Отца моего...». Этот текст обладает признаками торжественного риторического стиля, что связано с тем, что в нем содержится развернутое поучение автора своим сыновьям.

Итак, анализ формуляров вкладных, данных и духовных указывает на то, что в этих памятниках деловой письменности, так же, как и в памятниках древнерусской письменности, отражены представления средневекового человека о загробном мире, душе и ее спасении. Эсхатологическая тематика интересует их составителей с точки зрения проблем «малой эсхатологии», то есть спасения индивидуальных личностей. Однако и темы «большой эсхатологии» затронуты в данных источниках с точки зрения составных частей формуляра, в которых говорится об ответственности душеприказчиков на страшном Суде.

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект № 16-04-00523

Литература

1. Акты русского государства 1505–1526 г. Сборник. М.: 1975.
2. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Археографическая комиссия, 1836.
3. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб.: Археографическая комиссия, 1857–1884.

Дергачева И.В.
«Устроение души» как основная доминанта сознания
авторов вкладных, данных и духовных
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 11–17.
doi: 10.17759/langt.2016030302

Dergacheva I.V.
"The dispensation of the soul" as the main
dominant of the authors vkladnyj, dannyj
and duhovnyj
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 11–17.
doi: 10.17759/langt.2016030302

4. *Беляев П.И.* Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания. М.: 1897.
5. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков». М.: 1982.
6. *Дергачева И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М.: Кругъ, 2004.
7. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М.: 1978.
8. *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. Ростов: Ростовский университет, 1976.
9. *Рождественский С.В.* Из истории секуляризации монастырских вотчин на руси в XVI веке // Журнал Министерства народного просвещения, 1895, май.
10. *Шумаков С.* Обзор «грамот коллегии экономии». Вып. IV. М.: 1917.

“The dispensation of the soul” as the main dominant of the authors vkladnyj, dannyj and duhovnyj

Dergacheva I.V.,

Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of Psychology and Education, krugh@yandex.ru

The study is based on data and spiritual literacy, reflecting representation of Russian medieval man on the finiteness of life. According to the theme of the formulary and stylistic analysis of these documents the author reveals the history of the formation of the traditions related to the deceased in which "the dispensation of the soul after death" becomes the main drafters of the dominant mind-state.

Key Words: Thanatological representation, source study (istochnikovedenie), eschatological representation, textual analysis, the church hierarchy, donative documents.

Funding

This work was supported by RGNF № 16-04-00523.

References

1. Aktyi russkogo gosudarstva 1505–1526 g [Acts of the Russian State Collection of 1505-1526]. Sbornik. Moscow: 1975.
2. Aktyi yuridicheskie, ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva [Acts of law, or a collection of ancient forms of record keeping]. Saint-Petersburg: Arheograficheskaya komissiya, 1836.
3. Aktyi, odnosyashiesya do yuridicheskogo byita drevney Rossii [Acts related to the legal life of ancient Russia]. Saint-Petersburg: Arheograficheskaya komissiya, 1857–1884.
4. Belyaev P.I. Analiz nekotoryih punktov drevnerusskogo zaveschaniya [Analysis of some items of ancient wills]. Moscow: 1897.
5. Vinogradov V.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyika XVII–XIX vekov» [Essays on the history of Russian literary language XVII-XIX centuries]. Moscow: 1982.
6. Dergacheva I.V. Posmertnaya sudba i «inoy mir» v drevnerusskoy knizhnosti [Posthumous fate and "another world" in ancient literacy]. Moscow: Publ. Krug', 2004.
7. Pamyatniki russkoy pismennosti XV–XVI vv [Monuments of Russian literature XV-XVI centuries]. Ryazanskiy kray. Moscow: 1978.
8. Pronshteyn A.P. Metodika istoricheskogo istochnikovedeniya [The methodology of the historical source studies]. Rostov: Rostovskiy universitet, 1976.
9. Rozhdestvenskiy S.V. Iz istorii sekulyarizatsii monastyirskih votchin na rusi v XVI veke [From the history of the secularization of monastic estates in Russia in the XVI century]. // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvetsheniya [Magazine of the Ministry of Education]. 1895, may.
10. Shumakov S. Obzor «gramot kollegii ekonomii» [Review of «college diplomas economy»]. Vol. IV. Moscow: 1917.

Эмотивные коды в произведении Ф.М. Достоевского «Игрок»

Исхакова З.З.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультета «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, prof_zemfira@hotmail.com

Гюльбякова Л.К.,

магистрант, кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультета «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, lyulbyakova@mail.ru

Журавлева М.В.,

магистрант, кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультета «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, maria.karamazova2013@yandex.ru

Данная статья посвящается проблеме кодирования и декодирования эмоционального образа Ф.М. Достоевского посредством установления вариантного эмотивно-дейктического поля с совокупностью эмотивных кодов в его пространстве. Объектом исследования является письменно зафиксированная эмоционально-окрашенная речь героев произведения «Игрок» Ф.М. Достоевского; предметом исследования — эмотивные знаки в письменно зафиксированной и эмоционально - окрашенной речи персонажей Ф.М. Достоевского. Цель статьи состоит в определении наиболее значимых эмотивных знаков в произведении Ф.М. Достоевского “Игрок”, кодирующих и декодирующих эмоциональное состояние героев, посредством которых русский писатель выражает самого себя.

Ключевые слова: декодирование эмотивных знаков, эмотивные знаки, дейксис, эмоциональный дейксис, эмотивный дейксис, эмотивы-символы, эмотивы-образы, эмотивы-индексы.

Для цитаты:

Исхакова З.З., Журавлева М.В., Гюльбякова Л.К. Эмотивные коды в произведении Ф.М. Достоевского «Игрок» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. № 3. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Iskhakova_Gyulbyakova_Zhuravleva.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030303

For citation:

Iskhakova Z.Z., Zhuravleva M.V., Gyulbyakova L.K. Emotive codes in Dostoevsky's "The Gambler" [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 3. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Iskhakova_Gyulbyakova_Zhuravleva.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030303

Внутренний эмоциональный мир человека говорящего всегда привлекал внимание представителей как гуманитарных, так и точных наук. Это обусловлено тесной взаимосвязью эмоций и когниции человека, а также тем, что одна из важнейших функций языка направлена прежде всего на передачу информации и ее эмоциональной составляющей. Сложная система человеческого мозга, его способности и возможности, принципы работы левого и правого полушарий, восприятие мира человеком в кодифицирующих конструкциях, умение человека говорящего кодировать и декодировать информацию, выражать мысли, чувства и эмоций через систему языковых кодов находятся в фокусе внимания современной научной мысли. При этом сегодня в мировой литературе и науке о языке особую значимость приобретает эмоциональный мир русского человека.

Русский мир, русская культура, русский эмоциональный человек интересен для современной зарубежной науки, причем будь то европейская или азиатская, и среди русских писателей всегда был и остается притягательным неординарный образ великого русского писателя Ф.М. Достоевского.

Действительно, популярность произведений Фёдора Михайловича Достоевского остаётся неизменной не только среди наших соотечественников, но и за рубежом: его произведения продолжают читать и изучать, несмотря на сложность перевода его работ на иностранные языки. Важно подчеркнуть, что Ф.М. Достоевский занимает второе место в рейтинге «Топ-10 самых переводимых авторов России» [12]. Подобную высокую степень популярности объясняют тем, что в произведениях Ф.М. Достоевского своего рода сверхчеловеческая мощь в построении характера выводит их за рамки традиционного понимания романа [11]. Так, Н.А. Бердяев писал о Фёдоре Михайловиче в его работе «Миросозерцание Достоевского», что ничего статического нет у Достоевского, заслуга Ф.М. Достоевского, по его мнению, в том, что он познает человека в его исключительной динамичности [3, с. 8].

Литературоведческая критика, как правило, рассматривает образ Ф.М. Достоевского с разных позиций его многогранной незаурядной личности. Так, А.С. Долинин — один из исследователей жизни и творчества Ф.М. Достоевского — представляет в своих работах творческую историю двух крупнейших романов Ф.М. Достоевского — «Подростка» и «Братьев Карамазовых». На основе тщательного анализа рукописных материалов А.С. Долинин воссоздает весь ход работы Ф.М. Достоевского над его произведениями, раскрывает внутренние терзания и размышления писателя.

Художественные произведения Ф.М. Достоевского являются своего рода отражением его жизненного пути и его личности как таковой. В этой связи супруга Ф.М. Достоевского пишет в своих воспоминаниях, что в произведениях её мужа она находит черты из личной его жизни, его привычки, приписанные героям романа, <...> его личные мнения о многом, выраженные почти в тех же самых выражениях, в которых ей приходилось от него слышать [6]. Представляется, что привлечение семиотического знания для установления сущности эмоционального образа Ф.М. Достоевского в его художественных произведениях может внести определенную ясность в описание образа писателя, по крайней мере в эмоциональное состояние личности автора того или иного периода его творчества равно как и в его эмоциональный облик в целом.

Актуальность исследования определяется отсутствием объективного описания эмоционального образа Ф.М. Достоевского как *homo sentiens* (человека эмоционального) в

современном гуманитарном знании. В данной работе устанавливается эмоциональный образ писателя посредством использования универсального эмотивно-дейктического поля, разработанного З.З. Исхаковой [9], в художественной речи персонажей Ф.М. Достоевского (предусматривается, что в ряде персонажей Ф.М. Достоевский выражает самого себя). Эмотивно-дейктическое поле выступает в качестве универсального эмотиологического инструментария, а именно в виде эмотивно-дейктического поля с его ядром и периферией и совокупностью знаков, именуемых эмотивами-образами, эмотивами-символами и эмотивами-индексами, транслирующих идею указания говорящим на свои собственные эмоции (очевидно, что неосознанно).

Для установления вариантного эмотивно-дейктического поля, кодирующего и декодирующего эмоциональный образ Ф.М. Достоевского, требуется решить следующие задачи:

- проанализировать литературоведческий материал с точки зрения определения тех художественных персонажей Ф.М. Достоевского, посредством которых русский писатель выражает самого себя и свое внутреннее эмоциональное состояние;
- отобрать письменно зафиксированные высказывания с позиции критериев эмотивности (установленных в работах З.З. Исхаковой) в произведениях «Братья Карамазовы», «Игрок», «Слабое сердце», «Записки из мертвого дома», «Униженные и оскорбленные», «Идиот», «Подросток»;
- проанализировать эмотивные художественные тексты Ф.М. Достоевского посредством типологии эмотивных знаков в инвариантном эмотивно-дейктическом поле, предложенном З.З. Исхаковой;
- распределить эмотивные знаки (эмотивы-образы, эмотивы-символы, эмотивы-индексы) в соответствии с их частотностью в пространстве вариантного эмотивно-дейктического поля, кодирующего и декодирующего эмоциональный образ Ф.М. Достоевского, на предмет установления ядра и периферии;
- дешифровать эмотивные знаки с целью установления их индивидуального эмоционального смысла, принадлежащего Ф.М. Достоевскому, а именно с позиции указания эмоциональным говорящим на свои собственные эмоции. При этом для толкования смыслов предусматривается обращение к лексикографическим и грамматическим справочникам;
- систематизировать эмоционально-личностные смыслы, составляющие эмоциональный облик великого русского писателя.

В этой связи реализуются две научные традиции, господствующие в семиотике. В основе одной из них лежат идеи Ч.С. Пирса и Ч.У. Морриса о понятии знака как первоэлемента всякой семиотической системы. Вторая семиотическая традиция основывается на тезисах Ф. де Соссюра и Пражской школы, которая предполагает антиномию языка и речи (текста). Иными словами, в предлагаемом исследовании объединяются два важных направления семиотической науки, за основу которых берётся простейший атомарный элемент, а все последующие рассматриваются с точки зрения сходства с ним. В данном изыскании сопряжение двух значимых семиотических направлений реализуется в процессе декодирования константной составляющей в двуединую сущность эмотивных знаков. При этом актуальность настоящего исследования определяется еще и тем, что в современном гуманитарном знании отсутствует описание эмоционального образа Ф.М. Достоевского в его эмотивно-кодовых составляющих. Таким

Исхакова З.З., Гюльбякова Л.К., Журавлева М.В.
Эмотивные коды в произведении Ф.М. Достоевского
«Игрок»
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 18–25.
doi: 10.17759/langt.2016030303
ISSN: 2312-2757 (online)

Iskhakova Z.Z., Gylulbyakova L.K., Zhuravleva M.V.
Emotive codes in Dostoevsky's "The Gambler"
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 18–25.
doi: 10.17759/langt.2016030303
ISSN: 2312-2757 (online)

образом, актуальность научного проекта прежде всего сводится к необходимости установления научно-обоснованного эмоционального образа (известного своей неоднозначностью и противоречивостью) писателя. Иными словами, посредством лингвосомиотического и эмотиологического инструментария вносятся уточнения в образ великого русского писателя. Более того, хочется отметить, что установление вариантного типа эмотивно-дейктического поля, кодирующего и декодирующего эмоциональный образ Ф.М. Достоевского, позволяет очередной раз убедиться в присутствии эмпирической основы в концепции универсального эмотивно-дейктического поля, разработанного З.З. Исхаковой, что, в свою очередь, расширяет и развивает семиотическое знание как таковое.

Научная концепция, разработанная в кандидатской и докторской диссертациях Земфиры Зульфугаровны Исхаковой, направлена на определение содержания универсального методологического инструментария в виде эмотивно-дейктического поля с совокупностью знаков, применимого в ходе лингвосомиотического анализа эмоционально-окрашенных текстов. Важно подчеркнуть, что в докторской диссертации З.З. Исхаковой установление содержания данного поля проводится посредством сложной рубрикации вариантных типов эмотивно-дейктического поля, что предполагает диахронический аспект и привлечение субкультур в виде *homo sentiens* и *femina sentiens*. Однако стоит заметить, что в диссертации З.З. Исхаковой преимущественно используются англоязычные и франкоязычные тексты (хотя и важно отметить, что русскоязычный материал применяется в теоретическом обосновании концепции). Таким образом, в данном проекте русскоязычные эмотивные тексты представляют интерес с позиции апробирования концепции универсальности эмотивно-дейктического поля, что, в свою очередь, влечет за собой развитие эмотиологической семиотики в целом.

Итак, образ Ф.М. Достоевского никогда еще не рассматривался с позиции эмотивного дейксиса, как в отечественной, так и в мировой гуманитарной науке. Впервые используется новый универсальный методологический инструментарий, понимаемый как инвариантное эмотивно-дейктическое поле, для установления типологии эмотивных кодов, используемых героями произведений Ф.М. Достоевского, через которых писатель выражает свое внутреннее эмоциональное состояние.

Эмоционально-окрашенные знаки идентичны конвенциональным знакам Ч.С. Пирса по своим переключателям, отвечающим за то или иное содержание знака. Здесь имеется в виду, что соотношения между содержанием и формой знака, в частности, по сходству и относительной и абсолютной смежности, остаются устойчивыми при любых типах знака, будь то конвенциональные или неконвенциональные, отвечая за их качество, а именно образность, символичность и индексальность. Учитывая типологию соотношений между формой и содержанием знака, эмотивные знаки имеют следующую классификацию. Так, представителями эмотивов-символов являются аффективы: междометия, эмоционально-оценочные прилагательные; единицы из ряда ненормативной лексики [9]. К классу эмотивов-индексов относят: 1) коннотативы, предусматривающие осмысление экспрессивно-эмотивного значения слова посредством экспрессивных формообразующих словообразовательных аффиксов; 2) коннотативы с увеличенной экспрессивностью в семантической структуре слова, 3) единицы ассоциативно-эмотивной лексики, где указательное местоимение выполняет значимую роль, 4) синтактико-стилистические средства вербализации эмоций [4, с. 168]. К эмотивам-образом, в свою очередь, относятся коннотативы с ассоциативно-образным переосмыслением значения слова (словосочетания) в виде различных тропов или фразеологизмов.

Хочется подчеркнуть особенность прикладной части данной работы. Так, основные аспекты проблемы описываются на материале художественных текстов, при этом исключаются дневники и другие какие-либо автобиографические очерки. Это обусловлено спецификой объекта исследования, имеющего отношение к выражению эмоций говорящим в сугубо спонтанной, максимально приближенной к реальности письменно зафиксированной художественной речи. Более того, важно учитывать эмоционально-коммуникативную ситуацию, исчисляемую графическим оформлением высказывания, в частности посредством восклицательного знака, а также лексическим описанием эмоциональной кинесики, фонации и просодии. Графические знаки, фонация и просодия способствуют более объективному выявлению и подборке художественных текстов, возможных для исследования эмоционально-психологического образа героя произведения с позиции кодифицирующих эмотивных кодов.

Герои произведений Ф. М. Достоевского тонко чувствуют мир и открыто выражают эмоции. Изучение теории эмотивного дейксиса позволяет определить и выбрать эмотивно-знаковые единицы языка в письменной речи персонажей в произведении «Игрок». Посредством применения триединой знаковой системы языка и сплошной выборки текстов, произведен отбор эмотивов-символов, эмотивов-индексов, эмотивов-образов. Данные эмотивные знаки передают читателю те эмоции, которые испытывал и одновременно воспроизводил в речь герой произведения. Наиболее частотной эмотивно-знаковой единицей является знак-символ. Примером могут служить следующие строки: *Ей-богу, не хочу таких добродетелей! Терпеть не могу честных людей, к которым подходить страшно.* [7]. *Ей-Богу* является междометием (устар. и разг.) со значением уверения: «действительно, истинная правда» [10, с. 187]. Семантический денотат междометия в данном случае эмотивен и максимально экспрессивен, на что указывает восклицательный знак в графическом оформлении высказывания.

Рассмотрим следующий пример: *О, как мне все это противно! С каким наслаждением я бросил бы всех и вся!* [7, с. 31]. Здесь междометие *О* выражает сильное чувство [10, с. 424], а именно указывает на наличие негативных чувств у главного героя, что подтверждает присутствие слова *противно* в высказывании.

Следующей частотной единицей является знак-индекс, так как выражение и указание на эмоциональность говорящего реализуется повторением лексических единиц: *Довольно, мистер Астлей, пожалуйста, пожалуйста, не напоминайте, — вскричал я с досадой, чуть не со злобой, — знайте, что я ровно ничего не забыл; но я только на время выгнал всё это из головы, даже воспоминания, — до тех пор, покамест не поправлю радикально мои обстоятельства; тогда... тогда вы увидите, я воскресну из мертвых!* [7, с. 200].

Повтор единиц *пожалуйста, тогда* выдают нетерпеливое состояние героя. В той связи Ш. Балли утверждает, что, если мысль повторяется несколько раз, то она уже выражает некоторые внутренние импульсы [2, с. 124]. Таким образом, эмотивный индекс в виде повтора может быть вызван волнением, сильными эмоциями, что собственно затрудняет порождение эмотивного высказывания как такового. В данном примере повтор единиц *пожалуйста, тогда* выдают нетерпеливое состояние героя произведения.

Кроме того, функцию знаков-индексов выполняют морфологические средства реализации эмотивности, так как они усиливают значение у производной основы эмотивной единицы. Рассмотрим следующий пример: *Мы с тобой еще сочтемся, французишка, померимся! — бормотал я, сходя с лестницы* [7, с. 71]. Здесь лексическая

Исхакова З.З., Гюльбякова Л.К., Журавлева М.В.
Эмотивные коды в произведении Ф.М. Достоевского
«Игрок»
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 18–25.
doi: 10.17759/langt.2016030303
ISSN: 2312-2757 (online)

Iskhakova Z.Z., Gulybyakova L.K., Zhuravleva M.V.
Emotive codes in Dostoevsky's "The Gambler"
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 18–25.
doi: 10.17759/langt.2016030303
ISSN: 2312-2757 (online)

единица *французишка* с помощью суффикса – *ишк* выражает негативную эмоцию, а именно знак неодобрения, поскольку суффикс – *ишк*, будучи формообразовательной единицей, образует имена существительные со значением пренебрежительности, уничижительности [6].

Итак, с одной стороны, в ходе реализации данного проекта концепция алгоритма неконвенционального эмотивного дейксиса проходит своего рода апробирование, а с другой стороны, данное исследование устанавливает эмоциональную составляющую неординарного образа выдающегося ("всех времен и народов") русского писателя Ф.М. Достоевского посредством "твердых", устойчивых эмотивно-кодифицирующих конструкторов. Хочется отметить теоретическую и практическую значимость исследования. Она заключается в возможности использования его материалов в разных сферах научной и педагогической деятельности: лингвосомиотических исследованиях, истории русской литературы, русской словесности, лингвокультурологии, основах языкознания, практике литературного редактирования.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности: учебник. М.: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
2. *Балли Ш.* Французская стилистика. Москва, 1961.
3. *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA-Press, 1923.
4. *Васильев Л.М.* Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сб. избр. ст. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 524 с.
5. *Долинин А.С.* Последние романы Достоевского: как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». Москва – Ленинград: Советский писатель, 1963. 343 с.
6. *Достоевская А.Г.* Воспоминания. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С.В. Белова и В.А. Туниманова. М.: Правда, 1987. 544 с., 8 л. ил.
7. *Достоевский Ф.М.* Игрок. М.: Азбука-классика, 2011.
8. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
9. *Исхакова З.З.* Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере. М.: Флинта-наука, 2014.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* М.: Толковый словарь русского языка, 2001.
11. Cassell's Encyclopaedia of World Literature Vol. 1. N.Y.: 1973.
12. Index Translationum [Электронный ресурс] // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx>.
13. *Lyons J.* Semantics. Vol. 2. Cambridge Univ. Press, 1977. 897 p.

Исхакова З.З., Гюльбякова Л.К., Журавлева М.В.
Эмотивные коды в произведении Ф.М. Достоевского
«Игрок»
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 18–25.
doi: 10.17759/langt.2016030303
ISSN: 2312-2757 (online)

Iskhakova Z.Z., Gylbyakova L.K., Zhuravleva M.V.
Emotive codes in Dostoevsky's "The Gambler"
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 18–25.
doi: 10.17759/langt.2016030303
ISSN: 2312-2757 (online)

Emotive codes in Dostoevsky's "The Gambler"

Iskhakova Z.Z.,

*Doctor in Philology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
prof_zemfira@hotmail.com*

Gylbyakova L.K.,

*master student, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Faculty
of Foreign languages, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow,
Russia, lyulbyakova@mail.ru*

Zhuravleva M.V.,

*master student, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Faculty
of Foreign languages, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow,
Russia, maria.karamazova2013@yandex.ru*

This article is devoted to encoding and decoding the emotional image of F.M. Dostoevsky through the variant emotive deictic field with its emotive codes in the sphere. The object is the emotional speech of the characters in the works of F.M. Dostoevsky. The subject of the study are the emotive signs in the emotional speech of the characters of F.M. Dostoevsky. The aim of the article is to identify the most frequent emotive signs in Dostoevsky's "The Gambler", reflecting the emotional state of the characters, through which Russian writer expresses himself.

Keywords: decoding of emotional signs, emotive signs, deixis, emotional deixis, emotive deixis, signs symbols, signs images, signs codes.

References

1. Asmolov A.G. *Psikhologiya lichnosti: uchebnik* [Personality Psychology] Moscow: Publ. MGU, 1990, p. 367.
2. Balli Sh. *Frantsuzskaya stilistika* [French style]. Moscow: 1961.
3. Berdyaev N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [The Philosophy of Dostoevsky]. Praga: YMCA-Press, 1923.
4. Vasil'ev L.M. *Teoreticheskie problemy obshchei lingvistiki, slavistiki, rusistiki* [Theoretical problems of general linguistics, Slavic Studies, Russian Studies]: sb. izbr. st. Ufa: RIO BashGU, 2006, p. 524.
5. Dolinin A.S. *Poslednie romany dostoevskogo: kak sozdavalis' «Podrostok» i «Brat'ya Karamazovy»* [Recent novels of Dostoevsky: how to create a "teenager" and "The Brothers Karamazov"]. Moscow – Leningrad: Sovetskii pisatel', 1963, p. 343.
6. Dostoevskaya A.G. *Vospominaniya* [Memories]. / Vstup. stat'ya, podgot. teksta i primech. S.V. Belova i V.A. Tunimanova. — Moscow: Publ. Pravda, 1987. p. 544, 8 l. il.
7. Dostoevskii F.M. *Igrok* [The Gambler]. Moscow: Publ. Azbuka-klassika, 2011.

Исхакова З.З., Гюльбякова Л.К., Журавлева М.В.
Эмотивные коды в произведении Ф.М. Достоевского
«Игрок»
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 18–25.
doi: 10.17759/langt.2016030303
ISSN: 2312-2757 (online)

Iskhakova Z.Z., Gylbyakova L.K., Zhuravleva M.V.
Emotive codes in Dostoevsky's "The Gambler"
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 18–25.
doi: 10.17759/langt.2016030303
ISSN: 2312-2757 (online)

8. Efremova T.F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New Dictionary of Russian language. Explanatory-derivation]. Moscow: Russkii yazyk, 2000.
9. Iskhakova Z.Z. Emotivno deikticheskaya konstanta v semiosfere [Emotive-deictic constant in the semiosphere]. Moscow: Flinta-nauka, 2014.
10. Ozhegov S.I., Shvedova. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian language]. Moscow.: 2001.
11. Cassell's Encyclopaedia of World Literature Vol.1. New York: 1973.
12. Index Translationum [Elektronnyi resurs]. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx>.
13. Lyons J. Semantics. Vol. 2. Cambridge Univ. Press, 1977, p. 897.

Художественное воплощение темы «жизнь и смерть во Христе» в рассказе В.Г. Короленко «Старый звонарь»

Силина Л.А.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультета «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, l-silina@mail.ru

В статье рассматривается проблема христианского осмысления жизни и смерти в творчестве В.Г. Короленко. Анализируются основные черты христианского мировидения, нашедшие художественное воплощение в образе главного героя произведения.

Ключевые слова: христианская концепция, жизнь, смерть, жанр, пасхальный рассказ.

Для цитаты:

Силина Л.А. Художественное воплощение темы «жизнь и смерть во Христе» в рассказе В.Г. Короленко «Старый звонарь» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Silina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030304

For citation:

Silina L.A. The artistic representation of the idea of true Christianity in the Korelenko's short-story «The Old Bell-Ringer» [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Silina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030304

В отечественной науке художественные искания В.Г. Короленко традиционно вписывались в русло демократического направления русской литературы конца XIX начала XX столетия. Короленко был признан как писатель-гуманист, художественное своеобразие творческого наследия которого выдвинуло его в «первые ряды» русской литературы. Демократическая направленность, глубокий гуманизм, национально-историческая и социокультурная проблематика, романтизация образов, проникновенное лирическое начало – это черты художественного метода писателя, всё творчество которого было обращено к вопросам национального характера, острым проблемам исторического бытия нации.

Советское литературоведение видело в нём певца трудового народа, создателя образов бедных, но не раздавленных жизненными обстоятельствами, стойких и гордых борцов, жаждущих правды и стремящихся к «свету» [Айхенвальд Ю.И., Бялый Г.А., Катаев В.Б., Луначарский А.В., Пиксанов Н.К.].

Творчество писателя проникнуто пафосом духовного поиска, герои его произведений поставлены в ситуации, требующие от них принятия решения, связанного именно с проблемой нравственного выбора, исполнения своего человеческого долга, их отличает поиск и отчаянное, порой безрассудное стремление к свободе. Герои разные, в основном это люди из народа, далёкие от идеала в общепринятом смысле этого слова, однако характеры их овеяны пафосом романтики. Мотивами «вольной волюшки» проникнуты многие

© 2016 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет» © 2016 Moscow State University of Psychology & Education

Силина Л.А.
Художественное воплощение темы «жизнь и смерть
во Христе» в рассказе В.Г. Короленко
«Старый звонарь»
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 26–30.
doi: 10.17759/langt.2016030304
ISSN: 2312-2757 (online)

Silina L.A.
The artistic representation of the idea of true
Christianity in the Korelenko's short-story
«The Old Bell-Ringer»
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 26–30.
doi: 10.17759/langt.2016030304
ISSN: 2312-2757 (online)

произведения писателя («Соколинец», «Без языка»), в которых герои отчаянно стремятся не только к свободе, но и к поиску «правильной жизни». Галерея народных образов выражает авторское представление о русском характере, главными чертами которого являются стихийность и апатия, свободолюбие и талантливость, правдоискательство и огромный душевный порыв. Несмотря на противоречивость качеств, носителями которых являются герои, типология характеров, выстроенная в художественном творчестве писателя, затрагивающая различные стороны народной жизни, содержит в себе некий положительный стержень, что в свою очередь позволяет рассматривать данные образы в контексте характерологических свойств русского национального характера.

Подобный взгляд на стержневые и противоречивые в своей основе свойства национального характера русского народа, а также предельно реалистическое изображение антиномии русского быта, вливается в богатую литературную традицию, начатую ещё в начале 50-х гг. XIX века И.С. Тургеневым, затем продолженную Н.С. Лесковым, Г.И. Успенским, И.А. Буниным в 70-90 гг. XIX столетия.

Однако иной вектор анализа художественного творчества писателя даёт основание говорить о мощной духовной традиции, связанной с христианской концепцией мира и человека, нашедшей отражение в произведениях В.Г. Короленко. Христианские мотивы и образы реализуются в образной символике, художественных деталях, психологическом портрете и пейзаже, на уровне сюжетно-композиционного построения некоторых произведений писателя, таких как цикл «Павловские очерки», рассказы «Старый звонарь», «Сон Макара».

Влияние христианства обусловило появление календарно-духовных текстов, процесс оформления которых начался в период Древнерусской литературы. Становление жанра святочного и пасхального рассказов имело свои подъёмы и спады, но уже в начале XIX века были сформированы ключевые разновидности текстов с пасхальным и святочным сюжетом, впоследствии художественно реализовавшиеся в контексте русской прозы [6]. Дань этим жанрам отдали великие русские писатели: Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, А.П. Чехов, В. Г. Короленко, Л. Андреев, И.А. Бунин. Это даёт основание мысли о том, что в литературе очень сильны христианские традиции, в значительной степени обогатившие творчество русских писателей, принадлежащих к демократическому направлению, глубокой вневременной проблематикой (М.Е. Салтыков-Щедрин, В.Г. Короленко).

В жанровую традицию календарно-духовных текстов вписываются рассказы В.Г. Короленко «Сон Макара» и «Старый звонарь». Однако тема «жизни и смерти во Христе» в полную мощь звучит в рассказе «Старый звонарь». Художественное своеобразие небольшого по объёму произведения Короленко необычайно глубоко по своей содержательно-смысловой составляющей. На первый взгляд сюжет предельно прост, так как в основу повествования положен небольшой эпизод из жизни героя, причём развитие сюжетного действия построено на переживании старым звонарём Михеечем праздника Светлого Христова Воскресения. Хронологические рамки также достаточно сжаты – это Великое повечерье, канун и наступление Пасхи. Несмотря на кажущуюся простоту сюжета, замкнутого в ограниченные временные координаты, в структуре художественного целого можно увидеть несколько пространственно-временных пластов, контаминирующих в себе «земное» и «сакральное» пространства (Землю/Небо), а также смешение временных координат «прошлого» и «настоящего». Начав с изображения Святого вечера, когда старый

Силина Л.А.
Художественное воплощение темы «жизнь и смерть во Христе» в рассказе В.Г. Короленко «Старый звонарь»
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 26–30.
doi: 10.17759/langt.2016030304
ISSN: 2312-2757 (online)

Silina L.A.
The artistic representation of the idea of true Christianity in the Korelenko's short-story «The Old Bell-Ringer»
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 26–30.
doi: 10.17759/langt.2016030304
ISSN: 2312-2757 (online)

звонарь взбирается на колокольню, автор, используя приём ретроспективного повествования, выстраивает жизнеописание Михеича как духовно-нравственное восхождение по «лестнице» ввысь к Небу. В самом начале текста даётся детское радостное восприятие мира «белокурого мальчонки» с разгоревшимися от радости и изумления глазами, впервые с «тяткой» взбравшегося на колокольню: «Внизу далеко-далеко ходят какие-то маленькие люди, и домишки деревни тоже маленькие, и лес отодвинулся вдаль, и круглая поляна, на которой стоит поселок, кажется такую громадную, почти безграничную» [5, с. 7]. Границы реального мира раздвигаются до масштабов безграничности, и в этом неземном пространстве есть кто-то «... особенный, высоко над землей машущий своими бесшумными крыльями» [5, с. 7]. Затем повествование набирает внутренний эмоциональный накал. Старик склоняет голову на грудь, душу наполняет непонятная истома и мысленному взору Михеича предстаёт картина пасхальной службы: «Мужики крестятся... Все знакомые лица и все-то покойники... Вот строгий облик отца; вот и старший брат истово крестится и вздыхает, стоя рядом с отцом. Вот и он сам, цветущий здоровьем и силой, полный бессознательной надежды на счастье, на радости жизни... Где оно, это счастье?.. Старческая мысль вспыхивает, как угасающее пламя, скользя ярким, быстрым лучом, освещающим все закоулки прожитой жизни... Непосильный труд, горе, забота... Где оно, это счастье? Тяжелая доля проведет морщины по молодому лицу, согнет могучую спину, научит вздыхать...» [5, с. 8]. Теперь он уже старик, задающийся мыслью о том «... что-то будет с ним через год? Бог знает..., а пока привел Бог еще раз встретить праздник» [5, с. 6]. Течение мысли старого звонаря даёт толчок развитию сюжетного действия, глубоко психологическое изображение процесса внутренних переживаний героя делают возможным раскрыть его внутренний мир, обнаружить сущностные свойства души, показать характер в своей основе глубоко христианский. Структурирующим принципом композиционного построения рассказа является приём композиционного параллелизма, позволяющий соотнести внутреннее состояние героя с пейзажем, созвучным не только его мыслям и переживаниям, но и мировосприятию в целом. В мировосприятии старого звонаря, мир, лежащий вокруг него, – деревенька, церковь, лес, речка, небо, звёзды – мир Божий: «Ему не нужно часов: божьи звезды скажут ему, когда придет время...» [5, с. 6].

Внешний слой композиции, подзаголовок «Весенняя идиллия», глубоко символичен и многозначен, так как позволяет вписать данное произведение в русскую пасхальную традицию. Традиционно в мифопоэтике, да и в литературоведении в целом, весна всегда живое начало, дающее жизнь всему новому. Духовное обновление, радость, пробуждение человека к новому и светлому, надежда на спасение – это то, что символизирует собой праздник Святой Пасхи. Смерть старого звонаря символична и не нарушает торжества мироздания в Светлое Пасхальное Воскресение, ибо на Пасху по православной святоотеческой традиции Господь призывает к себе Избранных своих. Старый звонарь, прожив с Богом в душе всю жизнь, умирает в служении ему, благовестя о победе Спасителя над Смертью. «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» [3, с. 346].

Идея о том, что прожив жизнь во Христе, то и смерть во Христе не страшна, так как она не Смерть, а Жизнь, что находит подтверждение в 6-ой главе «Послания к Римлянам святого апостола Павла», где сказано: «Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над ним власти» [1, с.319]. В концепции христианской эсхатологии жизнь на земле – это преддверие к жизни «вечной», наступающей за порогом смерти физической. Начиная с

Силина Л.А.
Художественное воплощение темы «жизнь и смерть
во Христе» в рассказе В.Г. Короленко
«Старый звонарь»
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 26–30.
doi: 10.17759/langt.2016030304
ISSN: 2312-2757 (online)

Silina L.A.
The artistic representation of the idea of true
Christianity in the Korelenko's short-story
«The Old Bell-Ringer»
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 26–30.
doi: 10.17759/langt.2016030304
ISSN: 2312-2757 (online)

детства, вся история жизни и смерти Михеича подана сквозь призму христианского мировидения, концептуально-важными аспектами которого являются такие, как нестяжание, беззлобие, неосуждение, переживание страданий людских как своих собственных, приятие мира в добре и зле. Старик много пережил, сам страдал и видел страдания других, хоронил родных, жену и детей. Его сердце переполнено болью, но мир зла и несправедливости не поколебал его душу: «Кипит-разгорается у Михеича сердце, а темные лики икон сурово глядят со стены на людское горе и на людскую неправду... «Бог вас суди, Бог суди!» – шепчет старик и поникает седую головой, и слезы тихо льются по старым щекам звонаря» [5, с. 8].

Кольцевое обрамление рассказа позволяет сомкнуть его начало и конец в единый содержательно-смысловой узел. На колокольне, близко к Богу, где ангельские крылья в таком далёком теперь уже детстве ласково «трепали его волосёнки», жизненная судьба героя начинается и завершается. Старик, напрягая свои последние силы, в последний раз в своей жизни возвестил человечеству о Христе. Доносившееся с земли «Христо-о-с Воскресе из мертвых...» нашло горячий отклик в «старческом сердце», переполняя его радостью принятия Христа. «Казалось, его переполненное старческое сердце перешло в мертвую медь, и звуки точно пели, трепетали, смеялись и плакали и, сплетаясь чудною вереницей, неслись вверх, к самому звездному небу» [5, с. 9]. В унисон этому горячему порыву человеческой души «... звезды вспыхивали ярче, разгорались, и звуки дрожали и лились, и вновь припадали к земле с любовною лаской... Большой бас громко вскрикивал и кидал властные, могучие тоны, оглашавшие небо и землю: «Христос Воскресе!» [5, с. 9].

Смерть в Боге, которая даровалась звонарю – дар, ибо всю свою жизнь он совершал восхождение к Христу. Мотивно-образная организация текста (пасхальные мотивы и образ колокола) – осмысление жизни и смерти героя как свидетельство о Христе.

Христианская концепция смерти нашла яркое выражение в рассказе «Старый звонарь», так как вся история жизни и смерти героя исполнены присутствием Бога. «Сосредоточение силы Божией особенно бывает в разумном образе Божества – в человеке, именно в его сердце, исполненном веры, надежды и любви, как в фокусе; в нём отражается светом Своим Солнце правды» [4, с. 536].

Финансирование

Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 16-04-00523.

Литература

1. *Апостол. М.*: Издательство Сретенского монастыря, 2010. 831 с.
2. *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. 288 с.
3. Библия. Книга Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. 1376 с.
4. *Кронштадтский И.* Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге. Минск: Издательство Белорусского Экзархата – Белорусской Православной Церкви, 2005. 688 с.
5. *Короленко В.Г.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Издательство Правда, 1971. 495 с.
6. *Николаева С.Ю.* Пасхальный текст в русской литературе. Монография. М.; Ярославль: Издательство Литера, 2004. 360 с.

Силина Л.А.
Художественное воплощение темы «жизнь и смерть
во Христе» в рассказе В.Г. Короленко
«Старый звонарь»
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 26–30.
doi: 10.17759/langt.2016030304
ISSN: 2312-2757 (online)

Silina L.A.
The artistic representation of the idea of true
Christianity in the Korelenko's short-story
«The Old Bell-Ringer»
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 26–30.
doi: 10.17759/langt.2016030304
ISSN: 2312-2757 (online)

The artistic representation of the idea of true Christianity in the Korelenko's short-story «The Old Bell-Ringer»

Silina L.A.,

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Linguodidactics and Cross-Cultural Communication, Faculty of Foreign languages, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, l-silina@mail.ru

The article deals with the problem of the Christian understanding of life and death in the works of VG Korolenko. The main features of the Christian worldview are analyzed, which have found artistic expression in the image of the main character of the story.

Keywords: Christian conception, life, death, genre, Easter story.

Funding

This work was supported by grant RGNF № 16-04-00523.

References

1. Apostol [The Apostle]. Moscow: Publ. Sretenskogo monostyrja, 2010. p. 831.
2. Ajxenvald Yu. Siluety russkix pisatelej. Sobranie sochinenij: v 2 t. T. 2. [Silhouettes of Russian Writers. Collected Works: in 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Publ. TERRA – Knizhnyj klub; Respublika, 1998. p. 288.
3. Bibliya. Kniga Svyashhennogo pisaniya Vetxogo i Novogo zaveta [The Holy Bible Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Publ. Moskovskoj Patriarxii, 2010. p. 1376.
4. Kronshtadtskij I. Moya zhizn vo xriste ili minuty duxovnogo trezveniya i sozercaniya, blagogovejnogo chuvstva, dushevного исправleniya i pokoya v boge [My life in Christ or minutes of sobriety and spiritual contemplation, reverent feelings, mental fixes and rest in God]. Minsk: Publ. Belorusskogo Ekzarxata – Belorusskoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2005. p. 688.
5. Korolenko V.G. Ssobranie sochinenij: v 6 t. T. 3 [Collected Works in 6 vol. Vol. 3] Moscow: Publ. Pravda, 1971. p. 495.
6. Nikolaeva S.Yu. Pasxalnyj tekst v russkoj literature. Monografiya. Moscow; Yaroslavl: Publ. Litera, 2004. p. 360.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике Санта-Мария-Маджоре в Риме

Цыкунов И.В.,
магистр лингвистики, artefakt@yandex.ru

Все архитектурные элементы в средневековом храме, как и он сам, являются единым символическим пространством, где все детали репрезентируют идею Бога и обращены либо к верующим, либо к Создателю непосредственно. И в этой системе мозаичные полы мастеров Космати не являются чуждым элементом – по сути, это не что иное, как молитва, созданная в камне, но при этом молитва живая, представленная сложным языком в мозаичных рисунках христианских образов. В статье на примере римской базилики Санта-Мария-Маджоре рассматриваются богатые семиотические возможности косматеско в выражении идей и представлений своего века. Автор восстанавливает значение символов стиля, опираясь на тексты эпохи и реконструкцию воззрений Средневековья, сделанную историками искусства и религии.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, семиотика, семантика, косматеско, мастера Космати, мозаика, мозаичисты, каменщики, Средневековая Италия, Рим, базилика Санта-Мария-Маджоре, христианство, католичество, религия, символика, история искусства.

Для цитаты:

Цыкунов И.В. Молитва в камне: символы косматеско в базилике Санта-Мария-Маджоре в Риме [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Tsykunov.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030305

For citation:

Tsykunov I.V. Prayer in stone: symbols cosmatesque in the Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Tsykunov.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030305

1. Базилика Санта-Мария-Маджоре

Одним из интереснейших объектов для анализа символики косматеско является римская базилика Санта-Мария-Маджоре [35]. Она самая большая среди всех римских храмов, посвященных Деве Марии, и находится под непосредственным управлением папы римского. Базилика построена во времена раннего христианства и лучше всех сохранила свои исконные интерьеры, насколько это было возможно за несколько бурных исторических эпох, когда создавались и распадались государства, велись бесчисленные войны, менялись властители и папы, настоятели и поколения прихожан. С момента закладки первого камня вокруг изменилось все, а внутри многое осталось на месте, подчеркивая образ храма как корабля, плывущего сквозь время и опасности окружающей жизни, открывающего верующим путь к Небесному Иерусалиму и спасению.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Рис. 1. Базилика Санта-Мария-Маджоре (западный фасад)

С основанием базилики Санта-Мария-Маджоре связана легенда. В одну из душных летних ночей папе римскому Либерию и богатому горожанину Иоанну Патрицию явилась во сне Мадонна и повелела построить храм на том месте, где выпадет снег. На следующее утро, 5 августа 352 года, на холме Эсквiline лег снег, что было чудом. По преданию, план храма папа Либерий (св. Либерий, в русской традиции Ливерий Исповедник) чертил посохом прямо на снегу. Построили собор, который впоследствии сменила базилика, возведенная в честь победы над несторианами на Третьем Вселенском соборе по указу папы Сикста III (святого, канонизированного католической церковью) в 440-х годах.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Рис. 2. Базилика Санта-Мария-Маджоре (восточный фасад)

Базилика несколько раз меняла название, пережила не одну реконструкцию, но всегда почиталась и считалась главным храмом из посвященных Богородице. Тут до сих пор сохранилась мозаика, датируемая V веком н. э. Главный неф церкви и триумфальную арку украсили еще при папе Сиксте III. Основная реликвия базилики – деревянные фрагменты яслей младенца Иисуса. Расположены они в особой серебряной раке в крипте под алтарем. Множество пап, епископов и уважаемых граждан упокоилось в Санта-Мария-Маджоре. Служба ведется и сейчас, привлекая паломников из разных стран. Нас же интересуют мозаичные полы, созданные мастерами Космати в XIII веке. Они просуществовали несколько столетий, пока не были обновлены в XVIII веке [28, с. 48]. Судя по деталям орнамента, реконструкция 1750 года коснулась отдельных пришедших в негодность элементов, сохранив общий рисунок произведения римских мозаичистов [31]. Оценить произведение мастеров и рассмотреть в деталях можно благодаря онлайн-экскурсии, представленной на сайте храма [36].

Полы в Санта-Мария-Маджоре уникальны. Сохраняя очевидные черты и элементы стиля мастеров Космати, они имеют отличия: преобладание больших геометрических фигур над фоновыми, более высокую символическую насыщенность, отдельные нехарактерные для косматеско символы. Вероятно, при планировании иконографической программы для мозаичных полов учитывались особые пожелания заказчиков или мастера реализовывали определенную богословскую идею, требующую именно такого набора элементов. Но прежде

чем вникать в замысел священников и каменщиков, стоит определиться, с какими именно символами мы имеем дело.

2. Символы мастеров Космати

Исследуемые фигуры в базилике Санта-Мария-Маджоре можно разделить на несколько очевидных групп: «круги», «кресты», «звезды», «квадраты», «комбинированные» фигуры. В базилике насчитывается 76 больших «фигурных» элементов и четыре пробельных «служебных», предназначенных для размещения мемориальных досок. Оригинальных символов в «азбуке» пола косматеско всего 21 – это 20 геометрических фигур, повторяемых с определенной последовательностью, и одна центральная осевая композиция, транслируемая четыре раза. Из имеющихся фигур с известной долей условности выделяем: восемь комбинированных (четырёх- и пятичастных), один круг, пять крестов, две звезды и четыре квадрата. Попробуем последовательно разобрать их значения.

2.1. Комбинированные фигуры

Под комбинированными фигурами мы понимаем связанные в единый комплекс геометрические построения, иллюстрирующие какую-либо сложную символическую концепцию.

2.1.1. Триединство в едином

Центральную осевую линию нефа занимает комбинированная фигура, повторяющаяся четыре раза, состоящая из 3 больших кругов в окружении 12 малых. Все они переплетаются классической «лентой» косматеско, объединяющей композицию. Мы можем предположить, что перед нами символическая репрезентация Троицы (Отец, Сын, Дух Святой) в окружении 12 апостолов. Три круга, обозначающих Троицу довольно частый мотив в интерьере христианских храмов [27, с. 179].

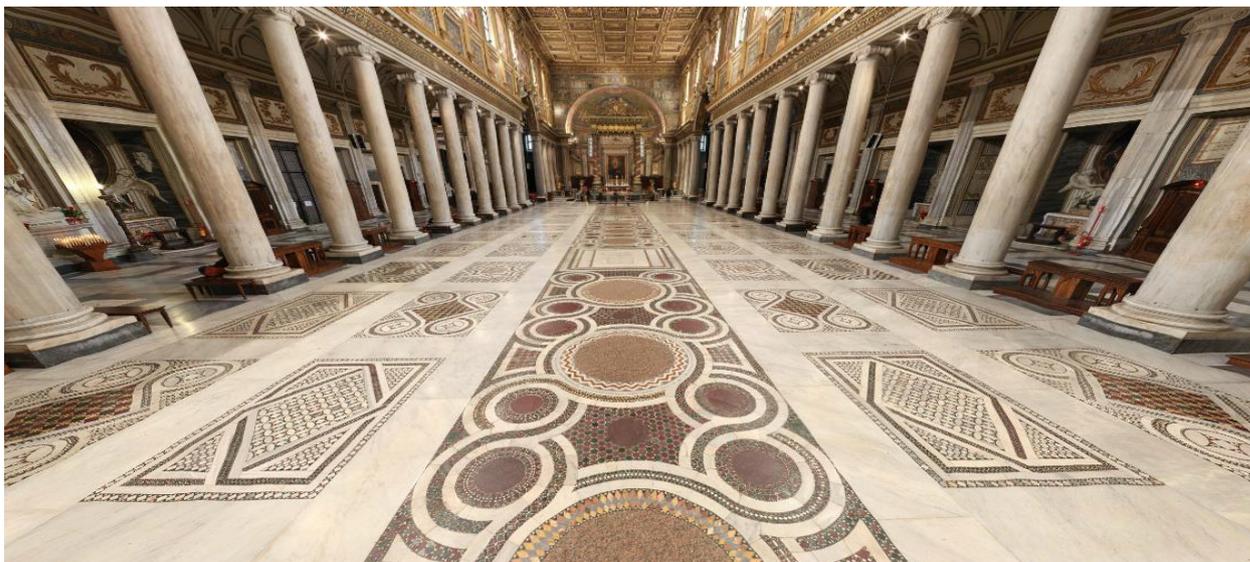

Рис. 3. Центральная полоса нефа в базилике Санта-Мария-Маджоре

Во второй от входа композиции в центральном круге мы находим символическую «подсказку»: хризму с классическим обозначением «альфы» и «омеги» [33, с. 216-217]. Известно, что эта монограмма, составленная из букв X и P, была распространена с

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

апостольских времен. Греческое название монограммы *chrisma* (собств. «помазание», «миропомазание») может переводиться как «печать» и восходит к тексту апокалипсиса: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1:8; см. также Откр. 22:13). Начальная и конечная буквы греческого алфавита обозначают божественную суть Иисуса Христа: «Его собезначальное бытие со Отцем, Его отношение к миру, как первоисточника всего и конечной цели всякого бытия» [41].

В Санта-Мария-Маджоре мы видим хризму, венчающую арку над апсидой, символизирующей победу над смертью.

Рис. 4. Хризма (слева), фрагмент апсиды базилики Санта-Мария-Маджоре с хризмой (справа).

По христианским представлениям, человек, с верой произносящий имя Христа или Святой Троицы, выходит за пределы земной реальности – молитва летит в горный мир к Престолу Вседержителя, что и определяет значение комбинированной фигуры. Все четыре блока фигуры (3+12) составляют также единую осевую композицию, где 12 больших кругов выстроены в единую линию от входа к алтарю. Именно она объединяет и концентрирует сопутствующие символические ряды. И семантика их очевидна: 12 апостолов – 12 столпов Небесного Иерусалима, так как сказано: «Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца» (Откр. 21:14). Здесь же возможны следующие толкования: 12 месяцев и четыре сезона, определяющие земной хронотоп, и 12 знаков зодиака с четырьмя стихиями (огонь, воздух, вода, земля), составляющими материальную основу всего сущего. Впрочем, подробнее мы разберем эту символику ниже.

Расположение кругов подчеркивает особую роль алтаря, как поясняет Денис Р. Макнамара: «Планировка церковного здания должна была отражать микрокосм

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

христианина. Шествие по нефу символизировало путь человека по жизни с конечной остановкой у Престола, священного символа Христа, и алтаря, архитектурного образа Небес» [9, с. 90]. Любопытно, что, когда в храме к службе устанавливают скамьи для молящихся, осевая линия всегда остается свободной. Но это особенность современности, до периода Реформации в католических храмах скамьи не использовались, верующие во время службы стояли и имели больше возможностей любоваться на красоту мозаичных полов [9, с. 90].

Во второй от входа центральной композиции, помимо хризмы, по центральному кругу идет надпись (рис. 5): MEMORIA IOANNIS ROMANI EIVSQUE VXORIS QVI PRODIGIOSA NIVE LOCVM DESIGNANTE HANC BASILICAM FVNDARVNT EORVM CINERES NARTHECE AD SACELLVM SACRARIO CONTIGVVM OLIM TRANSLATI SPECTABILIORI HOC SEPVLCRO DEINDE COMPOSTI SVNT. *Памятник Иоанну Римлянину и его жене, которые, после того как чудесный снег указал место, основали эту базилику. Их останки, некогда перенесённые из притвора в усыпальницу, примыкающую к храму, были затем захоронены в этой более красивой гробнице¹.*

Рис. 5. Круг с хризмой и надгробной надписью, Санта-Мария-Маджоре

Напоминание о легенде появления базилики. Этому же событию посвящена мозаика на входе в храм и барельеф в капелле Паолина авторства Карло Мадерно «Папа Либерий очерчивает периметр базилики».

2.1.2. Пять элементов Космати

Следующая фигура является важнейшей для искусства косматеско и часто воспринимается как характерная деталь всего стиля – это пять элементов, расположенных в шахматном порядке. Как правило, это или пять кругов (четыре малых вокруг одного большого), или четыре круга вокруг квадрата (ромба). Первоначально она появляется на плутео в византийских храмах, а вслед за тем как элемент мозаики на полах работы константинопольских мозаичистов. Устоявшееся название фигуры – квинкункс (quincunx).

¹ Перевод А. С. Безлепкина.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Согласно «Реальному словарю классических древностей» [8], *quincunx* (др.-греч. πεντάγων) – первоначально обозначение меры в 5 киафов и монеты в 5 унций, 5/12 фунта, что и обозначалось на одной стороне, рядом с Диоскурами на конях, 5 точками в следующем порядке : · : Эта фигура и название были перенесены на посадку деревьев и на построение римской боевой линии.

Рис. 6. Пятичастная фигура – фрагмент пола базилики Санта-Мария-Маджоре

Ключ к расшифровке данного символа дает цифра пять (1+4), сочетание единицы как символа Бога и четырех как символа четырех евангелистов или архангелов (тетраморф). В большинстве случаев данная комбинация репрезентируется большим кругом в центре и четырьмя сопутствующими кругами, меньшими по размеру. Именно такая схема расположения элементов известна по иконографии того времени, представленной в многочисленных фресках, мозаиках и иконах. Второе название фигуры, *омфал* (др.-греч. ὀμφαλός – пуп), означает сакральный центр – пуп земли и широко известен в многочисленных древних культурах, но также и в христианстве, где он фиксирует символический центр храма, с которого читают богослужебные тексты. В русских соборных чиновниках *омфалий* – «круг» или «мера среди церкви» [6, с. 64-69]. Третье толкование фигуры: «Квинтэссенция – это *quinta essentia*, "пятый элемент" и отсюда то, что является самым существенным. Согласно Аристотелю, весь мир состоит из 4 элементов: огня, воды, воздуха и земли; пятый элемент – это вечное, всеобъемлющее Божество» [11, с. 234].

В любом случае исследуемая фигура репрезентирует символический центр, объединяющий разнообразные понятия, является иллюстрацией какой-либо философской или религиозной концепции. Конкретная интерпретация возможна только в зависимости от того, в какой системе смысловых координат рассматриваются символы.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

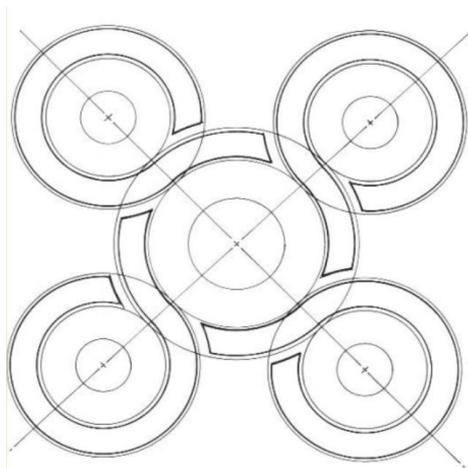

Рис. 7. Пятичастная фигура, характерная для стиля косматеско

В структуре символа всегда есть круг (ромб, квадрат) и сопутствующие ему четыре элемента (круга, квадрата). В Средневековье четырехчастное деление было популярным и по разнообразным источникам можно составить основной семантический конструктор:

Архангелы	Михаил	Гавриил	Рафаил	Уриил
Евангелисты	Матфей	Марк	Лука	Иоанн
«Животные»	Человек	Лев	Бык	Орел
Отцы Церкви	Амвросий	Иероним	Августин	Григорий
Реки Рая	Фисон	Тигр	Геон	Евфрат
Страны света	Север	Восток	Юг	Запад
Ветры	Борей	Апелиот	Нот	Зефир
Элементы	Земля	Воздух	Огонь	Вода
Времена года	Зима	Весна	Лето	Осень
Время суток	Полночь	Утро	Полдень	Вечер
Качества	Мудрость	Сила	Терпение	Свобода
Темперамент	Меланхолик	Сангвиник	Холерик	Флегматик

Четырехчастная фигура дополнялась центром, всегда игравшим роль объединителя – это либо Бог, либо София, либо мироздание или таинственный Эфир, все в соответствии с иллюстрируемой концепцией. Причем география распространения символа велика, мы встречаем его в храмах древней Византии, церквях Древней Руси, базиликах Италии, готических соборах Великобритании, в Кувуклии Гроба Господня, мечети Куббат ас-Сахра в Иерусалиме. И всегда это места значимые, насыщенные историческим и культурным контекстом [21].

Как мы видим, данная структура представления образов была популярна в Средние века. Однако как мозаичная фигура была использована в основном византийскими мозаичистами и их последователями мастерами косматеско. Интересно, что многие храмы России построены по похожей символической схеме – один большой центральный купол в окружении четырех малых, символизирующих Иисуса Христа и четырех евангелистов [37]. Первым прототипом такого типа храма стала константинопольская церковь Святых Апостолов времен Юстиниана, к сожалению не сохранившаяся до нашего времени [16, с. 112].

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Рис. 8. Фрагмент мозаики на входном портале Санта-Мария-Маджоре (Иисус Пантократор в окружении четырех архангелов)

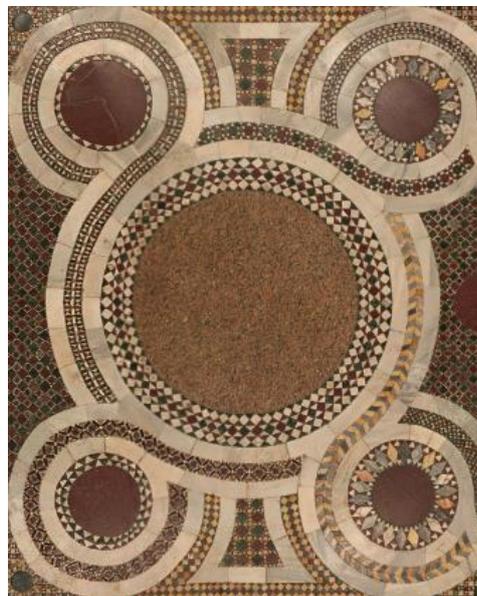

Рис. 9. Слева миниатюра из кодекса XI века (Maiestas Domini. Codice 172 Montecassino).
Справа – слева фрагмент мозаики Санта-Мария-Маджоре

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

1.

2.

3.

Рис. 10. 1– Богоматерь с богомладенцем Христом на престоле с избранными святыми и предстоящими пророками. Оклад Бамбергской Псалтири (Bamberger Psalter – Staatsbibliothek Bamberg Msc.Bibl.48). 1220–1230-е гг., Германия, XIII в., местонахождение: Германия, Бамберг, Государственная Библиотека (Bamberg Staatsbibliothek); 2 – Вознесение Господне, Греция, XII в., памятник: Менологий и Четвероевангелие (Menologion and Four Gospels Harley MS 1810), местонахождение: Англия. Лондон. Британская библиотека (The British Library); 3 – *Maestas Domini* с символами евангелистов, Германия, Юго-западная Германия, XIII в., памятник: Psalter mit Kalendarium (Псалтирь с календарем) (BSB Clm 11308), 1235 г., местонахождение: Германия, Мюнхен, Баварская национальная библиотека (BSB)

В любом случае мы имеем дело с устоявшейся иконографической схемой, отображающейся в книжных миниатюрах, мозаиках, плутео, иконах, богослужебных предметах. Центральной фигурой в данной схеме может стать Иисус Христос и Дева Мария, а в сопутствующих кругах – архангелы, святые, символы четырех стихий, обозначения сторон света как символа распространения христианства по всем направлениям мира. Не стоит пренебрегать иллюминированными рукописями: известнейший искусствовед Эмиль Маль находил в книжной миниатюре закономерности, которым подчиняется и монументальное искусство. Маль писал: «Порой нам даже представлялось, что миниатюристы являются истинными авторами схем, поступающих впоследствии в распоряжение скульпторов и мастеров витража. Мы убеждены, что внимательное изучение книжной миниатюры сулит много открытий» [10, с. 29].

Центром квинкункса становится как круг, так и миндалевидная фигура – мандорла. Изображение Христа в мандорле часто характеризует иконографию Преображения Господня и Второго Пришествия. Символически она репрезентирует сияние славы Господней. Этот же символ используется и в представлении Девы Марии, открывая природу ее святости. С конца XII века мандорла используется как часть образа Воскресения Христова. Она же широко представлена на тимпанах романских и готических храмов, символизируя Христа Судью, как напоминание о Страшном суде и взвешивании души. И видимо, вовсе не случайно этот элемент полов косматеско в Санта-Мария-Маджоре расположен у самого входа. Тут учитывается отсылка к Писанию: «Итак, опять Иисус сказал им: истинно, истинно

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

говорю вам, что Я дверь овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их. Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет. Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Иоанна 10:6–10).

Рис. 11. Фрагмент пола в базилике Санта-Мария-Маджоре

Рис. 12. *Страшный суд*, портал церкви Сен-Лазар в Отене, аббатство Клуни

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Следующая фигура, использующая пятичастную схему, связана с ромбом или квадратом. И это тоже один из символов, часто используемых мастерами косматеско. Сложно выделить семантические оттенки, которыми различаются круг и мандорла, ромб и квадрат, но они, вероятно, есть. Символически круг в Средние века обозначал сферу небесную и Вселенную, выражал идею единства, бесконечности, законченности, высшего совершенства [33, с. 13]. По сути, Божество, представленное в круге, – это Божество, находящееся в Вечности, пребывающее в мире горнем. Мандорла выражает сияние славы Господней, проявленной для осознающих и воспринимающих его, по сути образ явления. Ромб же, как фигура, близкая к квадрату, может интерпретироваться как символ, олицетворяющий Землю, как противопоставление кругу Небес, земное существование, Божественное проявление в творении. Ромб, как и квадрат, показывает проявление Божественного в земном. То есть в приложении к изображению Иисуса Христа три фигуры могут символизировать явление Бога на Земле, Небе и в славе – Пантократора.

Рис. 13. Фрагменты мозаики в Санта-Мария-Маджоре

Рис. 14. Слева – Христос в Славе, Евангелисты и пророки Даниил, Исаия, Иеремия, Иезекииль, Франция. Тур. Аббатство Св. Мартина (abbaye Saint-Martin de Tours), IX в., памятник: Biblia Metensia, Bible de Vivien, dite Première Bible de Charles le Chauve (BNF lat.1); местонахождение: Франция, Париж, Национальная Библиотека Франции (BNF). Справа – Заставка, Распятие., XI в., памятник: Quattuor Evangelia – Uta-Evangelistar (Евангелие аббатисы Уты)(BSB Clm 13601); местонахождение: Германия, Мюнхен, Баварская национальная библиотека (BSB)

Однако, как уже отмечалось, для окончательного толкования символа необходимо знать контекст, в котором он рассматривается. Так, даже простая схема тетраморфа может трактоваться как обозначение и четырех евангелистов, и животных из видения Иоанна Богослова: «...посреди престола и вокруг престола [находятся] четыре животных (τέσσαρα ζῷα, quattuor animalia), исполненных очей спереди и сзади. И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему» (Откр. 4:6–7). Эти «четыре животных» в Откровении являются шестикрылыми херувимами, непрестанно поющими Господу хвалу. Кроме того, в традициях христианской экзегетики – тут мы сошлемся на авторитет Григория Великого (конец VI в.) – эти существа рассматривались как символы самого Христа в различные фазы его жизни: при рождении он человек, при смерти – жертвенный бык, при воскресении – лев, при вознесении – орел [14, с. 3].

При интерпретации символов косматеско важно понимать, что, помимо «комментирования» Писания, фигуры могли демонстрировать представления того времени о строении мироздания: микрокосмоса и макрокосмоса, взаимодействии природных сил и элементов. Так, представленную ниже фигуру из круга и четырех квадратов можно определить как иллюстрацию распространения христианского учения по всему миру, Иисуса в окружении четырех великих пророков Исаяи, Иеремии, Иезекииля и Даниила, репрезентацию идеи гармонии как баланса базовых природных элементов, через квадраты состояний и круга совершенства или образ того, как Божественное организует и гармонизирует окружающую среду, преобразуя ее из Хаоса в Космос.

Рис. 15. Фрагмент пола косматеско в Санта-Мария-Маджоре

И завершается ряд комбинированных фигур с пятичастной структурой тремя большими кругами и двумя маленькими. Данный символ может репрезентировать Спаса на троне, Крещение и Сретение Господне. Центральная комбинация из трех кругов представляет Троицу, два малых сопутствующих круга в зависимости от контекста – предстоящую Богоматерь и архангела, Иоанна Крестителя с архангелом, Богоматерь и Иосифа.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Важность исследуемой фигуры подчеркивается количеством – их в базилике не две, а четыре, и находятся они рядом с алтарем. Между этими символами – шестиконечная звезда, символизирующая Вифлеемскую звезду и союз человеческого и Божественного начала. Можно предположить, что все в комплексе символы, окружающие алтарь, посвящены моменту Рождества, Крещения и Сретенья Господнего.

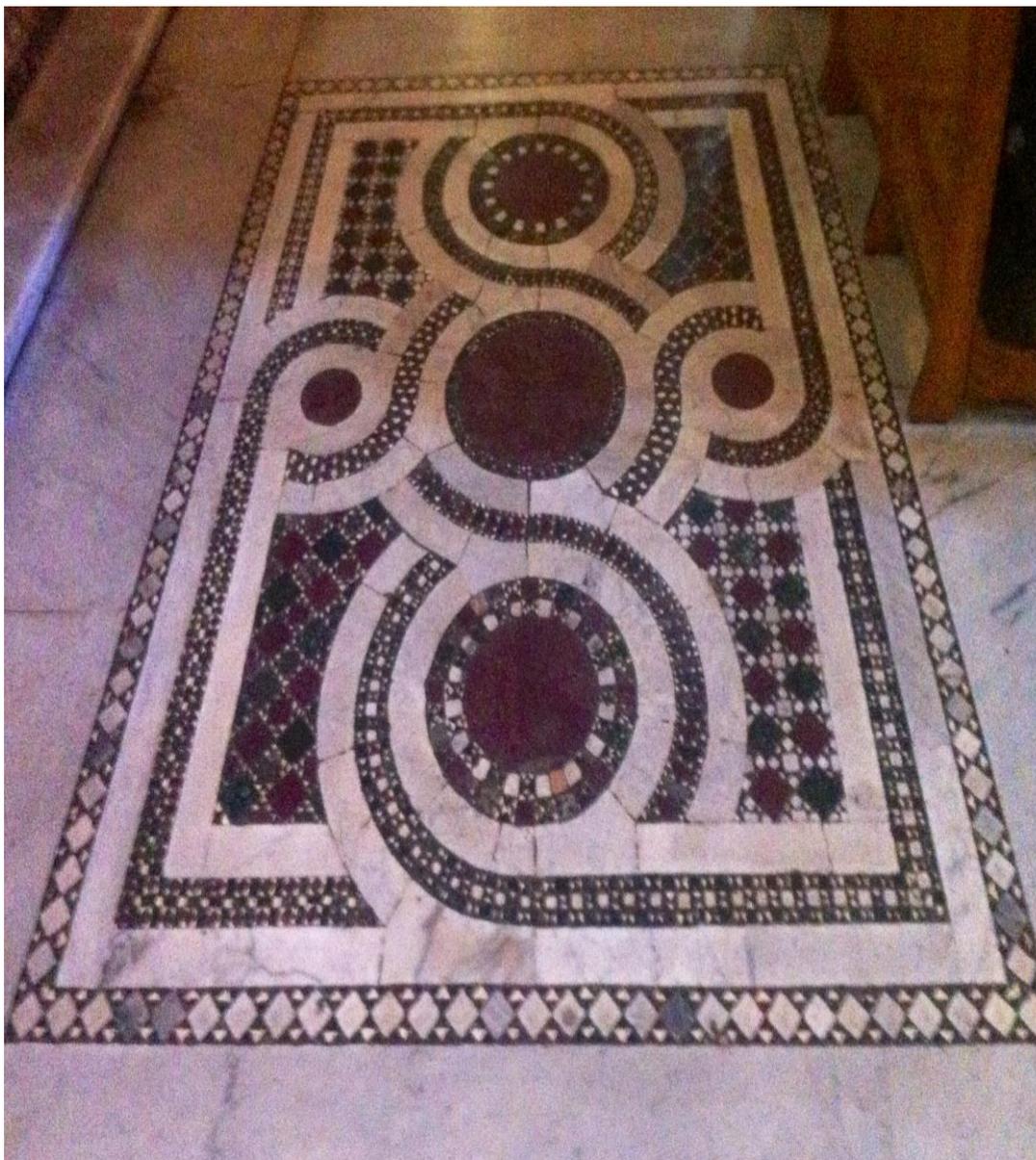

Рис. 16. Фрагмент мозаики в Санта-Мария-Маджоре

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Рис. 17. Слева – миниатюра *Спас на троне с предстоящими Богородицею и архангелом*, Австрия, Дорфбойерн, Бенедиктинское аббатство (Abtei Michaelbeuern), XII в.; памятник: *Breviarium* (Литургия часов) (BSB Clm 8271), местонахождение: Германия, Мюнхен. Баварская национальная библиотека (BSB). Справа – миниатюра *Maiestas Domini с предстоящими архангелами*, XII в., памятник: *Ambrosii hexaemeron* (Шестоднев) (BSB Clm 14399), местонахождение: Германия. Мюнхен. Баварская национальная библиотека (BSB)

Рис. 18. Слева – *Крещение Господне*, Австрия, Зальцбург, Ноннбергское аббатство Св. Эрентруда., XII в., памятник: Евангелие (BSB Clm 15903), местонахождение: Германия, Мюнхен, Баварская национальная библиотека (BSB). Справа – *Сретение Господне*, Германия, Магдебург, XIII в., памятник: *Psalter mit Totenoffizium* (BSB Clm 23094), 1265 г., местонахождение: Германия, Мюнхен, Баварская национальная библиотека (BSB)

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

2.1.3. Четыре круга

Рассмотрим мозаичную четырехчастную фигуру: четыре переплетающихся круга. В базилике она также представлена четыре раза, но в отличие от символа Троицы является замыкающей в четырех рядах и «обрамляет» все мозаичное поле храма как в западной стороне у входа, так и в восточной приалтарной зоне.

Рис. 19. Фрагмент пола косматеско в Санта-Мария-Маджоре

Рис. 20. Вход в базилику Санта-Мария-Маджоре

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Рис. 21. Базилика Санта-Мария-Маджоре – приалтарная зона

Рис. 22. Мозаика над входом в базилику Санта-Мария-Маджоре

Есть две версии интерпретации интересующего нас символа. В Санта-Мария-Маджоре сохранилась фасадная мозаика над входом в базилику, где мы видим структурно подобные символы. Основными же фигурами, обрамлявшими центральное изображение в иконографии интересующего нас времени, обычно являлись символы евангелистов. Можно предположить, что эту же символическую роль выполняет рассматриваемая иконическая конструкция.

Вторая версия – символ колец Ковчега Завета. По Библии, в Ковчеге хранились каменные скрижали Завета с десятью заповедями (Втор. 10:2), а также, согласно Посланию к евреям, сосуд с манной и посох Аарона (Евр. 9:4) – святыня еврейского народа. Ковчег,

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

согласно Торе, являлся символом союза Бога с народом Израиля и служил свидетельством присутствия Бога в его среде (Исх. 25:22, 2 Пар. 6:41). В Писании, как известно, содержалась буквальная инструкция по изготовлению Ковчега: «И вылей для него четыре кольца золотых, и прикрепи к четырем углам его: два кольца на одной стороне его и два кольца на другой стороне его. И сделай шести из дерева ситтим, и обложи их золотом. И вложи шести в кольца по сторонам ковчега, чтобы носить ковчег посредством их. В кольцах ковчега должны быть шести и не должны отниматься от него. И положи в ковчег откровение, которое Я дам тебе» (Исх. 25:12–16). В базилике кольца могут указывать на связь Старого и Нового Завета.

2.2. Космология круга

Помимо образа Неба, Вселенной и Вечности, круг в средневековой символике обозначает путь, по которому движутся светила в небе как творения Божьем [20, с. 314]. В астрономии и философии христианских, как, впрочем, и мусульманских стран преобладала космология Аристотеля, дополненная Птолемеевой теорией движения планет. Аристотель настаивал на геоцентризме, признавал шарообразность Земли, конечность и замкнутость космоса в пространстве (но не во времени). Мир состоит из четырех элементов: земли, воды, воздуха и огня. Элементы переходят друг в друга. Космос конечен и нигде не находится, а в основе всего – Бог-Перводвигатель, движущий сферу неподвижных звезд, придавая ей равномерное непрерывное круговое движение вокруг находящейся в центре Земли. Все небесные тела, звезды и планеты (их было пять), а также Луна и Солнце прикреплены к прозрачным эфирным окружностям – сферам.

Космология Аристотеля – Птолемея хорошо отражена в христианской иконографии. Однако и прежде она имела отражение в римской архитектуре, примером является известный памятник – Пантеон. Высота купола в этом храме от пола равна его диаметру, то есть внутри может поместиться полная сфера – идеальная форма, символизирующая образ Вселенной. Пантеон воплощал представления древних римлян о мироздании: купол храма олицетворял небесный свод, освещаемый главным небесным светилом – Солнцем [39]. Крыша здания формирует девять концентрических кругов, представляющих собой Небесные сферы. Девять кругов в символике косматеско также могут репрезентировать античный космос – сферы и символ четырех элементов и сторон света (астроида в центре). В исследуемом нами контексте это может символизировать космический масштаб явления Христа и распространение слова его во всех концах Вселенной.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

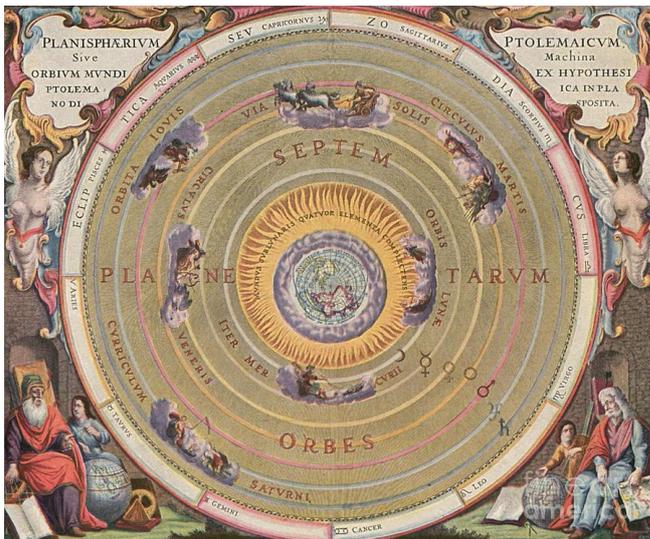
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

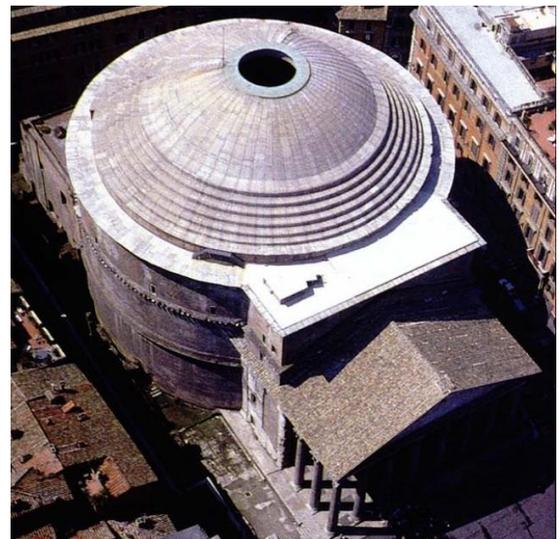
ISSN: 2312-2757 (online)

Рис. 23. Фрагмент полов косматеско в Санта-Мария-Маджоре

1.

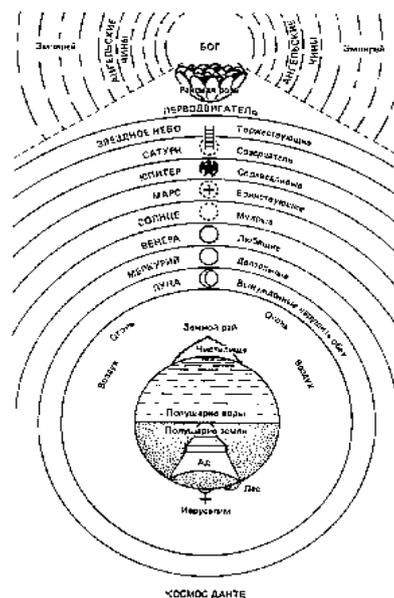
2.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

3.

4.

Рис. 24. 1 – Система Птолемея (Cellarius A. *Harmonia Macrocosmica*. Amsterdam, 1660), источник: Roob A. *The Hermetic Museum: Alchemy & Mysticism*, Koln: Tashen Bibliotheca Universalis, 2015. P. 50; 2 – Пантеон, Рим; 3 – Camposanto monumentale di Pisa, Piero di Puccio, *Cosmografia*. 4 – Структура мира в представлении Данте, «Божественная комедия» (Castani M. *La Materia della Divina Comedia di Dante*, 1855), источник: Roob A. *The Hermetic Museum: Alchemy & Mysticism*. Koln: Tashen Bibliotheca Universalis, 2015. P. 41.

2.3. Кресты

Мозаичный пол базилики содержит пять фигур, которые с той или иной долей уверенности можно назвать крестами. На самом деле весь храм отмечен символикой креста, начиная с архитектурного плана, представляющего собой крест, и заканчивая элементами мозаики. Крест – ключевой символ христианства и имеет множество символических коннотаций. Существует около 400 разновидностей креста, многие из которых далеко не всегда соотносят с религией Христа. Однако преподобный Феодор Студит (VIII–IX века) четко сформулировал отношение к этому: «Крест всякой формы есть истинный крест». И он же вдохновенно писал о его значении: «Крест есть богатство, драгоценнейшее всякого другого богатства. Крест есть безопаснейшее прибежище для христиан. Крест есть легчайшее бремя, возлагаемое на рамена учеников Христовых. Крест есть сладчайшее утешение для душ скорбящих. Крест есть примиритель и посредник между небом и землею. Крестом умерщвлена смерть, и Адаму возвращена жизнь. Крестом мы облакаемся во Христа и совлекаемся ветхого человека. Крестом мы прогоняем наших врагов и укрощаем смятения. Носящий на раменах своих крест делается подражателем Иисусу Христу и получает славу со Христом» (Слово на поклонение честному и животворящему кресту среди св. Четыредесятницы) [41].

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

2.3.1. Иерусалимский крест

Крест в христианстве изображается многовариантно и часто имеет соотношение с определенным временем, культурой страны или с конкретными историческими событиями. Таким особенным является иерусалимский крест, служащий началом двух рядов мозаичного пола в базилике Санта-Мария-Маджоре. Инна Смирнова в своей монографии описывает значение символа: «Этот крест с ответвлениями, заканчивающимися малыми крестами, указывает на вездесущность Благости, благодаря многочисленным отражениям божественного центра. В то же время они непостижимым образом связуют крест с квадратом. Кроме того, большой крест символизирует Иисуса Христа, маленькие кресты – авторов четырех Евангелий, распространяющих учение на четыре стороны света. И наконец, пять крестов вместе могут также символизировать раны Спасителя. Во время Крестовых походов этот символ – пять золотых крестов на серебряном фоне – был гербом Иерусалимского королевства. В качестве герба его использовал герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульонский, который стал первым правителем Иерусалима после его освобождения от мусульман в конце первого крестового похода в 1099 году» [17, с. 210].

Мастера Космати творили в эпоху крестовых походов. А сам иерусалимский крест был частью богослужебной практики, его изображали на алтарных покрывалах. Не исключено, что в иконографической программе базилики Санта-Мария-Маджоре этот символ обозначал еще и сам город Иерусалим как место действия значимых событий в истории христианства и мира. Он может символизировать и конкретную сцену из Писание – вход Иисуса Христа в город. В базилике два Иерусалимских креста окаймляют крипту, в которой, как известно, находится рака с фрагментами яслей младенца Иисуса.

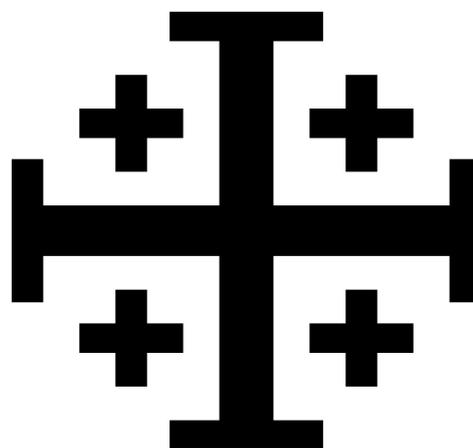

Рис. 25. Слева – фрагмент мозаики косматеско в Санта-Мария-Маджоре. Справа – пиктограмма иерусалимского креста

2.3.2. «Кельтский» крест

Следующий крест напоминает плетеный кельтский крест – круг, вписанный в крест. Одно из толкований следующее: «Чтобы указать на вселенское значение Креста Христова, знак креста изображают вписанным в круг, символизирующий небесную сферу, вечность. Крест есть символ устроения и порядка, в противоположность неустроенности и хаосу. Поэтому нередко, чтобы указать на вселенское значение Креста Христова, который "вселенная поклоняющаяся со страхом целует", знак Креста изображают вписанным в круг,

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

символизирующий небесную сферу, вечность. Тем самым подчеркивается космологический образ Креста: широта Креста и долгота небеси равна есть» [43]. Разнообразные источники цитируют также святого Климента Александрийского, пояснявшего, что «Сам Сын Божий есть бесконечный круг, в коем все силы сходятся», что обозначается изображением креста в нимбе.

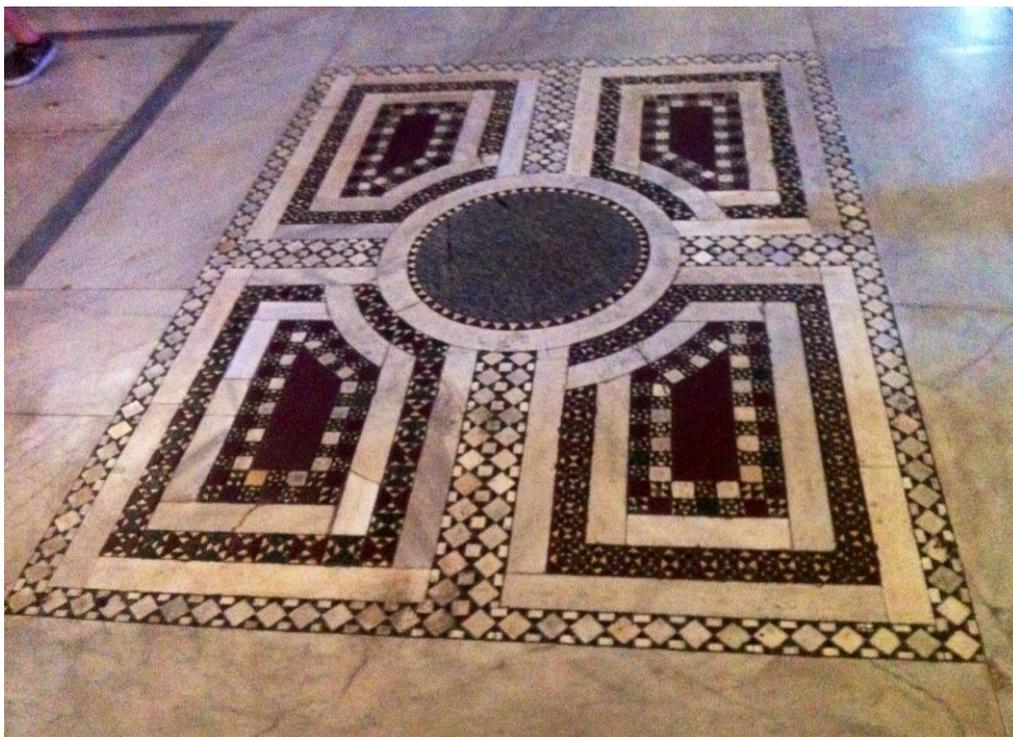

Рис. 26. Фрагмент полов косматеско в Санта-Мария-Маджоре

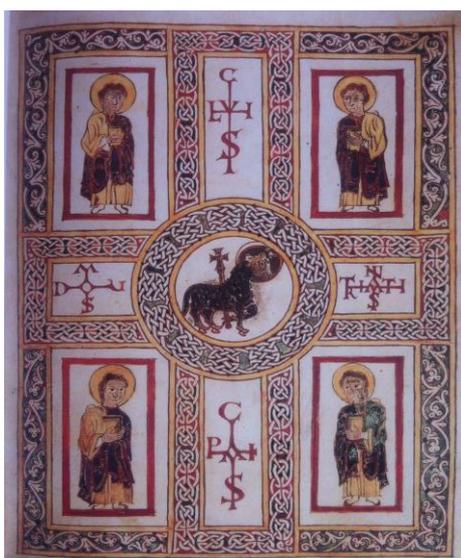

Рис. 27. Слева – миниатюра из псалтыря (Salterio di Nonantola), XI в., местонахождение: библиотека Ватикана. Справа – оклад рукописной книги, Юг Италии, XI в., местонахождение: Нью-Йорк, Метрополитен-музей

© 2016 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

© 2016 Moscow State University of Psychology
& Education

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

2.3.3. Андреевский крест

Крест в форме греческой буквы "X" (скрывающий еще и имя Христа) называется «Андреевским», потому что на таком кресте был распят апостол Андрей Первозванный. В латинской традиции он символизирует десятку, а она, как нам известно по толкованию чисел Рабана Мавра [38], в свою очередь представляет декалог, число совершенства и полноты произведений святых. Сообщается также, что римляне использовали этот символ для обозначения границы. Последнее уточнение любопытно тем, что данный символ в базилике располагается вторым от входа – возможно толкование пересечения границы между миром обыденным и совершенным небесным, коим, по сути, является храм.

Рис. 28. Слева – фрагмент полов косматеско в Санта-Мария-Маджоре. Справа – пиктограмма Андреевского креста

Похожий символ изображается в пасхальной иконе *Ανάστασις* (Воскресение) и это репрезентация момента «сошествия Христа во ад». По сути, это визуализация строки Символа веры о спасении Иисусом тех, кто был до него. Обычно это изображение Христа, поднимающего из могил Адама и Еву и приводящего их в жизнь вечную. Позади Него слева часто стоят патриархи и пророки, среди них Иоанн Предтеча, Давид, Соломон, Моисей и Авель, а справа показаны современники Спасителя. Характерный момент – под Его ногами створки раздавленных Божественной силой врат ада. В большинстве случаев они лежат крестообразно, образуя знакомую нам фигуру. Вокруг разбросаны осколки дверей, замки и ключи, державшие их закрытыми (эти детали описаны в апокрифическом Евангелии от Никодима).

Символически Анастасис показывает власть Христа над Аидом через его Воскресение и представление того, как Бог не оставил тех, кто был верен ему в прошлом, и спас даже тех, кто первый согрешил против него. Интересно, что и в этой интерпретации представлен образ границы.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

1.

2.

3.

Рис. 29. 1 – миниатюра *Воскресение Христово*, Византия, XII в., местонахождение: Греция, Афон; 2 – икона *Сожествие во ад*, Византия; XIII в., местонахождение: Египет, Синай, монастырь св. Екатерины; 3 – миниатюра *Сожествие во ад*, Ближний Восток, Иерусалим, XII в., памятник, Psalter (The 'Melisende Psalter'), 1131–1143 г. (BL Egerton MS 1139), местонахождение: Англия, Лондон, Британская библиотека (The British Library)

2.3.4 «Инкский» крест

Самым необычным в мозаике является крест, располагающийся у входа в храм Санта-Мария-Маджоре. Он нетипичен для стиля косматеско, подобный символ наблюдается разве что на полу венецианского собора Сан-Марко. Сложно встретить данный крест в христианском храме, однако он имеет свой двойник в другой, неевропейской культуре – Южной Америке. Чакан – крест с тремя ступенями, его еще называют инкским, он представляет концепцию мироздания. Само название фигуры означает на языке инков «мост в горный мир». Во времена христианизации инков последователи Франсиско Писарро ссылались на его схожесть с главным христианским символом. Удивительное совпадение, но факт – деревянный потолок Санта-Мария-Маджоре украшен искусной резьбой работы Джулиано да Сангалло, для позолоты которой использовалось золото первой партии, привезенной из Нового Света (Перу), дара папе Александру VI от испанского королевского дома.

В перуанском исполнении чакан имеет светлую и темную половину, символизирующие дуализм мира. Центр круга обозначает центр мира, жизни и Вселенной. Инкская чакана считается символом гармонии мира и представлена четырехчастным делением с довольно сложным символизмом. Образами трех ступеней были – змея (нижний), пума (средний) и кондор (верхний) мир. Двенадцать углов фигуры символизируют знаки зодиака и число месяцев земного года. Четыре направления чаканы в том числе символизируют и четыре стихии, четыре стороны света и четыре сезона. Все то,

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

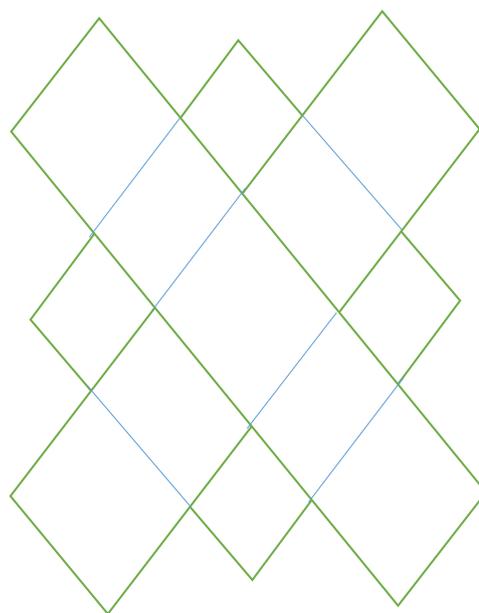
Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

что входит в символизм известной фигуры пяти кругов Космати. По сути, если мы обведем круги прямыми линиями, то получим именно изображение данного креста.

Очевидно, что в случае с мозаичными полами базилики Санта-Мария-Маджоре продуктивно выглядит идея интерпретации символа как прохождения трех ступеней – символа троицы: «Часто к Престолу ведут три ступеньки, напоминающие о Священной горе, микрокосме Храмовой горы в Иерусалиме» [9, с. 117]. Двенадцать углов сочетаются с представлением апостолов, 12 месяцев, 12 знаков зодиака и четырех сторон света, сезонов, стихий. А в общем можно воспринимать как образ мира и мост в горный мир, который начинается с притвора храма. Конечно, не стоит смешивать значения символов из разных культур, но нельзя не удивляться тому, как их значения неожиданно совпадают или обладают очевидным подобием. Это во многом говорит не столько о близости верований, сколько об универсальных особенностях человеческой психики.

1.

2.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

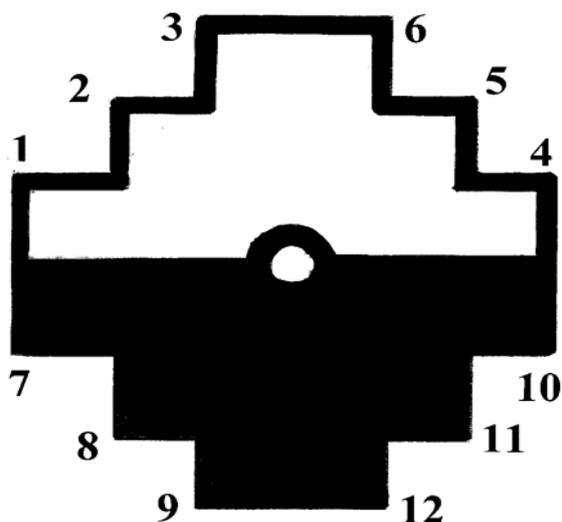
Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

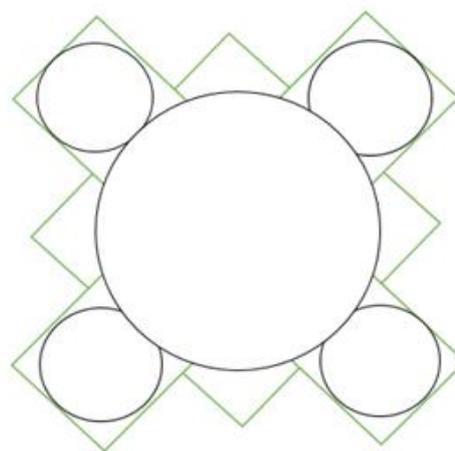
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

3.

4.

Рис. 30. 1 – фрагмент мозаики косматеско в Санта-Мария-Маджоре; справа – пиктограмма Чакана; 2 – прорисовка фигуры; 3 – чакан; 4 – совмещение креста с пятью элементами косматеско

2.3.5. Каплевидный крест

Следующий крест по своей форме относится к каплевидному кресту с ромбом посередине. И для трактовки фигуры есть смысл обратиться к христианским числовым эквивалентам: пять ран Иисуса Христа (по одной в каждой ноге и руке и одна в груди). Можно предположить, что это крест, содержащий репрезентацию страстей христовых: раны на руках, ногах и в боку между ребрами (ромб). Раны символизируют смерть пяти чувств, с помощью которых человек воспринимает мир и победу духовного начала над бранным телом. Красный и зеленый цвет мозаики символически подчеркивает жертвенную кровь Христа и жизнь вечную.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

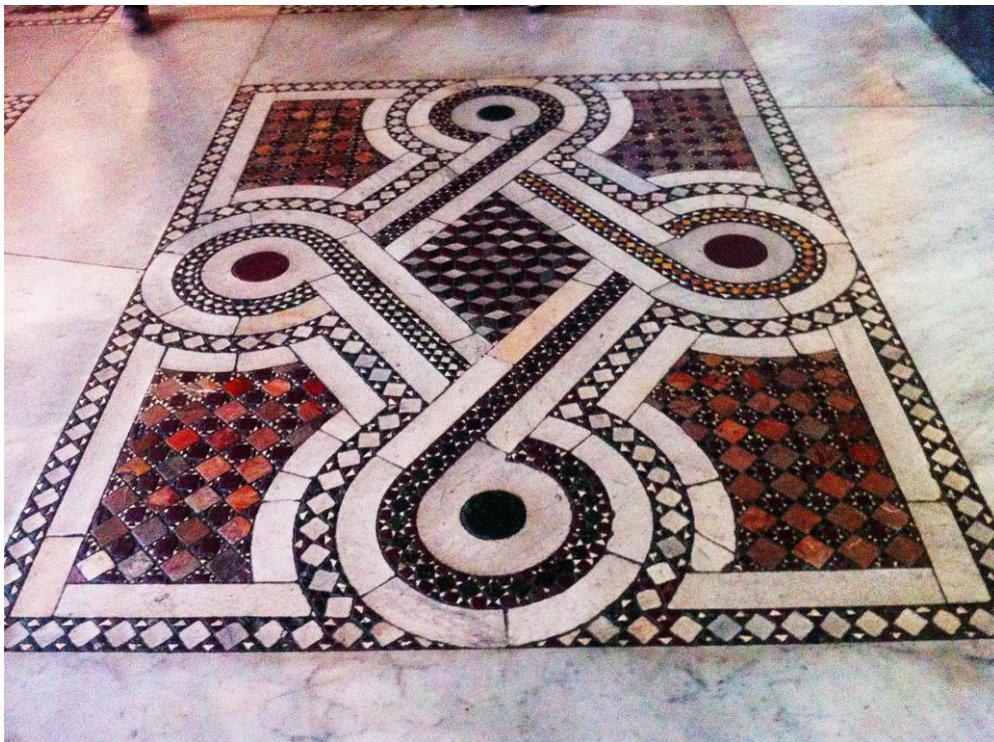

Рис. 31. Фрагмент мозаики Санта-Мария-Маджоре

Рис. 32. Слева – крест пекторальный *Распятие Христово*, Византия, X в., местонахождение: США, Кливленд, Музей изобразительных искусств (СМА). Справа – миниатюра *Страсти Христовы*, Нидерланды, XV в., памятник: Часослов, 1440–1460 гг. (W.165), местонахождение: США, Балтимор, WAM (Walters Art Museum)

2.4. Звезды

На мозаичных полах базилики Санта-Мария-Маджоре присутствуют две фигуры, которые можно с уверенностью идентифицировать как звезды. И первая из них, которая, как правило, замечается туристами, – **шестиконечная звезда (гексаграмма)**.

2.4.1. Гексаграмма

В разнообразных гихах гексаграмма представлена как звезда (щит) Давида, что сильно осовременивает символ. Между тем он известен своей древностью и за тысячелетия претерпел множество трансформаций и символических интерпретаций. Учитывая местонахождение звезды – базилику, посвященную Пресвятой Деве Марии, а также присутствие в храме реликвий, можно с однозначностью сказать, что это репрезентация Вифлеемской звезды.

Две шестиконечных звезды, наряду с Иерусалимским крестом, «обрамляют» крипту со святыней – ракой с частями яслей Иисуса. Исследователи символики подтверждают это значение: «Шестиконечная звезда плоскостного вида называется библейской или Вифлеемской звездой, ибо именно ее изображения традиционно помещались художниками средневековья и эпохи Возрождения на картинах, посвященных рождению Христа в Вифлееме и приходу к этому младенцу четырех волхвов» [15, с. 60].

Собственно, и в оформлении потолков базилики мы найдем всю ту же звезду. И эта традиция свойственна не только католичеству. Шестиконечная звезда представлена и в православных церквях в явно обозначенном или незначительно редуцированном виде и считается звездой Богородицы. Мы видим гексаграмму в интерьере католических храмов, облачении духовных лиц. Одно из символических значений звезды также – схождение человеческого и Божественного, отраженных во Христе, его двойственной природе.

Рис. 33. Слева – фрагмент мозаики косматеско в Санта-Мария-Маджоре. Справа – пиктограмма гексаграммы

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Рис. 34. Слева – базилика Санта-Кроче с гексаграммой на фронтоне, Флоренция, Италия. Справа – митра папы римского Бенедикта XVI с гексаграммой

2.4.2. Октаграмма

Восьмиконечная звезда (октаграмма) также представлена в оформлении полов базилики Санта-Мария-Маджоре, причем она усилена двумя контурами и, по сути, представляет тройную фигуру, где звезды наложены одна на другую, подчеркивая ее тройственность.

Рис. 35. Слева – фрагмент мозаики косматеско в Санта-Мария-Маджоре. Справа – фреска Троица новозаветная (Отечество), XVI в., местоположение: церковь Св. Георгия, Венеция

Сошлемся на труд Тимоти Фреке и Питера Ганди [26, с. 142]. Исследователи подчеркивают, что некоторые Отцы Церкви, склонные к гностике, с особым пиететом относились к значениям греческого алфавита. Он, как известно, помимо букв, мог обозначать и цифры, что стало основой целой области древних изысканий – науки гематрии. По ней имена богов не были случайными, а несли разнообразные символические смыслы.

Наиболее ярким примером христианской гематрии является само имя Иисус. Ранние христиане утверждали, что на греческом языке оно имеет свой цифровой код: «Хорошо известно, что, согласно Откровению Иоанна, число зверя 666, но гораздо менее известно, что в соответствии с гематрией имя Iesus представляет собой число 888 (IESOUS $10+8+200+70+400+200 = 888$). Это число считалось священным в силу ряда причин, в том числе и потому, что сумма всех чисел 24 букв греческого алфавита в сумме представляет собой 888 <...> Греческое название “Iesus” является искусственным и было транслитерировано с еврейского имени Иешуа таким образом, чтобы соответствовать священному числу» [26, с. 142]. Авторы также отмечают, что вся символика Нового Завета пронизана важными цифровыми значениями. Так, Иисус дал своему ученику имя «Кифа», что означало «Камень», а в греческом оригинале оно переводилось как «Петр». Число имени «Петр» – 729, важнейший код для язычников, означавший количество дней и ночей в году и другие важные для ритуалов коннотации.

Интерпретация здесь также затруднена многозначностью объекта. По источникам отслеживаются несколько трактовок октограммы. Первая – восьмиконечной звездой также обозначали Вифлеемскую. Вторая – путеводная звезда в Царствие Небесное. Третья и четвертая – уже не католические, а православные. Дополнительное семантическое поле символа – обозначение вечности, изменяемого и неизменяемого, и также выход за пределы этого мира. Октограмму также трактуют как знак Рая, Небесного Иерусалима и конечного Преображения. В античное время октограмма являлась символом календаря, смены сезонов и обозначением полного природного цикла. Если суммировать значения, то октограмма в нашем случае обозначает как самого Иисуса Христа, так и путь в Небесный Иерусалим.

2.5. Квадраты

2.5.1. Небесный град

Новый Иерусалим – город мира, где Божий народ будет вечно жить вместе с Богом (Откр. 21:3, 4) и где нет места любому нечестию (Откр. 21:8). Путь христианина – подготовка жизни в вечном граде. Любой христианский храм репрезентирует Новый Иерусалим.

Очень конкретно и подробно Небесный град описан в «Откровении» Иоанна Богослова. Город представлен в форме квадрата, длина каждой из сторон которого равна 12 000 стадиев (2 400 километров). С четырех сторон в город ведут 12 ворот, каждые из которых подобны жемчужине. Стены города имеют 12 оснований, украшенных драгоценными камнями. По свидетельству апостола, город имеет металлическую (чистейшее золото) и кристаллическую природу («сиянием город подобен кристаллу»). Город пересекает улица, мощенная золотом до прозрачности стекла. Известно также, что от престола Божьего берет начало река жизни, светлая как кристалл, а посреди улицы и по ту и по другую сторону реки – Дерево жизни, 12 раз в год приносящее плоды. Известный историк средневековья Робер Фоссье пишет про квадрат как символ Небесного Иерусалима, королевской аулы (дворца), римского лагеря, общепринятого образа замкнутого мира [20, с. 314].

В интересующей нас мозаике два квадрата, которые могут быть проинтерпретированы как символ Небесного Иерусалима. Один из них представляет собой разделенный квадрат с кругом в центре. И это соответствует описанию города, который делит на две части одна улица, с престолом в центре. У фигуры 12 углов, которые могут символизировать 12 ворот и круг, который на разнообразных изображениях Небесного

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Иерусалима представляют в виде круга (мандорлы). Второй квадрат может репрезентировать как священный город, так и, возможно, символическое обозначение стола Тайной вечери в общей иконологической программе – тут все зависит от сопутствующих символов.

Рис. 36. Фрагменты мозаики косматеско в Санта-Мария-Маджоре

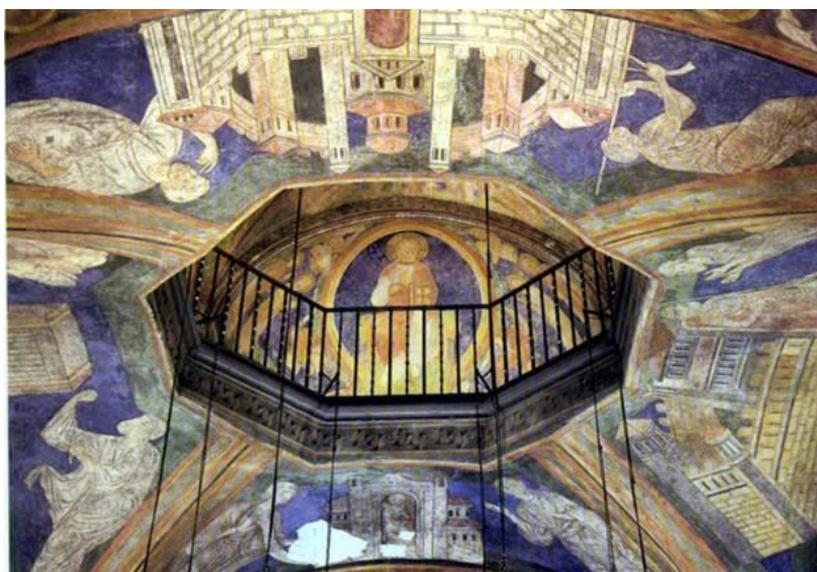

Рис. 37. Небесный Иерусалим и Христос во славе, церковь Св. Марии и Св. Климента, ок. 1180 г., местоположение: Шварцрайндорф, Германия

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

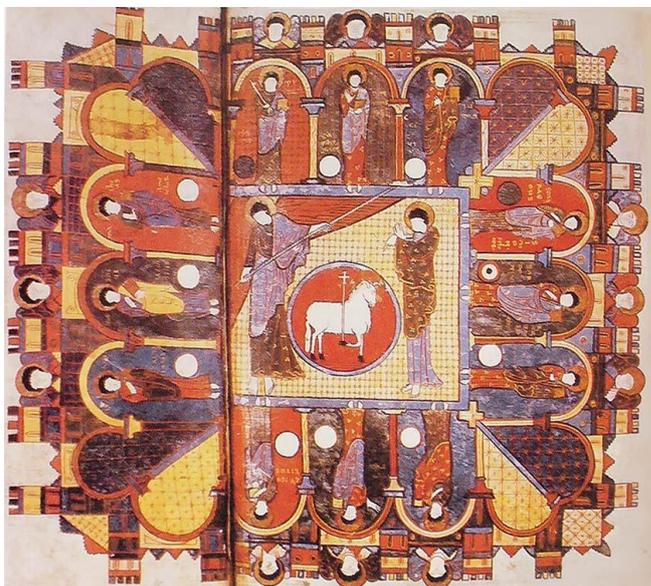

Рис. 38. Слева – миниатюра из кодекса *Апокалипсис*, XIII в. Справа – *Небесный Иерусалим*, церковь Сан-Пьетро-аль-Монте, местоположение: Чивате, ок. 1090 г.

2.5.2. Восьмиугольник

Восемь – универсальное число космического равновесия, символизирует возрождение, воскрешение. Путь к вечной жизни, определенный формой восьмиугольной купели, начинается с погружения новообращенного при крещении. Восьмиугольник имеет ценность посредника между квадратом и кругом, между Землей и Небом, а значит, имеет отношение к промежуточному миру [1]. Практически все баптистерии и крестильни Средневековой Европы имели форму восьмиугольника, что подчеркивало переход человека в новое состояние и восьмой день – время после библейских семи дней творения [9, с. 165].

В восточнохристианской традиции восьмиугольник часто символизирует Ветхого денми (Ветхого днями) – ветхозаветный образ Бога из книги пророка Даниила: «Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь» (Дан. 7:9). В иконописи это образ сурового седовласого старца Отца.

Дионисий Ареопагит о значении имени Ветхий днями писал следующее: «Как Ветхий же денми Бог воспевается потому, что Он существует и как вечность, и как время всего и до дней, и до вечности, и до времени. Однако и время, и день, и час, и вечность надо относить к Нему богоподобно, потому что Он при всяком движении остается неизменным и неподвижным, вечно двигаясь, пребывает в Себе и является Причиной и вечности, и времени, и дней. Потому и в священных богоявлениях при мистических озарениях Бог изображается и как седой, и как юный: старец означает, что Он Древний и сущий “от начала”, юноша же – что Он не стареет, а оба показывают, что Он проходит сквозь все от начала до конца, или же, как говорит наш Божественный священносовершитель, оба они обнаруживают Божественную древность: старец – первого во времени, а более юный – более изначального по числу, поскольку единица и ближайшие к ней числа изначальнее далеко от них отошедших» [45].

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Рис. 39. Фрагмент мозаики косматеско в Санта-Мария-Маджоре

Рис. 40. 1 – миниатюра *Ветхий денми*, Апокалипсис, 1297, Библиотека университета Кембриджа; 2 – *Спас в силах*, Россия, XV в., местонахождение: США, Нью-Йорк, Метрополитен-музей (MetM)

2.5.3. Ромб: мир, человек

Четырехчастные, как мы уже отметили, всегда многозначны. В нашем случае это может быть система взаимодействия четырех элементов, из которых состоит мир как макрокосмос и человек как микрокосмос. Данный символ в базилике соседствует с восьмиконечной звездой. Можно предположить, что это символ распятия Иисуса Христа на

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

кресте и обозначение его предстоящего Воскресения.

Рис. 41. Слева – миниатюра *Распятие*, Германия, X в., памятник: Sakramentar (Сакраментарий) (BSB Clm 10077), местонахождение: Германия, Мюнхен, Баварская национальная библиотека (BSB). Справа – фрагмент мозаики косматеско в Санта-Мария-Маджоре

2.5.4. Снятие с креста

Следующий символ не совсем квадрат, он по форме напоминает растянутый кусок материала. Вероятно это символическое изображение сцены снятия Иисуса Христа с креста или плащаницы. Льняное полотно, в которое завернули тело Иисуса Христа после его страданий и смерти, упоминается и в Библии, и в важнейших христианских источниках как символ Страстей Христовых. Изображение плащаницы мы можем встретить как в древней, так и современной иконографии. В православии с конца XVI века в богослужебной практике используется кусок ткани с вышитым изображением Иисуса Христа, называемый «плащаница».

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Рис. 42. Фрагмент мозаики косматеско в Санта-Мария-Маджоре

Рис. 43. Слева – ткань (шелк) *Плащаница*, местоположение: Преображенский монастырь, Великий Метеор, Греция, Каламбака. Справа – ткань *Плащаница*, XV в., монастырь Пантократор, Греция, Афон

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме

Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»

2016. Том 3. № 3. С. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

E-journal «Language and Text langpsy.ru»

2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.

doi: 10.17759/langt.2016030305

ISSN: 2312-2757 (online)

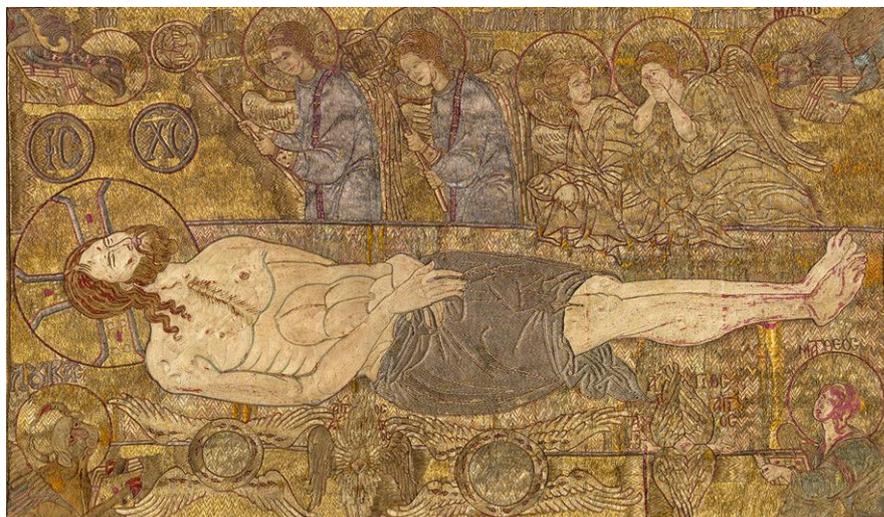
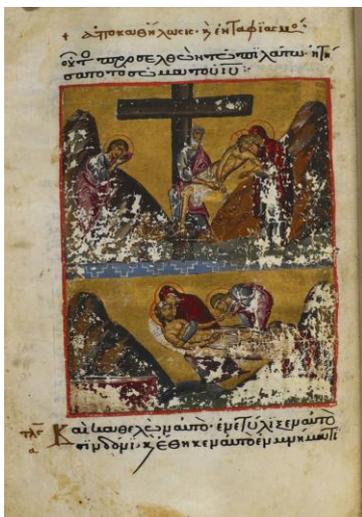

Рис. 44. Слева – миниатюра *Снятие со Креста, Положение во гроб*, Греция, XII в., памятник: Менологий и Четвероевангелие (Menologion and Four Gospels Harley MS 1810), местонахождение: Англия, Лондон, Британская библиотека (The British Library). Справа – ткань Святая плащаница (Epitaphios), 1300–1320 гг., Византия, Греция, XIII в., местонахождение: Греция, Салоники, Музей византийской культуры

2.6. Трансформация знака

Важно понять, что непосредственные изображения святых и библейских сцен на полу признавались неудачной практикой – их попирают ногами прихожане, и переход от изображения к геометрической схеме оправдан. В каком-то смысле полы косматеско удовлетворяли запросы византийских иконоборцев или английских пуритан. Если бы их подход к изображениям стал определяющим, то типичный христианский храм был бы украшен косматескоподобными геометрическими фигурами. Характерно, что во времена погромов церквей и сжигания икон и смывания фресок в средневековых Византии и Англии щадили мозаичные полы.

А чтобы узнать, как могут выглядеть полы в стилистике косматеско, когда старые толкования забываются, а запреты отменены, достаточно посетить английский средневековый кафедральный собор Пресвятой Девы Марии и Святого Чеда в Личфилде (Стаффордшир) [29, с. 230]. В пресвитерии² этого храма есть копия работы косматеско, но выполненные не в технике кладки штучной мозаики (opus alexsandrium), а с помощью характерной для английских соборов керамической плитки. Копия сделана мастерами викторианской эпохи в 1860 году, но по схемам некогда существовавшего здесь же, но не сохранившегося произведения мастеров Космати [29, с. 96-97]. Строго говоря, это самый северный храм, до которого добрались итальянские каменщики. И это пример того, что происходит, когда план содержания (в терминах глоссематики) перестает совпадать с планом выражения и знак трансформируется.

²Пресвитерий – в католических храмах пространство между нефом и алтарем.

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Рис. 45. Фрагменты пола в кафедральном соборе Пресвятой Девы Марии и Святого Чеда в Личфилде (Стаффордшир, Англия)

Завершая обзор символов косматеско, стоит подчеркнуть, что тут мы имеем дело с многочисленными коннотациями каждого символа и любой интерпретатор может выбрать из имеющегося спектра интересующую его линию смыслов. Ни одна из трактовок не будет ошибочной, если соблюдены определенные условия. И это не произвол, а существовавшая средневековая практика. Каждый символ тут служит схемой, иллюстрирующей религиозную концепцию. Но выбор этот, однако, не произволен, а должен подтверждаться высказыванием или текстом из священного источника. Утвержденные авторитетом Церкви иконические схемы пронизывали все храмовое искусство того времени, делая осмысленным и значимым все храмовое пространство.

Литература

1. *Барабанов А. А.* Человек и архитектура: семантика отношений. Екатеринбург: Архитектон, 1999.
2. *Ванеян С.С.* Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии. М.: Прогресс-Традиция, 2010
3. *Галкова И. Г.* Церкви и всадники. Романские храмы Пуату и их заказчики. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
4. *Голубцов А.* Соборные чиновники и особенности службы по ним. М.: Типография Штаба Московского военного округа, 1907.
5. *Демус О.* Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии / Пер. с англ. Э. С. Смирновой, ред. и сост. А. С. Преображенский. М.: Индрик, 2001.
6. *Евтушено Г.* Храм Святой Софии в Константинополе. СПб: Сатисъ, 2008.
7. *Зельдмайр Ханс.* Возникновение собора // Храм земной и небесный. Вып. 2, М.: Прогресс-традиция, 2009.
8. *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей. М.: Директмедиа Пабблишинг, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. *Макнамара Д. Р.* Как читать церкви: интенсивный курс по христианской архитектуре. М.: РИПОЛ классик, 2011.
10. *Маль Э.* Религиозное искусство XIII века во Франции. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2008.
11. *Меннингер К.* История цифр. Числа, символы, слова / пер. с англ. Е. В. Ломановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011.
12. *Мортимер Ян.* Средневековая Англия: путеводитель путешественника во времени. – М.: Издательство «Э», 2016.
13. *Моррис Ч.* Значение и означивание. Знаки и действия // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 118–132.
14. *Подосинов А.* Символы четырех евангелистов, их происхождение и значение. М.: Языки русской культуры, 2000.
15. *Похлебкин В. В.* Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 2001.
16. *Райс Д. Т.* Византийцы. Наследники Рима. М.: Центрполиграф, 2009.
17. *Смирнова И.* Тайная история креста. М.: ЭКСМО, 2006.
18. *Топоров В. Н.* Крест // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская Энциклопедия, 1992. С. 12–14.
19. *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 77–105.

Цыкунов И.В.
Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.
Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

20. *Фоссье Р.* Люди средневековья. СПб: ЕВРАЗИЯ, 2014.
21. *Цыкунов И. В.* Рождение стиля косматеско: Византия, Древняя Русь и Средневековая Италия // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. № 4. doi: 10.17759/langt.2015020411. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n4/Tsykunov.shtml> (дата обращения 2.03.2016).
22. *Цыкунов И. В.* Код стиля косматеско: распознавание смыслов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 2. С. 91–118. doi:10.17759/langt.2016030210 (дата обращения 8.07.2016).
23. *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М.: Наука, 1966.
24. *Эко У.* О членениях кинематографического кода // Строение фильма. М.: Радуга, 1984. С. 79–101.
25. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Петрополис, 1998.
26. *Gandy P., Freke T.* The Jesus Mysteries. Was the “Original Jesus” a Pagan God? London: Thorsons, 1999.
27. *Gibson C.* Leggere I simboli. I simboli nell'arte e il loro significato. Modena: Logos, 2011–2013.
28. *Hutton E.* The Cosmati. The roman marble workers of the XII th and XIII th centuries. London: Routledge and Kegan Paul Ltd, 1950.
29. *Ditchfield P. H.* The Cathedrals of Great Britain. The history and architecture. London: J. M. Dent & company, 1902.
30. *Rodwell W.* The Archeology of Churches. Stroud: Tempus Publishing Ltd., 2005.
31. *Severino N.* I segreti dei Pavimenti cosmateschi: Le guide marmoree policrome originali // Collana Studies on Cosmatesque Pavements, № 8, agosto, 2015.
32. *Stickler A. M., Boyle L. E., de Nicolo P.* Bibliotheca Apostolica Vaticana. Firenze : Nardini Editore – Centro Internazionale del Libro, 1985.
33. *Taylor R.* How to Read a Church. A guide to images, symbols and meanings in churches and cathedrals. London: Rider, 2003.
34. *Toman Rolf.* Romanesque: Architecture, Sculpture, Painting. Potsdam : h.f. ulmann publishing GmbH, 2015.
35. URL: http://www.vatican.va/various/basiliche/sm_maggiore/index_fr.html#=_ (дата обращения 24.02.2016).
36. URL:http://www.vatican.va/various/basiliche/sm_maggiore/vr_tour/Media/VR/St_Mary_Nave1/index.html (дата обращения 24.02.2016).
37. URL: http://arhproject.ucoz.ru/publ/kolichestvo_kupolov_na_khrame/1-1-0-2 (дата обращения 16.02.2016).
38. URL: <http://www.mun.ca/rabanus/text.html> (дата обращения 28.02.2016).
39. URL: <http://kannelura.info/?p=1400> (дата обращения 26.02.2016).
40. URL: http://www.orthlib.ru/Feodor_Studit/fstkrest.html (дата обращения 26.02.2016).
41. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/simvolika/simvol.htm> (дата обращения 24.02.2016).
42. URL: <http://sobor-maykop.ru/index.php/novosti/36-globalnye-temy-nashego-vremeni/653-proslavlenie-kresta> (дата обращения 26.02.2016).
43. URL: <http://symbol.jofo.ru/315981.html> (дата обращения 28.02.2016).
44. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1630173.html> (дата обращения 28.02.2016).
45. URL: <http://krotov.info/acts/05/antolog/page19.htm> (дата обращения 2.03.2016).
46. URL:http://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Ispovednik/mistagogiya/(дата обращения 28.03.2016).
47. URL: http://antology.rchgi.spb.ru/Rabanus_Maurus/maurus_7.htm (дата обращения 25.03.2016).

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome

Tsykunov I.V.,
Master of Linguistics, artefakt@yandex.ru

All the architectural elements of a medieval temple, like itself, are common symbolic space where all details represent the idea of God and face either the faithful or to the Creator himself. And in this system are not the masters of mosaic floors Cosmati alien element - in fact, it is nothing like prayer, created in stone, but the prayer of living presented in the complex language of mosaic figures of Christian imagery. In the article on the example of the Roman basilica of Santa-Maria-Maggiore are considered rich semiotic cosmatesque opportunity to express ideas and concepts of his age. Author restores the value style characters, based on the texts of the era and the reconstruction of views of the Middle Ages made by historians of art and religion.

Keywords: intercultural communication, semiotics, semantics, cosmatesque, Cosmati master, mosaic, mosaicists, masons, medieval Italy, Rome, Basilica of Santa Maria Maggiore, Christianity, Catholicism, religion, symbolism, history of art.

References

1. Barabanov A.A. Chelovek i arhitektura: semantika otnoshenij. Ekaterinburg: Arhitekton, 1999.
2. Vanejan S.S. Arhitektura i ikonografija. «Telo simvola» v zerkale klassicheskoj metodologii. Moscow : Progress-Tradiciya, 2010.
3. Galkova I.G. Cerkvi i vsadniki. Romanskije hramy Puatu i ih zakazchiki. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.
4. Golubcov A. Sobornye chinovniki i osobennosti sluzhby po nim. Moscow: Tipografija Shtaba Moskovskogo voennogo okruga, 1907.
5. Demus O. Mozaiki vizantijskih hramov. Principy monumental'nogo iskusstva Vizantii / Per. s angl. Je. S. Smirnovoj, red. i sost. A. S. Preobrazhenskij. Moscow: Indrik, 2001.
6. Evtusheno G. Hram Svjatoj Sofii v Konstantinopole. Saint-Petersburg: Satis, 2008.
7. Zel'dmajr Hans. Vozniknovenie sobora// Hram zemnoj i nebesnyj. Vyp. 2, Moscow: Progress-tradiciya, 2009.
8. Ljubker F. Real'nyj slovar' klassicheskikh drevnostej. Moscow: Direktmedia Publishing, 2007. 1 jelektron. opt. disk (CD-ROM).
9. Maknamara D. R. Kak chitat' cerkvi: intensivnyj kurs po hristianskoj arhitekture. Moscow: RIPOL klassik, 2011.
10. Mal' Je. Religioznoe iskusstvo XIII veka vo Francii. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2008.
11. Menninger K. Istorija cifr. Chisla, simvoly, slova / per. s angl. E. V. Lomanovoj. Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2011.
12. Mortimer Jan. Srednevekovaja Anglija: putevoditel' puteshestvennika vo vremeni. Moscow: Publ. «Je», 2016.
13. Morris Ch. Znachenie i oznachivanie. Znaki i dejstviya // Semiotika. Moscow: Raduga, 1983. pp. 118–132.

14. Podosinov A. Simvolny chetyreh evangelistov, ih proishozhdenie i znachenie. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 2000.
15. Pohlebkina V.V. Slovar' mezhdunarodnoj simvoliki i jemblematiki. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2001.
16. Rajs D. T. Vizantijcy. Nasledniki Rima. Moscow: Centrpoligraf, 2009.
17. Smirnova I. Tajnaja istorija kresta. Moscow: JeKSMO, 2006.
18. Toporov V. N. Krest // Mify narodov mira. T. 2. Moscow: Sovetskaja Jenciklopedija, 1992. pp. 12–14.
19. Toporov V. N. K proishozhdeniju nekotoryh pojeticheskikh simvolov. Paleoliticheskaja jepoha // Rannie formy iskusstva. Moscow: Iskusstvo, 1972. pp. 77–105.
20. Foss'e R. Ljudi srednevekov'ja. Saint-Petersburg : EVRAZIJa, 2014.
21. Cykunov I. V. Rozhdenie stilja kosmatesko: Vizantija, Drevnjaja Rus' i Srednevekovaja Italija // Jazyk i tekst langpsy.ru. 2015. Tom 2. № 4. doi: 10.17759/langt.2015020411. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n4/Tsykunov.shtml> (data obrashhenija 2.03.2016).
22. Cykunov I. V. Kod stilja kosmatesko: raspoznavanie smyslov [Jelektronnyj resurs] // Jazyk i tekst. 2016. Tom 3. № 2. pp. 91–118. doi:10.17759/langt.2016030210 (data obrashhenija 8.07.2016).
23. Shtoff V. A. Modelirovanie i filosofija. Moscow: Nauka, 1966.
24. Jeko U. O chlenenijah kinematograficheskogo koda // Stroenie fil'ma. Moscow: Raduga, 1984. pp. 79–101.
25. Jeko U. Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju. Saint-Petersburg: Petropolis, 1998.
26. Gandy P., Freke T. The Jesus Mysteries. Was the “Original Jesus” a Pagan God? London : Thorsons, 1999.
27. Gibson C. Leggere I simboli. I simboli nell'arte e il loro significato. Modena : Logos, 2011–2013.
28. Hutton E. The Cosmati. The roman marble workers of the XII th and XIII th centuries. London : Routledge and Kegan Paul ltd, 1950.
29. Ditchfield P. H. The Cathedrals of Great Britain. The history and architecture. London : J. M. Dent & company, 1902.
30. Rodwell W. The Archeology of Churches. Stroud: Tempus Publishing Ltd., 2005.
31. Severino N. I segreti dei Pavimenti cosmateschi: Le guide marmoree policrome originali // Collana Studies on Cosmatesque Pavements, № 8, agosto, 2015.
32. Stickler A. M., Boyle L. E., de Nicolo P. Bibliotheca Apostolica Vaticana. Firenze : Nardini Editore – Centro Internazionale del Libro, 1985.
33. Taylor R. How to Read a Church. A guide to images, symbols and meanings in churches and cathedrals. London : Rider, 2003.
34. Toman Rolf. Romanesque: Architecture, Sculpture, Painting. Potsdam : h.f. ulmann publishing GmbH, 2015.
35. URL:http://www.vatican.va/various/basiliche/sm_maggiore/index_fr.html#_=_ (data obrashhenija 24.02.2016).
36. URL:http://www.vatican.va/various/basiliche/sm_maggiore/vr_tour/Media/VR/St_Mary_Nave1/index.html (data obrashhenija 24.02.2016).
37. URL: http://arhproject.ucoz.ru/publ/kolichestvo_kupolov_na_khrame/1-1-0-2 (data obrashhenija 16.02.2016).
38. URL: <http://www.mun.ca/rabanus/text.html> (data obrashhenija 28.02.2016).
39. URL: <http://kannelura.info/?p=1400> (data obrashhenija 26.02.2016).
40. URL: http://www.orthlib.ru/Feodor_Studit/fstkrest.html (data obrashhenija 26.02.2016).
41. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/simvolika/simvol.htm> (data obrashhenija 24.02.2016).

Цыкунов И.В.

Молитва в камне: символы косматеско в базилике
Санта-Мария-Маджоре в Риме
Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»
2016. Том 3. № 3. С. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

Tsykunov I.V.

Prayer in stone: symbols cosmatesque in the
Basilica of Santa-Maria-Maggiore in Rome
E-journal «Language and Text langpsy.ru»
2016, vol. 3, no. 3, pp. 31–72.
doi: 10.17759/langt.2016030305
ISSN: 2312-2757 (online)

42. URL: <http://sobor-maykop.ru/index.php/novosti/36-globalnye-temy-nashego-vremeni/653-proslavlenie-kresta> (data obrashhenija 26.02.2016).
43. URL: <http://symbol.jofo.ru/315981.html> (data obrashhenija 28.02.2016).
44. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1630173.html> (data obrashhenija 28.02.2016).
45. URL: <http://krotov.info/acts/05/antolog/page19.htm> (data obrashhenija 2.03.2016).
46. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Ispovednik/mistagogiya/ (data obrashhenija 28.03.2016).
47. URL: http://antology.rchgi.spb.ru/Rabanus_Maurus/maurus_7.htm (data obrashhenija 25.03.2016).

Эффективные способы запоминания новых слов

Багманова С.В.,

Старший преподаватель кафедры немецкой и французской филологии Башкирского государственного университета ФГБОУ ВО БашГУ, Уфа, Россия.

В статье рассматриваются наиболее эффективные способы семантизации, содействующее сознательному использованию изученных лексических единиц в речевой практике. Особое внимание уделяется анализу переводного и беспереводного методов семантизации лексики, а также способам классификации лексических единиц, входящих в активный словарный запас.

Ключевые слова: способы семантизации лексики; переводной и беспереводной способы семантизации; визуальный и вербальный способы семантизации; активный и пассивный словарный запас; способы классификации

Для цитаты:

Багманова С.В. Эффективные способы запоминания новых слов [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Bagmanova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030306

For citation:

Bagmanova S.V. The Effective Ways of Remembering New Words [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Bagmanova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030306

Значение памяти в жизни человека очень велико. Абсолютно все, что мы знаем, умеем, есть следствие способности мозга запоминать и сохранять в памяти образы, мысли, пережитые чувства. Человек запоминает наиболее прочно те факты и события, которые имеют для него особенно важное значение. Возможности человеческой памяти безграничны и до конца не изучены. На эти возможности и потенциально бесконечные ресурсы памяти часто и приходится надеяться.

В последнее время весьма популярно применение при изучении иностранных языков некоторых психологических методов, которые не подменяют традиционные методы, а лишь дополняют и обогащают их. Сюда можно отнести метод фонетических ассоциаций, метод оживления, метод соощущений, метод вхождения, метод автобиографических воспоминаний, метод последовательных ассоциаций, метод трансформации, метод отстраненности.

Применение вышеназванных методов на практике происходит часто в игровой форме. Играть любят и взрослые, и дети. Поэтому различные пособия в печатном виде или в онлайн-варианте предлагают учащимся целый набор игр на развитие памяти и внимания и на усвоение техник запоминания новой лексики и грамматических структур. Многие авторы активно используют при этом картинки, схемы, мемо-боксы и иллюстрации.

Как обращаться с новыми словами в иностранном языке, зависит от различных культурных и индивидуальных предпосылок, от ситуации, от уровня обученности и т.д. При

первичной семантизации необходимо затронуть как можно больше "чувств". Во-первых, использовать наглядные приемы (картинки, иллюстрации, видеоряд), во-вторых, сопровождать введение новой лексической единицы вербальными комментариями (контекст, наводящие вопросы), в-третьих, необходимо наличие у учащихся фоновых знаний, что позволяет вводить новое слово в такой ситуации, которая дает возможность определить взаимосвязи новой лексической единицы с уже известными.

При этом нужно различать способы формирования так называемого активного и пассивного словарного запаса. Пассивный запас лексики, как правило, в 3-4 раза больше, чем активный, и он по-своему структурирован. Изучающим иностранный язык всегда легче удастся узнать слово, которое встретилось в тексте для чтения, чем спонтанно использовать это слово в речи. В тексте слово включено в многочисленные взаимосвязи (контекст). Необходимо целенаправленно развивать умения расшифровать значение слова из контекста. Для этого существуют особые техники и стратегии. Возможно применение этих техник на уровне текста, на уровне предложения, на уровне слова или с учетом всех трех уровней. В рамках текста всегда имеются сигналы содержательного или структурного характера, которые могут помочь определить значение нового слова (в немецком языке фиксированный порядок слов – изменяемая часть сказуемого находится в повествовательном предложении на втором месте, неизменяемая – на последнем, можно сделать выводы по поводу части речи и роли в предложении). Необходимо знать правила словообразования и значение словообразовательных элементов (это касается, в первую очередь, образования сложных слов и производных). Следует анализировать новую лексику, учитывая наличие интернациональных слов и соответствующих слов в родном или другом иностранном языке. На этом пути могут, конечно, возникнуть "ложные друзья". Интересный набор способов семантизации мы находим у Кошкиной Е.Г.: семантические карты; семантические решетки; семантические блоки; прием компонентного семантического анализа; иерархические диаграммы; градиентные или линейные построения слов и др. [2].

Значение памяти в жизни человека очень велико. Абсолютно все, что мы знаем, умеем, есть следствие способности мозга запоминать и сохранять в памяти образы, мысли. Возможности человеческой памяти безграничны и до конца не изучены. На ресурсы памяти часто приходится надеяться, особенно учитывая темпы современной жизни. Когда новое слово встречается впервые, оно откладывается в краткосрочной памяти, но через несколько дней совершенно забывается, если его не используют. Техника интервального повторения, при которой повторение материала происходит через определенные промежутки времени, позволяет обеспечить долговременное запоминание. Раньше для этого надо было вручную делать бумажные карточки с немецким словом и его описанием на обороте и создавать своего рода картотеки. Теперь повторять слова можно при помощи компьютерных программ, которые создают «колоды» карточек по темам. Заучивая слово, нужно каждый раз отмечать, насколько легко оно вспомнилось, и сервис поймет, через какое время стоит снова предложить поработать с этой карточкой. Так новые технологии поддерживают проверенные способы работы с иностранными словами.

Принципиальным моментом является для нас организация работы учащихся со словарем. Это касается и переводных методов, и работы с одноязычными словарями. Необходимо отметить, что существующие версии толковых словарей не всегда удобны для использования на занятии, дефиниции часто трудно воспринимаются, содержат много сокращений, специальных значков, поэтому работа со словарем требует тщательной предварительной подготовки и регулярного обращения. Авторы пособия «50 практических советов по изучению немецкого языка рекомендуют работать в рамках своеобразного треугольника: толковый словарь – словарь синонимов – фразеологический словарь [6 с. 18].

Активный лексический запас нуждается в упорядоченности. Материалы по подготовке к форматным экзаменам содержат списки продуктивной лексики по уровням. С такими списками можно выполнять группировочные упражнения, в частности, если речь идет о цифрах, названиях месяцев, дней недели, времен года, сторон света и т.д. Составление ассоциограмм, создание антонимичных пар или синонимичных рядов – подобного рода упражнения позволяют создать определенную систему, способствующую запоминанию не отдельных слов, а целых продуктивных цепочек. Гроше Ю.В. в своем новом пособии создала отличную систему из 520 упражнений по лексике немецкого языка [2]. Главной целью данного учебного пособия является значительное расширение словарного запаса. В отличие от других пособий книга написана в жанре учебно-развлекательной литературы, что значительно повышает мотивацию учащихся.

Особенностью пособия является и то, что в качестве учебного материала использованы немецкие народные загадки и около 700 немецких пословиц. В сборнике собраны упражнения различного уровня: от начинающих до тех, кто хочет совершенствовать свои знания. Отдельные главы выделены для работы с синонимами и антонимами, три главы содержат упражнения по словообразованию. Оригинальная классификация слов минимума немецкого языка содержится и в пособии Литвинова П.П. [4].

Словарь создан по авторской методике запоминания немецких слов, в основе которой лежит принцип деления по темам. «Предлагаемая смысловая классификация основана на разделении минимума слов (3500) по частям речи (глаголы, прилагательные и существительные) с дальнейшим делением на смысловые группы .., а смысловые группы делятся на блоки (по 3-7 блоков в смысловой группе). Таковую классификацию можно сравнить с библиотекой, в которой отдел библиотеки – это часть речи, шкафы с книгами – это смысловые группы, полки – это блоки слов, а отдельные книги на полках – это отдельные слова» [3]. У Литвинова П.П. имеется и другая классификация слов, способствующая их запоминанию, фонематическая. «В классификации, называемой фонематической, приводятся блоки созвучных слов. При этом виды созвучий могут быть различными. При многократном повторении слов блока вы добьетесь того, что любое слово из этого блока будет вызывать по звуковой и смысловой ассоциациям все остальные слова. С другой стороны, блоки помогают вам определить/вспомнить значение любого из слов, входящих в этот блок» [4 с. 82]. Данный принцип классификации больше способствует, на наш взгляд, упорядоченности рецептивной лексики.

Многие современные учебные комплекты (в частности – издательства Ernst Klett Sprachen) включают словари, составленные не по алфавиту, а по тематическому принципу. Это позволяет делать огромное количество разнообразных упражнений, обращаясь не к громоздким томам, а к собственному учебнику. Например, для составления рецепта в рамках темы «Еда» достаточно найти в конце раздела список лексических единиц, связанных с процессом приготовления пищи, в особенности глаголов типа schneiden, schälen, kochen и др. [5, 7]. Даже при введении нового материала можно заглянуть в конец раздела, выбрать несколько ключевых слов и попросить учащихся сделать предположения, о чем пойдет речь, поработать над управлением глаголов и т.д.

Литература

1. Гроше Ю.В. Упражнения по лексике немецкого языка. М.: АйРИС-пресс, 2015. С. 176.
2. Кошкина Е.Г. К вопросу о наиболее эффективных способах семантизации лексических единиц при обучении немецкому языку // Альманах современной

Багманова С.В.
Эффективные способы запоминания новых слов
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 73–77.
doi: 10.17759/langt.2016030306

Bagmanova S.V.
The Effective Ways of Remembering New
Words
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 73–77.
doi: 10.17759/langt.2016030306

науки и образования Тамбов: Грамота. 2015. № 3 (93). С. 56-66 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 10.04.2016).

3. *Литвинов П.П.* Как быстро выучить много немецких слов. 3-е изд. М.: АйРИС-пресс, 2008. С. 160.
4. *Литвинов П.П.* 3500 немецких слов. Техника запоминания. 5-е изд. М.: АйРИС-пресс, 2008. С. 256.
5. *Esterl U., Körner E.* u.a. Team Deutsch A1. Deutsch für Jugendliche. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen, 2008. p. 152.
6. *Neumann T., Rug W, Tomaszewski A.* 50 praktische Tips zum Deutschlernen. München: Klett Verlag, 1991. p. 55.
7. *Sander I, Braun B.* u.a. DaF kompakt A1 – B1. Deutsch als Fremdsprache für Erwachsene. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen, 2011. p. 256.

The Effective Ways of Remembering New Words

Bagmanova S.V.,

Senior teacher of the chair of German and French Philology of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University», Ufa, Russia, Ufa, Russia

The article tells about the most effective ways of semantization, which help to use the lexical units in the speech more consciously. The most attention is paid to the analysis of the methods of semantization of the lexical units which can be done with translation and without translation and also to the ways of the classification of lexical units from the active part of vocabulary..

Key Words: the ways of semantization, ways of semantization with translation and without translation, visual and verbal ways of semantization, active and passive parts of vocabulary, ways of classification

References

1. Groshe I.U.V. Uprazhneniia po leksike nemetskogo iazyka [Exercises on vocabulary of the German language] Moscow. Publ. AIRIS-press, 2015. p. 176.
2. Koshkina E.G. K voprosu o naibolee effektivnykh sposobakh semantizatsii leksicheskikh edinitc pri obuchenii nemetckomu iazyku [Elektronnyi resurs] [On the question of the most effective ways semantization lexical items in teaching German language] *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia. Tambov. Gramota [Almanac of modern science and education Tambov. Diploma]*, 2015, no. 3 (93). p. 56-66 URL <https://cyberleninka.ru/article/data/obrashcheniia> 10.04.2016
3. Litvinov P.P. Kak bystro vyuchit mnogo nemetckikh slov [How to quickly learn a lot of German words]. 3-e izd. Moscow. Publ. AIRIS-press, 2008. p. 160.
4. Litvinov P.P. 3500 nemetckikh slov Tekhnika zapominaniia [3500 German words. memorization technique]. 5-e izd. Moscow. Publ. AIRIS-press 2008. p. 256.
5. Esterl U., Körner E. u.a. Team Deutsch A1. Deutsch für Jugendliche. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen, 2008. p. 152.
6. Neumann T., Rug W., Tomaszewski A. 50 praktische Tips zum Deutschlernen. München: Klett Verlag, 1991. p. 55.
7. Sander I., Braun B. u.a. DaF kompakt A1 – B1. Deutsch als Fremdsprache für Erwachsene. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen, 2011. p. 256.

А. К. Кулидж – популяризатор русистики в США

Зенкевич И.В.,

доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» факультета «Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, syrkevich@rambler.ru

Статья посвящена вкладу профессора Гарвардского университета Арчибальда Кэри Кулиджа и его учеников в становление и дальнейшее развитие русистики в высших учебных заведениях США. Автор полагает, что именно личный энтузиазм этих людей и их заинтересованность Россией способствовали внедрению преподавания русского языка в американских университетах. В статье приводятся основные сведения из биографии Кулиджа, рассматривается его подход к преподаванию русского языка и основные направления его деятельности, способствовавшей популяризации исследований России и включению русского языка в образовательную программу некоторых вузов в США.

Ключевые слова: кафедра славянских языков, Гарвардский университет, создание библиотеки, публичные выступления, исторический завтрак русистов, лекции о России.

Для цитаты:

Зенкевич И.В. А. К. Кулидж – популяризатор русистики в США [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Zenkevich.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030307

For citation:

Zenkevich I.V. Recollection about the Sign of The Most Holy Mother Of God [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Zenkevich.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030307

До XX века Россия не вызывала научной или общественной заинтересованности в США. Начало полномасштабным исследованиям в русистике в высших учебных заведениях США положили энтузиасты, люди, для которых русский язык не был основной специальностью, но чья личная заинтересованность послужила мощным стимулом к развитию исследований в этой области. О необходимости преподавания и изучения русского языка первыми заговорили историки, указав на тесную взаимосвязь изучения истории России и ее языка.

Пионером развития славистики стал Гарвардский университет, где в 1894 году появился первый новаторский курс по русской и польской истории. Разработал и читал его Арчибальд Кэри Кулидж (Archibald Cary Coolidge) (1867 – 1928).

А. К. Кулидж работал на кафедре истории Гарвардского университета с 1893 по 1928 и был одним из тех, кто, по утверждению исследователя Роберта Ф. Бурнса (Burnes), способствовал превращению Гарварда из маленького университета в Новой Англии в огромный исследовательский и преподавательский центр, известный во всем мире [1; 5]. Кулидж заметно расширил диапазон исследований кафедры истории, а с ней и всего Гарвардского университета: не только ввел преподавание и изучение России и стран Восточной Европы, но и заложил основы исследований Среднего Востока и Азии, ввел для студентов базовый курс западно-европейской цивилизации, современной истории дипломатии. Огромен его вклад в расширение и превращение университетской библиотеки

Гарварда в одно из уникальнейших собраний книг в мире (он был ее директором с 1910 по 1928). Он был членом Американской исторической ассоциации (American Historical Association), участвовал в ее конференциях и собраниях, был членом издательского совета ее журнала – *American Historical Review*. Он консультировал правительство в вопросах международных отношений, таким образом, заложив основы дальнейшего сотрудничества представителей науки и правительства. Еще будучи выпускником Кулидж подумывал о карьере дипломата, даже успел поработать с 1890 по 1893 гг. в американских дипломатических миссиях в С. Петербурге, Вене, Париже. На протяжении всей жизни он поддерживал контакт с официальными представителями государственного департамента, для которого создал и возглавлял небольшую школу для обучения будущих дипломатов. Он считал долгом гарвардского профессора принимать участие в обучении тех, кто в будущем займет лидирующие позиции в разных сферах жизни в стране. А. Кулидж полагал, что только деятельность энтузиастов, отдельных увлеченных людей может привести к зарождению интереса и к дальнейшим интенсивным исследованиям в русистике. Этот подход, с одной стороны, способствовал развитию в США исследований в области русского языка и истории, поскольку Кулиджу удалось увлечь этой темой большое количество студентов и докторантов других специальностей, с другой – тормозил становление русистики как науки на государственном уровне, потому что Кулидж не считал нужным создавать национальные организации ученых, специализировавшихся в этой области, которые могли бы продвигать русистику в официальном общегосударственном формате. При этом он не отрицал необходимости сотрудничества деятелей науки и государственных чиновников в те моменты, когда государству потребуется консультация или помощь ученых, в остальном же ратовал за независимость науки от государства.

Его выпускники, ставшие впоследствии преподавателями во множестве американских вузов, были специалистами в целом ряде областей: исследованиях России, Восточной Европы, Среднего Востока, Северной Африки; истории европейской дипломатии и современной истории Европы. Также он подготовил несколько десятков специалистов по международным отношениям, дипломатов, помощников государственного секретаря [1].

Кулидж родился в Бостоне в благородной семье, корни которой восходят к отцам-основателям США, к колонии Массачусетского залива и даже к Т. Джефферсону. Семья путешествовала по странам западной Европы, поскольку отец Кулиджа проявлял большую заинтересованность в географии, торговле и международной политике. В этих путешествиях зарождался интерес юного Арчибалда Кулиджа к военной истории, экзотическим странам и невероятным событиям. Его учебу в Гарвардском университете оплатил фонд, оставленный его дедушкой по материнской линии. Эти деньги, приумноженные за счет хорошего управления ими одним из друзей семьи, позволили Кулиджу и в дальнейшем не испытывать никаких материальных проблем. Из этих же денег впоследствии (во многом анонимно) выплачивалась зарплата преподавателям, занятым исследованиями России и Восточной Европы, стипендии одаренным студентам, библиотекарям; на них покупались книги для Гарвардской библиотеки и оплачивались работы по составлению ее каталога.

После окончания университета Кулидж отправился на велосипедную прогулку по Австро-Венгрии, во время которой и зародился его интерес к странам Центральной и Восточной Европы. Осенью 1889 г. он стал студентом *Ecole des sciences politiques* в Париже, где начал изучать русский язык. В 1890 г. он приехал в Россию через Скандинавию, где провел полгода в качестве секретаря американского дипломатического представительства в С. Петербурге. Затем он проехал по европейской части России на Кавказ и дальше в Самарканд; потом вернулся на учебу в Париж, получил докторскую степень по конституционной истории США в Германии в 1892 г.. В это же время Кулидж увлекся переводами русской поэзии (Н.А.

Некрасова, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина), которые были напечатаны в 1895 г. после его возвращения в США и впоследствии несколько раз перепечатывались: например, в журнале *Harvard Monthly* в январе 1895 г. были опубликованы его переводы из Некрасова и Лермонтова, в журнале *Slavonic Review* в декабре 1925 г. – перевод «Демона» Лермонтова [1]. Его интерес к переводам может свидетельствовать о достаточно зрелом владении русским языком и знании русской литературы.

О его увлечении русской историей свидетельствует другой важный факт: в 1894 г. Кулидж попросил в Гарварде разрешения читать курс по истории северо-восточной Европы (Дании, Швеции, Польши и России) с 1453 по 1795 гг. Сначала курс длился всего один семестр, но в 1909 г. он стал полноценным годичным курсом и получил название «История России». Это был первый курс, посвященный России в вузах США. В дальнейшем Кулидж интегрировал его в программу по истории Европы и мира, что радикально изменило преподавание истории как дисциплины в Гарварде.

Его подход к обучению базировался на нескольких основных составляющих, которые в то время представлялись новаторскими и повлияли на ведение подготовки специалистов-русистов. Кулидж считал необходимым:

1. развивать в студентах самостоятельность в получении знаний;
2. поощрять путешествия по Европе (вне зависимости от области интересов) для расширения кругозора и ознакомления с интересующими явлениями, событиями, фактами на местах;
3. поддерживать стремление к получению знаний, а не должностей;
4. обеспечить доступ студентов к источникам информации, т.е. создать хорошую библиотеку;
5. собрать квалифицированный профессорско-преподавательский состав;
6. задать высокие стандарты качества языкового образования и подготовки преподавателей;
7. способствовать независимости науки от государства;
8. обеспечить непредвзятость ученых (особенно в том, что касается исследований истории России), поощрять стремление объяснить и понять факты истории, а не осуждать и порицать;
9. ввести курс русского, немецкого и французского языков для всех ученых, занимающиеся Россией, поскольку именно на этих языках написаны основные работы в этой области;
10. всем историкам знать культуру (в том числе религию), географию, климат, демографический состав, политическую структуру страны, которую они изучают;
11. отказаться от узкой специализации, поскольку она не давала возможности всеобъемлющего изучения проблемы, например, Россия находится и в Европе и в Азии, значит, чтобы понять Россию, надо досконально изучать оба эти региона.

Особую роль в обучении Кулидж отводил именно путешествиям по Европе (включая Россию). Он считал, что только так можно познакомиться с географией региона, поработать в иностранных библиотеках, встретиться с учеными в их родных странах, попрактиковаться в иностранном языке. Например, его студент Роберт Блейк (Robert Blake) в 1911-1912 гг. учился в С. Петербурге у профессора Михаила Ростовцева, 1916-1918 гг. провел в Петрограде, а следующие два года – на Кавказе [1].

Новаторской была идея Кулиджа о том, что историки должны изучать языки тех регионов, которыми занимаются, поэтому именно благодаря стараниям Кулиджа в 1896 году в

Гарварде появилась первая в США кафедра славянских языков и литератур. Отстаивая необходимость появления подобной кафедры, Кулидж столкнулся с несколькими трудностями. Во-первых, президент Гарвардского университета не видел финансовой возможности оплачивать работу преподавателей этой кафедры, поскольку ни государство, ни частные фонды в этот период не понимали необходимости изучения русского и других славянских языков в США: славянские страны в это время не интересовали американское общество. Во-вторых, необходимо было найти учителя славянских языков, что представляло огромную сложность в условиях отсутствия их преподавания в стране в целом. Кулидж пригласил преподавать русский язык Лео Виенера (Leo Wiener), который в тот момент работал в университете Миссури. Виенер родился в России в польско-еврейской семье, учился в Минске и Варшаве, а потом переехал в США. Он стал впоследствии первым в Америке доктором наук по славянским литературам. В Гарварде по просьбе Кулиджа Виенер сначала преподавал начальный курс русского языка, чуть позже ввел и продвинутый курс, а вместе с ним читал лекции по русской литературе [5].

Проблема с оплатой работы Виенера была решена самым простым способом: Кулидж оплачивал ее лично из собственного семейного фонда [1].

Совместными усилиями Кулидж и Виенер заложили основы кафедры славянских языков и литератур в Гарвардском университете. К 1928 г., году смерти Кулиджа на кафедре работали уже 9 человек из числа ее выпускников. Ученики Кулиджа и Виенера сыграли видную роль в развитии исследований России и преподавании русского языка в США. Первой научной работой, написанной американцем об истории России, стала диссертация студента Кулиджа Франка Голдера (Frank A. Golder), которую он защитил в 1909 г. Он работал в России в American Relief Administration в 1921 г. В 1921-23, 1925, 1927 гг. Голдер купил огромное количество книг, документов, архивов в Советском Союзе, которые легли в основу создания коллекций Гуверовского института (Hoover Institution) о России.

Другой ученик Кулиджа Роберт Ховард Лорд (Robert Howard Lord) получил степень в 1910 г. и стал вести курс русской истории, начатый его учителем [5].

Роберт Кернер (Robert J. Kerner) защитил докторскую диссертацию в 1914 г. и перешел преподавать в Калифорнийский университет в Беркли, где участвовал в создании кафедры, занимающейся исследованиями России и Восточной Европы. Еще раньше, в 1901 г., туда пришел преподавать ученик Виенера Джордж Рапалл Нойес (George Rapall Noyes). Нойес (George Rapall Noyes) изучал в Гарварде английскую литературу, однако под влиянием Виенера увлекся русским языком, два года изучал славянскую филологию в Петербургском университете, а затем в качестве профессора преподавал русский язык в Калифорнийском университете в Беркли и стоял у истоков создания кафедры истории и славянской филологии, на которую и пришел работать Кернер [5].

Роберт Ф. Келли (Robert F. Kelley), хотя и не получил докторской степени, оказал огромное влияние на развитие исследований и изучения России. Он начал изучать русский язык в Гарварде, затем в должности американского военного атташе совершенствовал свои знания в Риге, а с 1922 г. стал работать в Государственном департаменте. С 1922 по 1937 гг. он возглавлял отдел восточно-европейских отношений, в сферу интересов которого входила и Россия. Келли, вслед за своим учителем, видел свою задачу на этом посту в том, чтобы обеспечить стране первоклассных специалистов по современной истории Советского Союза, его развитию по коммунистическому пути, его взаимоотношениям с другими странами [1; 5]. По его указанию в отделе начала создаваться библиотека материалов и книг о Советском Союзе. А, когда в 1928 г. выяснилось, что Государственный департамент не может набрать выпускников вузов со знанием русского языка, Келли распорядился организовать

Зенкевич И.В.

А. К. Кулидж – популяризатор русистики в США
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 78–85.
doi: 10.17759/langt.2016030307

Zenkevich I.V.

Archibald Cary Coolidge: A Promoter of
Russian Studies in the United States.
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 78–85.
doi: 10.17759/langt.2016030307

интенсивные курсы русского языка для дипломатов. Его усилиями государственный департамент получил специалистов по русскому языку. Также, он принял участие в судьбе Фроста Кеннана и Юстуса Болена, которые стали впоследствии известными специалистами по России и послами США в СССР.

Ернст Дж. Симмонс (Ernest J. Simmons) занимался в Гарварде английской литературой, но под влиянием Кулиджа увлекся русским языком и литературой. С 1928-1937 он неоднократно бывал в Советском Союзе, где изучал русский язык для того, чтобы читать русскую литературу в оригинале. Его научные работы посвящены творчеству Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова. Симмонс способствовал появлению в США Russian Area Studies (страноведения России), он был профессором русской литературы на факультете славянских языков Колумбийского университета в Нью-Йорке [3].

Активно занимаясь продвижением русистики в США, Кулидж осознавал нехватку специалистов в этой области. Его величайшая заслуга состоит в том, что он стал приглашать в Гарвард специалистов из других стран, у которых американцы могли бы учиться или обмениваться опытом. Эти люди помогли заложить прочную базу гарвардской славистики. Например, профессор Аурелио Палмиери (Aurelio Palmieri) из Рима специалист по истории Христианства, в частности Православия, автор книги «Русская церковь», полиглот приезжал в Гарвард до Первой мировой войны [4], или профессор современной истории и истории дипломатии из Кембриджа Гарольд Темперли, специалист по истории Балкан и первой мировой войне, писавший в том числе об отношениях России и Британии, тоже работал в Гарварде по приглашению Кулиджа [2].

А. Кулидж считал невозможным развитие науки и качественное преподавание без наличия полноценной библиотеки, в которой студенты и преподаватели могли бы готовиться к занятиям и писать научные работы. Кроме того, по его мнению, книги на первых порах могли компенсировать нехватку преподавателей-славистов. Еще в 1895, будучи в Лейпциге, он купил в местном магазине более 1 300 наименований книг, посвященных языкам, истории и культуре славянских стран. Во время визита в Москву в 1921-1922 гг. он купил 3 500 книг по русской культуре и праву. Не оставались в стороне и его ученики. Один из них, Баярд Килгур (Bayard Kilgour), в 1927 г. передал в дар Гарварду свою коллекцию первых изданий русский поэтов и прозаиков [1].

Популяризация исследований России и стран Центральной Европы была невозможна без публичных выступлений, публикации статей и книг. В декабре 1894 г. Кулидж выступил с первым в США докладом, посвященным истории России на ежегодном заседании Американской исторической ассоциации. В нем он подверг критике американских историков того времени, не желавших заниматься исследованием российской истории. Свой интерес Кулидж обосновал тремя главными тезисами. Во-первых, он подчеркнул, что такая мощная империя заслуживает самого пристального внимания. Во-вторых, говоря о населении России, он отметил, что это умные талантливые люди, которым суждено сыграть ведущую роль в истории человечества. В-третьих, он отметил богатство культурных традиций страны, изучение которых будет очень ценно в связи с различными культурологическими исследованиями: например, для сравнительного анализа государственного устройства разных стран и его исторических, географических и религиозных предпосылок [1].

Кулиджу принадлежит заслуга организации первой встречи – исторического завтрака – ученых, занимавшихся изучением России, которая состоялась в декабре 1924 г. в Ричмонде (Вирджиния). На ней присутствовали не только американские историки, но и британские (Сетон-Уотсон), а также представители американских государственных организаций, посольств, школ, что свидетельствовало о достаточно большой заинтересованности в

Зенкевич И.В.

А. К. Кулидж – популяризатор русистики в США
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 78–85.
doi: 10.17759/langt.2016030307

Zenkevich I.V.

Archibald Cary Coolidge: A Promoter of
Russian Studies in the United States.
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 78–85.
doi: 10.17759/langt.2016030307

исследованиях России как среди специалистов, так и любителей. На этой встрече ученик Кулиджа Роберт Кернер предложил создать национальную организацию, которая бы курировала эти исследования и, будь создана, подтолкнула бы развитие этой области изучения в США, однако Кулидж выступил против. Он продолжал верить, что именно и только энтузиасты, которым не нужна национальная поддержка, способны продвигать науку вперед. Основными задачами мероприятия он видел следующие: поделиться накопленным опытом, обозначить перспективы и возможности дальнейших исследований, подчеркнуть необходимость сотрудничества с иностранными специалистами в данной области, особенно из Советского Союза [1]. (Необходимость международных контактов и стажировок всегда занимала особое место в пропагандистской деятельности Кулиджа). Об успешности встречи говорит хотя бы тот факт, что по ее завершении лондонский журнал *Slavonic Review* включил в свой редакционный совет Р. Кернера, Ф. Голдера и Харпера, подтвердив таким образом свои намерения сотрудничать и обмениваться опытом в славистике с американскими исследователями.

Свою собственную деятельность Кулидж не ограничивал стенами Гарвардского университета, он ездил по стране с лекциями о России: выступал, например, в университетах Чикаго, Виргинии и Бостона [1].

Кулидж активно сотрудничал с журналом *American Historical Review*, где был основным рецензентом статей, посвященных России, и книг, изданных на русском языке. Чтобы привлечь как можно более широкую аудиторию он публиковал статьи в популярном журнале *The Nation* и в Нью-Йоркской газете *The Evening Post*. Он был главным редактором журнала *Foreign Affairs*, в котором печатались статьи о международной политике в свете современной истории, в том числе статьи самого Кулиджа о России и Восточной Европе. Он призывал лидеров этих стран и политиков сотрудничать с журналом, чтобы быть услышанными и понятыми в Америке. Существуют сведения о том, что Ленин был частым читателем этого журнала [1]. В журнале публиковали свои статьи посол Временного правительства в США, создатель Российского гуманитарного фонда в США, организатор архива российской и восточноевропейской истории и культуры в Колумбийском университете Борис Бахметьев и основатель партии социалистов-революционеров Виктор Чернов.

Таким образом, благодаря усилиям Кулиджа, Виенера и их учеников к 1920ым гг. русский язык преподавали уже в трех американских вузах: Колумбийском университете в Нью-Йорке, Гарвардском университете и Калифорнийском университете в Беркли, при этом в Беркли и Гарварде преподавался еще и курс русской истории [6].

Личный интерес Кулиджа к России в начале XX века пересекся с потребностями государства в сборе информации о нашей стране. В сентябре 1917 г. В. Вильсон распорядился создать группу *The Inquiry*, в которую вошли около 150 ученых. Их задачей было подготовить материалы для мирных переговоров после Первой мировой войны. Основными членами группы были профессор и выпускники Гарвардского университета, а вся подготовительная работа по России и странам Восточной Европы велась в стенах самого университета. Принять участие в ее работе был приглашен и Кулидж, который позвал своих учеников Франка Голдера, Роберта Лорда и Роберта Кернера присоединиться к нему. В мае 1918 г. в качестве помощника государственного секретаря Кулидж посетил Мурманск и Архангельск с целью сбора информации о экономическом положении России и ее политическом режиме. Кулидж и его ученики принимали активное участие в разработке концепции определения границ Польши, Австрии, Венгрии, Чехословакии. *Воспоминание Знамени бывшего иконою Пречистыя Владычица наша.*

Зенкевич И.В.

А. К. Кулидж – популяризатор русистики в США
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 78–85.
doi: 10.17759/langt.2016030307

Zenkevich I.V.

Archibald Cary Coolidge: A Promoter of
Russian Studies in the United States.
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 78–85.
doi: 10.17759/langt.2016030307

Литература

1. *Byrnes Robert F. Archibald Cary Coolidge. A Founder of Russian Studies in the United States // Slavic Review. Vol. 37. No. 4 (Dec., 1978). pp. 651-667*
2. *Fair John D. Harold Temperley. A Scholar and Romantic in the Public Realm. University of Delaware Press, 1992. Biography & Autobiography. p. 362.*
3. *Mathewson Rufus W. Ernest J. Simmons, 1903-1972. // The Russian Review Vol. 31. No. 4 (Oct., 1972). pp. 437-439.*
4. *Palmieri Aurelio. Ettore Lo Gatto, B. P. and Francis P. Marchant // The Slavonic Review Vol. 5. No. 15 (Mar., 1927). pp. 683-686.*
5. *Parry, Albert. America Learns Russian: A History of the Teaching of the Russian Language in the United States. N.Y.: Syracuse University Press, 1967. p. 205.*
6. *Prospects for Faculty in Soviet and East European Studies. A report prepared for the National Council of Area Studies Association for the Advancement of Slavic Studies. Stanford University, Stanford, California, 1997.*

Archibald Cary Coolidge: A Promoter of Russian Studies in the United States.

Zenkevich I.V.,

Associate Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, syrkevich@rambler.ru

The article is dedicated to the contribution of Harvard professor Archibald Cary Coolidge and his students into the rise and development of Russian studies in American Universities. The author believes that it was due to their personal interest and enthusiasm that the Russian language began to be taught in the USA universities. The article provides information about Coolidge's biography, his approach to teaching Russian, and his work aimed at popularizing Russian and introducing it into the American higher education curriculum.

Key Words: Slavonic languages department, Harvard University, creation of the library, public speeches, Russian historical breakfast, lectures about Russia.

References

1. Byrnes Robert F. Archibald Cary Coolidge: A Founder of Russian Studies in the United States // *Slavic Review*. vol. 37. no. 4 (Dec., 1978). pp. 651-667
2. Fair John D. Harold Temperley: A Scholar and Romantic in the Public Realm. University of Delaware Press, 1992. Biography & Autobiography. 362 p.
3. Mathewson Rufus W. Ernest J. Simmons, 1903-1972. // *The Russian Review* vol. 31. no. 4 (Oct., 1972). pp. 437-439.
4. Palmieri Aurelio. Ettore Lo Gatto, B. P. and Francis P. Marchant // *The Slavonic Review* vol. 5. no. 15 (Mar., 1927). pp. 683-686.
5. Parry, Albert. *America Learns Russian: A History of the Teaching of the Russian Language in the United States*. New York: Syracuse University Press, 1967. p. 205.
6. *Prospects for Faculty in Soviet and East European Studies*. A report prepared for the National Council of Area Studies Association for the Advancement of Slavic Studies. Stanford University, Stanford, California, 1997.

Рабочая этика сквозь призму американской и британской лингвокультур: культурно-ценностные доминанты

Иванова С.В.,

доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, факультета «Иностранные языки», Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия, svet_ivanova@mail.ru.

В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей функционирования языкового сознания и отражения в нем ценностных доминант представителей лингвокультурного сообщества. В частности раскрываются особенности репрезентации рабочей специфики вербализации рабочей этики в американской и британской лингвокультурах. Языковой материал свидетельствует о коренных различиях в ценностной картине мира этих двух англоязычных сообществ. Если американская культура рассматривает рабочую этику как неотъемлемую часть жизни человека, то в британской культуре отношение к работе имеет более сложный и неоднозначный характер.

Ключевые слова: лингвокультура, языковое сознание, языковая картина мира, ценностная картина мира, ценности, американская культура, британская культура.

Для цитаты:

Иванова С.В. Рабочая этика сквозь призму американской и британской лингвокультур: культурно-ценностные доминанты [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Ivanova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030308

For citation:

Ivanova S.V. Work ethics through the lens of American and British linguocultures: dominant cultural values [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Ivanova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030308

Вводные замечания

В современном понимании, в связи с достижениями лингвокультурологии и лингвострановедения познание языка представляется невозможным без учета идеи связи языка и культуры. Фронт работ, посвященных исследованиям взаимодействия языка и культуры, покрывает широкое пространство научной мысли, направленной на изучение «лингво-культурного семиозиса» [8, с. 164].

Научный поиск в рамках лингвокультурологической парадигмы объединяет три основных фактора – ЯЗЫК–ЛИЧНОСТЬ–КУЛЬТУРУ, которые влияют на процесс и результат создания вербального продукта в коммуникативном пространстве. К трехакторной модели лингвокультурологии подключаются дополнительные опорные точки, в качестве которых выступают ЭТНОС, КОММУНИКАЦИЯ, СОЗНАНИЕ, ДИСКУРС. В результате в современном прочтении лингвокультурология выступает как «научная дисциплина, изучающая (а) способы

и средства репрезентации в языке объектов культуры, (б) особенности представления в языке менталитета того или иного народа, (в) закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [1, с. 29], (г) дискурсивно-речевые проявления ценностно-смыслового пространства лингвокультурного семиозиса. Соответственно, подытожив, можно согласиться с В.В. Красных, что лингвокультурология изучает «проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [7, с. 12].

Выход на языковое сознание, национальную картину мира позволяет говорить о широких возможностях лингвокультурологии при освещении вопросов, касающихся различий в проявлениях менталитета представителей различных лингво-культурных сообществ, или в терминах лингвокультурологии, различия в культурных кодах. Общеизвестно высказывание Бернарда Шоу о том, что ничто не разделяет американцев и англичан больше, чем их язык: *"We are two countries separated by a common language"*. Адекватное прочтение мысли Бернарда Шоу возможно как следствие признания тесной взаимосвязи языка и культуры, которые, существуя в едином пространстве семиозиса, овнешняют культурные коды и выражаются в лингвокультуре, понимаемой как.

Цель, задачи и методология исследования

Интерес для данного исследования представляет то, каким образом в британской и американской лингвокультурах отражается их отношение к работе, как представлена работа как культурно-ценностная доминанта. Соответственно, цель данного исследования состоит в выявлении лингвокультурных различий, касающихся отношения британцев и американцев к работе, то есть то, что именуется рабочей этикой. Поставленная таким образом цель предполагает ответ на несколько вопросов:

1). Каким образом работа и отношение к работе репрезентированы в языковом сознании американцев и британцев? Это означает анализ того, как отражается эта культурная ценность в паремическом фонде, каковы коннотации языковых единиц с лексемой *work*?

2). Какова дискурсивная репрезентация данной культурной ценности? Для ответа на этот вопрос производится анализ дидактического дискурса, в качестве которого предстают лимерики, репрезентирующие британский дидактический дискурс, и актовые речи, представляющие американский дидактический дискурс. Дискурсивный анализ позволяет выйти на культурно-смысловое пространство языка и раскрыть современное положение дел относительно рабочей этики представителей обоих лингвокультурных сообществ.

Есть все основания считать, что рабочая этика является ярким примером реализации глубоко укорененных культурных кодов, которые не только проникают в сознание, но и определяют поведение и служат культурному различию людей, разговаривающих, как нам кажется, на одном языке.

Материал исследования имеет комплексный характер, объединяя единицы речевого и языкового стратумов, а также данные социологического, культурологического и страноведческого характера. На уровне единиц языка использованы пословицы и поговорки, которые первоначально возникли как речевые единицы, но впоследствии вошли в языковой фонд как готовые единицы. Через языковые единицы можно проникнуть в языковое сознание народа, которое предполагает вербализацию укорененных ассоциаций и культурных ценностей, то есть вербализацию картины мира. В качестве единиц речевой природы используется дидактический дискурс, а именно тексты актовых речей в американских университетах, а также лимерики, относящиеся к картине мира британцев. И лимерики и актовые речи

© 2016 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»
© 2016 Moscow State University of Psychology & Education

представляют собой образцы прецедентных жанров, культурологически маркированных, уникальных и ценностно-значимых для членов данных лингво-культурных общностей. Именно в силу культурологической маркированности данный языковой материал позволяет выйти на культурные коды изучаемых сообществ. Наряду с этим для проведения полномасштабного лингвокультурологического анализа изучены материалы социологического, культурологического и страноведческого характера, раскрывающие особенности американской и британской культуры.

Обсуждение результатов исследования

Действительно, рабочая этика и отношение к работе как таковой резко различает американцев и британцев. Для выявления этих различий сначала рассмотрены ценности, касающиеся британского лингво-культурного сообщества. Вслед за англичанами в фокус анализа попадают американцы.

Главной характеристикой британской культуры и, соответственно, лингвокультуры является умеренность: чувство меры определяет отношение ко всему. Ему учат детей, и доказательством этому являются лимерики, которые в мягкой, далекой от нарочитой назидательности, более того – в шуточной форме – учат детей руководствоваться чувством меры. Все, что выходит за край, все, что “чересчур”, не принимается в английском культурном сообществе и, более того, подчас подлежит суровому осмеянию.

Отношение англичан к работе также и, прежде всего, детерминируется чувством меры. Как пишет антрополог Кейт Фокс (Kate Fox), исследовательница английского мира, «по отношению к работе мы занимаем положение между <...> двумя крайностями – компромисс и умеренность в типично английском стиле» [11, с. 214]. В другой формулировке этого же автора, отношение англичан к работе исчерпывается следующим заявлением: «к работе мы относимся серьезно, но не *слишком* серьезно» (*we are serious about work, but not too serious* [Fox 2004: 178]) [11, с. 214]. Работа для англичан – «это обязанность, но никак не “священный долг”» [11, с. 214]. Джордж Микеш (George Mikes) в своей книге «Как быть британцем» (*How to be a brit*) подтверждает высказанное Кейт Фокс мнение. Даже признавая юмористический характер книги, тем не менее нельзя не отнестись с вниманием к его замечанию о том, что обычно, на рабочем месте рабочий день используется для того, чтобы накопить энергию для изнуряющих часов отдыха» (*Normally, in the factory, workshop or office, they use their working day to build up energy for those fatiguing hours of leisure*) [16, с. 176]. Социологи подчеркивают, что около 22% работающих британцев заняты на работе более 48 часов в неделю. Однако парадокс заключается в том, что несмотря на эту впечатляющую цифру, офисы пустеют уже ко второй половине дня пятницы, и никто не помышляет выйти на работу в выходные. Отношение к работе можно передать известным выражением, характеризующим англичан: *Tea comes first*.

Даже главу, посвященную отношению британцев к работе, в своей книге об англичанах и их культуре Дж. Микеш называет «Как, работая, не работать» (*How to avoid work*). Показательными для иллюстрации этих заявлений являются пословицы и поговорки англичан о работе: *All work and no play makes Jack a dull boy*. Оксфордский словарь английских пословиц *Concise Oxford Dictionary of English proverbs* дает несколько вариаций на тему этой пословицы – формулировки могут варьировать: наряду с приведенным словесным выражением, данная пословица может звучать как *All work and no play makes Jack a mere boy* / *All work and no play makes Jill a plain girl* [18, с. 281-282].

Работа должна оставаться в рамках здравого смысла, она не должна переходить границы разумного, чтобы не получилось, как у флейтиста из лимерика:

*There was an old man with a flute.
A 'sarpint' ran into his boot;
But he played day and night,
Till the 'sarpint' took flight,
And avoided that man with a flute [9, с. 52].*

По замечанию Кейт Фокс, есть точка зрения, что англичане недолюбливают интеллектуалов, однако на это она замечает, что это не столько боязнь и недоверие к интеллектуалам, сколько неприятие слишком серьезного отношения к себе на работе, граничащего с хвастовством, а хвастовства англичане не терпят [11, с. 217].

*There was an Old Man of Vesuvius,
Who studied the works of Vitruvius;
When the flame burned his book,
To drinking he took,
That morbid Old Man of Vesuvius [9, с. 73].*

Ничего хорошего из слишком серьезного отношения к своим крайне интеллектуальным занятиям у героя не получилось: во-первых, занятый работой он не заметил, что сгорела библиотека, в которой он работал, а, во-вторых, не пережив столь сильного потрясения от случившегося и не имея ничего другого в жизни, кроме своих ученых штудий, герой ударяется в запой. А посему можно сделать очевидный вывод: работай, но знай, что это не самое главное в жизни. Относись к работе с юмором, как повар из другого лимерика:

*A diner while dining at Crew
Found a rather large mouse in his stew.
Said the waiter, "Don't shout
And wave it about,
Or the rest will be wanting one, too [9, с. 160].*

Английская деловая культура – это не “быстрая” культура, она во многом определяется традициями, изменения не приветствуются, риск не характеризует англичан, краткосрочные контракты предпочитают долгосрочным. Не зря, по всей видимости, выражение *fast worker* определяется отрицательной коннотацией.

Весьма любопытно, что английские поговорки и пословицы о работе весьма немногочисленны. Кроме приведенной выше пословицы о том, что нельзя всю свою жизнь ограничивать работой, количество английских пословиц на тему работы варьирует в разных словарях от одной до десяти [The Penguin Dictionary of Proverbs, The Concise Oxford Dictionary of Proverbs, English Proverbs Explained, Dictionary of proverbs and their Origins]. Другой немаловажной деталью является то, что очень часто пословицы и поговорки о работе помещаются под другими рубриками, что также заставляет задуматься о месте данной концептуальной области в ценностном пространстве английского лингво-культурного сообщества.

В целом, характеризуя деловой стиль англичан, надо признать, что он определяется неписаными правилами, традициями, непрямым коммуникативным стилем. Ничто не должно

выходить за рамки разумного смысла, в том числе и отношение к работе. На работе не надо сразу же бросаться за работу, нужно выдержать так называемую разумную прокрастинацию.

Перед тем, как обратиться к языковому материалу, относящемуся к американскому лингво-культурному сообществу, хотелось бы сделать краткий обзор информации социологического характера. Социологи указывают, что американцы работают больше, чем представители других индустриальных держав: у них более длинный рабочий день, более короткий отпуск, более поздняя пенсия (*Americans work more than anyone in the industrialized world. More than the English, more than the French, way more than the Germans or Norwegians. Even, recently, more than the Japanese. And Americans take less vacation, work longer days, and retire later, too¹. Europeans are happier to work less than Americans. An economic truism is that people do things to maximize their utility. Americans maximize their utility (happiness) by working and Europeans maximize their utility through leisure²*). Социологические данные свидетельствуют о том, что американцы живут, чтобы работать. Причем проводимые в настоящее время опросы, хотя и в некоторой степени все же подвержены изменениям, являются четким индикатором того, что работа остается главным приоритетом американцев. Работа дает им чувство удовлетворения и самореализации: 73% американцев считают, что усердная работа является механизмом, обеспечивающим продвижение в жизни, в то время как такого же мнения придерживаются только 35% европейцев (*When it comes to hard work, 73% of Americans' said it's important to getting ahead in life, while the European median is at 35%³*): *Enjoy work... it's fulfilling, there is a satisfaction in the human condition caused by the striving towards an end* (David Cote, 2011).

Неудивительно, что ораторы на церемониях вручения дипломов, напутствуя выпускников, призывают их работать до самозабвения, ибо только так можно добиться успеха: *If you don't work obsessively at a certain kind of job, you're a failure* (Lawrence Kasdan, 1990); *Believe anything is possible and then work like hell to make it happen* (Jullianna Marguilies, 2010); *Hard work is important. Just make sure you're working on the right thing* (David Cote, 2011); *You have to keep working. It's that simple* (Robert de Niro, 2015). Человек должен иметь любимое дело: вот как объясняет это Джон Шерер (John Jacob Scherer): *First of all, I hope you never in your life have a job. Here's why. The word 'job' comes from the Old English word 'gobbe'—G-O-B-B-E— because back in the old days you were paid by the 'lump' of something. Like you were paid by how many lumps you carried from one place to the other. So if you have a job, you've got a load of something. I don't want you to have a job; I want you to have a 'work.' 'Work' comes from the Greek word 'erg'—E-R-G. Where are the physics majors? Any physics majors in here? OK, I'm going to try this. I think from my physics that an erg is how many calories it takes to move one gram one centimeter. An erg is a measure of force directed in with a purpose. So quit your job and find your work, even if it's in the same place. Don't ever, ever have a job. Always, always have a work* [John J. Scherer 2013].

Для американской лингвокультуры важным является деятель и действие: *It doesn't matter that your dream came true if you spent your whole life sleeping. So get out there and go for it, but don't be caught waiting* (J. Zucker, 2003).

Работа как культурная ценность измеряется чувством удовлетворенности и достижения (*accomplishment*), которое она дает. Работа относится к абсолютным ценностям, она связана только с настоящим, как и сама жизнь: *Hours spent questioning, doubting, fearing, can be given*

¹ <http://abcnews.go.com/US/story?id=93364&page=1>

² http://people.hmdc.harvard.edu/~akozaryn/myweb/docs/final_work_to_live.pdf

³ <http://www.marketwatch.com/story/religion-hard-work-are-just-2-areas-where-americans-and-europeans-diverge-2016-04-19>

over to working, exploring, living (Jennifer Lee, 2014). Она толкает человека вперед, она заставляет человека быть активным, браться за любое дело. Главное – не быть праздным, не лежать, не предаваться пустым мечтаниям: *If you're dreaming, you're sleeping* (Martin Scorsese, 2014); *I think most of us would agree that people who have, say, little formal schooling but labor honestly and diligently to help feed, clothe, and educate their families are deserving of greater respect – and help, if necessary – than many people who are superficially more successful. They're more fun to have a beer with, too. That's all that I know about sociology* (Ben Bernanke, 2011).

Этот культурный код определяет выбор лексических единиц, относящихся к концептуальной области РАБОТА. Преобладающими в этом отношении являются глаголы и существительные действия, а также прилагательные с признаком «активный, деятельный»:

- ✓ **do**: Don't always wait for approval or perfect knowledge. Do something (David Cote, 2011); now the fastest way to learn is by doing. If you have a dream, you can spend a lifetime studying and planning and getting ready for it. What you should be doing is getting started (Drew Houston, 2013); Now is always the only time you can do anything (Sarah Heidt, 2010);
- ✓ **action**: live your life where the action is – now (Jerry Zucker, 2003); Every story you've ever connected with, every leader you've ever admired, every puny little thing that you've ever accomplished is the result of taking action (Bradley Whitford, 2004);
- ✓ **active**: You have a choice. You can either be a passive victim of circumstance or you can be the active hero of your own life (Bradley Whitford, 2004);
- ✓ **participant**: Get yourself into the arena... be a participant and not a spectator (David Cote, 2011);
- ✓ **work**: The work will never end (Joyce DiDonato, 2014); You've got a diploma now, you've got a brain. Put them to work (Tony Snow, 2007).

Работа стоит на первом месте для многих ораторов: в 70% актов речей ораторы рассказывают о своем рабочем опыте и смотрят на жизнь сквозь него (ср.: только три лимерика каким-то образом связаны с работой). Так, для Мэтью МкКонахи (2015) работа относится к пяти главным приоритетам, о чем он и заявляет в своей актовой речи. Показательным фактом в этом отношении и подтверждением того, что работа составляет одну из основных ценностей американцев, является словарная статья к лексической единице *work ethic* в *Longman Dictionary of English Language and Culture*: «*esp. Am. E.* belief in the moral value of work» [LDELС: 1513]: рабочая этика трактуется как вера в моральную ценность работы.

Метафорика языковых единиц также поддерживает идею о том, что работа занимает особое место среди культурных ценностей американского лингво-культурного сообщества: общеизвестно выражение *to do a good job* означает «that was done well» [17, с. 126]: *Do a good job of what's in front of you. Working on your grand plan is like shoveling snow that hasn't fallen yet. Just do the next right thing* (David Carr, 2014). Игра смыслов присутствует и в следующем случае: Мэтью МкКонахи выстраивает метафору жизни: *I do my job well today, I get checks in the mailbox five years from now?—?heck of a deal* (Mathew McConaughy 2015).

Контекстуальный анализ смыслов и рекуррентной лексики позволяет выстроить ассоциативную цепочку: *work-do-make-joy*. *All reasonable aspirations but truth is, as soon as the WORK, the MAKING of the movie, the DOING of the deed became the reward in itself?—?I got more box-office, more accolades and respect than I'd ever had before. See, JOY is always in process, under construction?—?it's in the constant approach, alive and well —in the DOING of what we are fashioned to do... and ENJOYing doing it* (Mathew McConaughy, 2015).

Характерно, что практически 70% из ораторов (то есть каждые две из трех речей) на церемонии вручения дипломов рассказывают свои истории, связанные с работой. В отличие от этой цифры, из 191 лимерика, опубликованных в книге *Мир бессмыслиц. Лимерики, старые и новые* [9], к работе относятся только три.

Вывод

Несмотря на то, что очень часто английская и американская культура объединяется в нашем сознании как англоязычная культура или культура англоязычных стран, сами представители данных лингвокультурных сообществ будут настаивать на больших различиях между ними. И, действительно, одним из таких ярких различий являются ценности, связанные с отношением к работе. Одним из дистинктивных признаков, разделяющих американцев и британцев, является рабочая этика. Само понятие, подразумевающее данную культурную ценность, принадлежит американскому варианту английского языка. Уже этот факт свидетельствует о коренных различиях, которые реализуются практически во всех параметрах: как работать, сколько работать, как строить отношения на работе, каков должен быть коммуникативный стиль на работе, как проводить время после работы.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
2. *Иванова С.В.* Лингвокультурные особенности прецедентного жанра «АКТОВАЯ РЕЧЬ» // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). Т. 1 / отв. ред. Д. А. Крячков; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 58–64.
3. *Иванова С.В.* Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2003. 41 с.
4. *Иванова С.В.* Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности. Уфа: РИО БашГУ, 2004 (а). 134 с.
5. *Иванова С.В.* Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004 (б). 152 с.
6. *Иванова С.В.* Хитрое слово leadership, или еще раз о национально-культурной специфике // Политическая лингвистика, 2014. Вып. 3 (49). С. 58–68.
7. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
8. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1999. 464 с.
9. Мир бессмыслиц. Лимерики, старые и новые: Сборник / Сост. К.Н. Атарова. М.: Радуга, 2003. 272 с.
10. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
11. *Фокс К.* Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2008. 512 с.
12. *Clifford R. & Witting R.* English Proverbs Explained. London and Sydney: Pan Books, 1969. 223 p.

Иванова С.В.

Рабочая этика сквозь призму американской и британской лингвокультур: культурно-ценностные доминанты
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 86–95.
doi: 10.17759/langt.2016030308

Ivanova S.V.

Work ethics through the lens of American and British linguocultures: dominant cultural values
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 86–95.
doi: 10.17759/langt.2016030308

13. *Fergusson R.* The Penguin Dictionary of Proverbs. London: Penguin Books, 1983. [XI], 331 p.
14. *Flavell L. and R.* Dictionary of Proverbs and Their Origins. Kyle Cathie Limited, 1993. [VII], 273 p.
15. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Ltd, 1992. F 31, 1528, B27 p.
16. *Mikes G.* How to be a brit. London: Penguin books, 1984. 265 p.
17. *Spears R.A.* Common American Phrases in Everyday Contexts. A Detailed Guide to Real-life Conversation and Small Talk. Lincolnwood, Illinois Usa: National Textbook Company, 1991. [IX], 276 p.
18. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs / Ed. by J. Simpson. Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 1992. [XIII], 316 p.
19. Graduation Speech Archive [Электронный ресурс]. URL: <http://www.graduationwisdom.com/archive/archive000.htm> (дата обращения 15.05.2015).

Work ethics through the lens of American and British linguocultures: dominant cultural values

Ivanova S.V.,

Doctor of Philology, Professor at the Department of English philology of the faculty of Foreign Languages in the Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg (Pushkin), Russia, svet_ivanova@mail.ru.

The article throws light on the peculiarities language consciousness functions and the way it reflects values of a certain linguocultural community. In particular, the article reveals the specificity of the verbalization of work ethics in American and British linguocultures. The language material testifies to deeply rooted discrepancies in the evaluative worldview of the cultures under study. If American culture considers work ethics as an indispensable part of a person's life, the attitude to work in British culture is more complicated and ambiguous.

Key Words: linguoculture, language consciousness, language worldview, evaluative worldview, values, American culture, British culture.

References

1. Alefirenko N.F. Cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka. Moscow: Flinta: Nauka, 2010. 288 p.
2. Ivanova S.V. Lingvokul'turnye osobennosti precedentnogo zhanra «AKTOVAJA RECh''» // Magija INNO: novoe v issledovanii jazyka i metodike ego prepodavaniya: materialy Vtoroj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 24–25 aprelja 2015 g.). T. 1 / otv. red. D. A. Krjachkov; Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij (un-t) M-va inostr. del Ros. Federacii. Moscow: MGIMO–Universitet, 2015. pp. 58–64.
3. Ivanova S.V. Lingvokul'turologicheskij aspekt issledovanija jazykovyh edinic: avtoref. diss. d-ra filol. nauk. Ufa, 2003. 41 p.
4. Ivanova S.V. Lingvokul'turologicheskij analiz pragmatikona jazykovoju lichnosti. Ufa: RIO BashGU, 2004 (a). 134 p.
5. Ivanova S.V. Lingvokul'turologija i lingvokognitologija: soprjazhenie paradigm. Ufa: RIO BashGU, 2004 (b). 152 p.
6. Ivanova S.V. Hitroe slovo leadership, ili eshhe raz o nacional'no-kul'turnoj specifikе // Politicheskaja lingvistika, 2014. Vyp. 3 (49). pp. 58–68.
7. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurs lekcij. Moscow: ITDGK «Gnozis», 2002. 284 p.
8. Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek tekst semiosfera istorija. Moscow: «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. 464 p.
9. Mir bessmyslic. Limeriki, starye i novye: Sbornik / Sost. K.N. Atarova. Moscow: Raduga, 2003. 272 p.
10. Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse. M.:Academia, 2000. 128 p.

Иванова С.В.

Рабочая этика сквозь призму американской и британской лингвокультур: культурно-ценностные доминанты

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 3. С. 86–95.

doi: 10.17759/langt.2016030308

Ivanova S.V.

Work ethics through the lens of American and British linguocultures: dominant cultural values

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 3, pp. 86–95.

doi: 10.17759/langt.2016030308

11. Foks K. Nabljudaja za anglichanami. Skrytye pravila povedenija. M.: RIPOL klassik, 2008. 512 p.
12. Clifford R. & Witting R. English Proverbs Explained. London and Sydney: Pan Books, 1969. 223 p.
13. Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. London: Penguin Books, 1983. [XI], 331 p.
14. Flavell L. and R. Dictionary of Proverbs and Their Origins. Kyle Cathie Limited, 1993. [VII], 273 p.
15. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Ltd, 1992. F 31, 1528, B27 p.
16. Mikes G. How to be a brit. London: Penguin books, 1984. 265 p.
17. Spears R.A. Common American Phrases in Everyday Contexts. A Detailed Guide to Real-life Conversation and Small Talk. Lincolnwood, Illinois Usa: National Textbook Company, 1991. [IX], 276 p.
18. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs / Ed. by J. Simpson. Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 1992. [XIII], 316 p.
19. Graduation Speech Archive [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.graduationwisdom.com/archive/archive000.htm> (data obrashhenija 15.05.2015).

Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации

Чанышева З.З.,

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, факультета романо-германской филологии, Башкирского государственного университета ФГБОУ ВО БашГУ, Уфа, Россия, chanyшевz@yandex.ru

В статье обсуждается преломление категории «свои»/«чужие» в средствах массовой коммуникации в условиях обострения идеологического противостояния сторон. Поставлена цель выявить потенциал знаков лингвокультуры в функции единиц смыслопорождения на материале ведущих англоязычных периодических изданий. Выделяются ипостаси «чужой» культуры, среди которых ведущая роль принадлежит ксенокультурному ценностно-смысловому пространству. Показано, как в межкультурном формате медийного общения происходит взаимовлияние смысловых пространств своей и чужой культур и субъективизация передаваемой информации. На примере ксенопрецедентных явлений установлены механизмы смысловых преобразований национально-культурных знаков в процессе их использования с целью оказания манипулятивного воздействия на целевую аудиторию.

Ключевые слова: категория «свои»/«чужие», знаки лингвокультуры, национально-культурные знаки, ксенопрецедентные явления, ценностно-смысловое пространство, смысловые преобразования.

Для цитаты:

Чанышева З.З. Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Chanyшева.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030309

For citation:

Chanyшева Z.Z. Hypostases of THEM category in mass media communication [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Chanyшева.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030309

В современной англоязычной медийной коммуникации едва ли не главное место отводится идеологическому противостоянию конфликтующих сторон, в котором на первый план выходит категория «чужие», выдвигая на повестку дня проблему использования для их обозначения широкого репертуара номинативных ресурсов языка и средств невербалики в качестве основных инструментов политической риторики. В статье ставится задача установления роли знаков лингвокультуры как наиболее эффективных средств смыслопорождения в силу того, что (1) они погружены в ценностно-смысловое пространство языка и культуры, (2) обладают достаточно подвижными границами актуализируемых смыслов, (3) могут легко превращаться в инструменты манипулирования массовым сознанием, поскольку позволяют внедряться в ксенокультурное смысловое пространство с целью преднамеренных содержательных преобразований их смысловой нагрузки, вплоть до полного искажения, в процессе межкультурной коммуникации.

Оппозиция «свой»/«чужой», являющаяся, по справедливому замечанию Ю.С. Степанова, «одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [8, с. 473], не может не пронизывать политическую культуру, принимая самые разнообразные формы. Крупнейший российский исследователь этноса Л.Н. Гумилёв, развивая культурологический подход в отечественной этнологии, подчеркнул именно этнический стереотип поведения, а не национальный язык в качестве ведущего признака, отличающего «своих» от «чужих» [4]. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в последующие годы в трудах по этнологии и этнографии (Ю.В. Бромлей, И.С. Кон, Б.Ф. Поршнев) акцент переносится на идеальную составляющую этноса, а именно на его самосознание, поскольку люди определённой группы, в первую очередь, осознают себя как принадлежащих к «своим» и отличных от «чужих». Не умаляя значимости утверждений о первостепенности идеальных признаков по сравнению с материальными, включающими общность территории, языка, экономической жизни для идентификации этнических групп, обратимся к принципиальным выводам, которые были сформулированы на этой основе. В своей последней книге Л.Н. Гумилёв делает программное заявление о том, что «...основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания – она в **эмоциях**: симпатиях-антипатиях, любви-ненависти...» [4, с. 173] (выделено мною – З.З.Ч.).

В современных исследованиях показано важнейшее качество категории «свои»/«чужие», которая получает особое преломление в классической эмоциональной шкале ценностей, принимая достаточно субъективный характер квалификации в терминах «хорошее»/«плохое». Как точно отметила достаточно предсказуемый выбор эмоциональной оценки Т.Н. Толстая, «чужой он и есть чужой. Что в нем хорошего? ... А свой — он теплый. У него и глаза другие. Свой — он немножко как ты сам» [11]. Многие ведущие исследователи единодушны в признании субъективной природы оценочного основания в отношении чужого, которое скорее вызывает негативные, нежели позитивные коннотации.

Не менее весомый аргумент в пользу данной точки зрения, связанный со стереотипизацией эмоций в поведении представителей разных культур, подчёркивает В.В. Красных, ссылаясь на исследования социальных психологов. Было экспериментально доказано, что в поведении восточных европейцев принято сдерживать среди «своих» негативные эмоции и стремиться проявлять по отношению к ним позитивные эмоции. Что же касается экспрессивного поведения в отношении «чужих», здесь вполне допустимо и уместно проявление эмоций негативных [6]. Российский этнопсихолог Т.Г. Стефаненко объясняет подобные культурные поведенческие различия в среде «своих» и «чужих» внутренними установками, проявляющимися в желании не обижать своих и в отсутствии заботы о чужих, характерными для коллективистских культур [9]. В отличие от этого типа культур американцы, принадлежащие к индивидуалистскому типу культур, склонны проявлять с чужими радость жизни и оптимизм, а в общении со своими близкими могут позволить себе демонстрацию отвращения, страха, гнева и др.

Категория «чужих» не раз становилась предметом исследования в трудах по философии, семиотике, культурологии, этнологии, межкультурной коммуникации, высвечивая каждый раз новые ипостаси, связанные с определением границ человеческого «я» в его соотношении с «другим», принимающим разные формы иного – от «другого», «чужого» до враждебного, представляющего «чужое» как внешнего врага, олицетворение угрозы и Хаоса [5], появлением представлений о странных структурах – «дипластиях» (термин Б.Ф. Поршнева). Положительным и перспективным итогом подобных рассуждений для лингвистики явилось понимание важности диалогических отношений как определённого типа «смысловой

конвергенции» (т.е. общности тем, точек зрения и т.д.), когда раскрывается позиция *третьего* в диалоге (не участвующего в диалоге, но его *понимающего*) [2, с. 320-323].

Ряд принципиальных характеристик оппозиции «свои» / «чужие» выдвигает Л.И. Гришаева, которые проливают свет на её культурологическую значимость [3]. Во-первых, следует подчеркнуть взаимосвязанный и одновременно релятивистский характер членов данной оппозиции: СВОЁ познаётся только на фоне ЧУЖОГО и ДРУГОГО. Во-вторых, всё более усиливается ценность категорий в формировании и развитии личности и культуры в целом. Наконец, как в любом целостном коллективе его представители вырабатывают системы вербальных и невербальных средств-маркеров, идентифицирующих СВОЁ, ЧУЖОЕ и ДРУГОЕ. Для понимания образов «чужих» в современной политической коммуникации трудно переоценить мысль авторов о наличии субъективности в идентификации чужих и их характеристики. Причина возникновения субъективных толкований в данном случае, по мнению авторов, кроется в том, что восприятие и оценка «чужого» происходят под влиянием многих факторов: (1) конкретного коммуникативного акта, в котором действует «чужой», что вызывает положительное или отрицательное отношение к нему; (2) изначально присущего реципиенту информации определённого отношения к определённой «чужой» культуре или к «чужому» вообще; (3) реципиент в любой коммуникации имеет дело не с фактами, а с их интерпретациями [3, с. 118].

На наш взгляд, перечисленные факторы не составляют закрытого списка и постоянно пополняются за счёт новых более жёстких проявлений субъективности в условиях противостояния. В современной коммуникации в англоязычных СМИ укрепляются тенденции, усиливающие произвольность и изобретательность при конструировании образов врагов, когда на страницах печати развернулась крупномасштабная информационная война (война слов). В этой связи нельзя не согласиться с мнением Ю.А. Сорокина, который, сравнивая статус факта (события) и его оценки в текстах массовой коммуникации, уподобляет структуру оценки «виртуальной реальности», изобилующей неоднозначностью, включением множества новых признаков, элементами деформации, предлагающей выборочный характер описываемого факта, антилаконичность и расплывчатость [7, с. 238-239].

В рамках межкультурной коммуникации в фокусе внимания оказываются идеологические аспекты категории «чужие», в которой изначально заложена идея столкновения и конфликта, что подводит к пониманию родной культуры как «щита», охраняющего национальное своеобразие народа, и «глухого забора», отгораживающего от других народов и культур [10, с. 20]. В контексте противостояния сторон, находящихся по разные стороны баррикад, актуальность приобретает проблема войны и мира в диалоге языков и культур, народов и цивилизаций.

Бросается в глаза произвольное и неоправданное навешивание ярлыков и создание агрессивных образов чужих по принципу «Кто не с нами – тот против нас», некогда использовавшемуся в качестве лозунга в классовой борьбе, а ныне приобретающему политическую коннотацию предостережения и открытой угрозы в адрес «чужих». Подобная практика особенно ярко проявляется сегодня в англоязычных СМИ, где идеологическая оценка оказывается весомее и важнее нравственно-оценочной. Практически любой ситуативно актуальный идеологический повод может быть использован в качестве инструмента для отнесения к «чужим» оппонентов, не отвечающих субъективно обновляемым критериям «своих». В политическом языке украинских экстремистов популярной на Евромайдане стала речёвка «Кто не скачет – тот москаль», растиражированная в песнях, карикатуре, видео, анекдотах, стихах, пародиях. Кстати, в продолжении этой фразы «...а кто скачет, тот зигхайл»

содержится заимствованный вариант немецкой фразы Sieg Heil (салют победы у фашистских нацистов), который выбран в качестве нового критерия объединения «своих» на основе гитлеровской идеологии военной агрессии, геноцида и расизма.

В процессе восприятия идеологических коннотаций важно учитывать динамический характер речевой нормы, поскольку характер проявления негативных эмоций в отношении «чужих» зависит от внешних факторов, которые в значительной степени диктуют соответствующий формат общения, от толерантного до резко антагонистического. Политическое общение происходит в сфере публичной коммуникации, участники которой озабочены отстаиванием государственных интересов, реализацией институциональных установок, внушением в массовое сознание необходимых идеологических императивов. В контексте информационной войны в СМИ формируется конфликтогенный дискурс, изобилующий описанием разных видов противоборства – политического, ценностного, идеологического, цивилизационного [12]. Следовательно, необходимо принимать во внимание комплекс параметров, выходящих за пределы социо-культурных и ситуативно-контекстуальных условий коммуникации, которые радикально меняют тональность политической коммуникации, подчиня характер общения агрессивным целеустремлениям.

В настоящее время акцент в медийной коммуникации переносится на совершенствование технологий использования оценочно-идеологической природы категории «чужие». Дискурсивные глобальные и локальные стратегии по отношению к рассматриваемой категории исследует в политическом дискурсе Т.ван Дейк на примере *ingroups / outgroups* [15].

В границах данной категории можно отметить возросшую актуальность критериев отнесения к «чужим», которые формируются под влиянием ксенофобии и как следствие имеют явно или неявно выраженный эмоционально-аксиологический характер: «чужой» – это идеологический враг, представляющий высокую степень угрозы; это политический враг, с которым исключается перспектива сотрудничества и партнёрства; это культурно-исторический враг, в отношениях с которым возрастает дистанция отчуждения в результате субъективной ревизии исторических событий. Главным свойством внешнего врага является принадлежность к ксено-культуре, то есть чужой культуре, что делает возможным использовать в качестве инструмента манипуляции ксено-объекты, ксено-события, ксено-персоналии, ксено-ситуации. Авторская установка сказывается прежде всего в насыщении текста эмоционально-оценочными коннотативами в результате использовании механизма языкового варьирования номинаций при описании одной и той же внеязыковой ситуации (участников, места и времени, обстоятельств, мотивации и других прагматических факторов) и интерпретации события в ксенокультурах. События последних лет в Украине и их предвзятое тенденциозное освещение западной прессой дают образцы субъективного толкования элементов политических ксенокультур с момента возникновения конфликта и последовавшего противостояния в связи с воссоединением Крыма с Россией. С самого начала оценка действий России в этом регионе получает в большинстве англоязычных изданий резко отрицательную тональность, создаваемую в результате смыслового отфильтровывания информации и отбора эффективных приёмов и способов её суггестивно-манипулятивной подачи: **насыщения** информации несущественными деталями, искажающими суть и преобразующими её в нечто противоположное; **вычёркивания** отдельных эпизодов, замалчивания фактов, снятия компрометирующих деталей; создания **информационного вакуума**, что в итоге позволяет внедрять в сознание массового читателя откровенно ложную информацию.

Использование слухов, непроверенной информации и агрессивной лжи, направленной против врага, становится мощным инструментом речевого воздействия на массовое сознание в ходе информационной войны [13].

Наши наблюдения свидетельствуют о мощном потенциале знаков лингвокультуры, появление которых способно насыщать текст произвольно создаваемыми авторскими смыслами. Речь идёт в первую очередь о таких лингвокультурных знаках, которые позволяют в межкультурной политической коммуникации интерпретировать их смысловую нагрузку по усмотрению автора. Это свойство обнаруживает себя наиболее явно в тех знаках, которые связаны с миром реального и с миром идеального, главным образом идеологического и аксиологического. Как справедливо подчёркивает В.И. Шаховский, «каждая культура имеет свои размеры, свой шейп и свой взгляд на ценности» [14, с. 289].

На самом деле в политической риторике англоязычных СМИ, освещающих события в России, широко представлены разные типы лингвокультурных знаков, которые разделяют общее свойство: они ведут нас «в *непредметный* мир смысловых отношений» <...>, открывают для себя смыслы, «живущие в бессознательных глубинах души и объединяющие людей в единое этнокультурное сообщество» [1, с.189]. В данном случае интересно обратить внимание на выбор знаков «чужой» лингвокультуры, которые приоткрывают окно в «чужое» ценностно-смысловое пространство. Лингвокультурный знак превращается в место пересечения разных ипостасей «чужого»: (1) чужое относится к реалиям (объектам, персоналиям, событиям) чужой (российской) культуры, являющейся предметом описания; (2) чужое относится к определённой инварианту восприятия культурного объекта и его отражения в мире идеального, которые заключают ценностную оценку в коллективном опыте использования в ксенокультуре порождения; (3) чужое относится к ценностно-смысловому пространству ксенокультуры, приобщиться ко всем нюансам которого можно только родившись в данной культуре и пройдя аккультурацию в ней. Как следует из природы проявлений чужого, в каждом из них присутствует потенциальная возможность субъективных толкований, что имеет результатом произвольные интерпретации, вплоть до целенаправленных искажений данных. По нашим наблюдениям, репрезентанты чужого широко используются в англоязычных медийных источниках, что позволяет превращать их в действенные инструменты манипулирования массовым сознанием. Массовый инокультурный читатель таким образом сталкивается с чужим в разном обличье, имея о нём, как правило, весьма туманное представление, что предоставляет автору мощное орудие производства непредсказуемых смыслов, прибегая к субъективизации всех видов информации (от фактуальной и оценочно-эмоциональной до дискурсивно-смысловой), вплоть до полного искажения и откровенной лжи.

Рассмотрим потенциал национально-культурных прецедентных явлений, которые выполняют роль опорных элементов в процессе создания смыслового пространства дискурса, предназначенного для массового адресата англоязычных СМИ. Категория «чужое» реализуется в разных ипостасях ксено-прецедентных явлений при их функционировании в медийной коммуникации.

Пример 1. *These curious troops ("little polite green men") were designed to fulfill two contradictory things at once – to be anonymous and yet recognized by all, to be polite and yet frightening, to be identified as the Russian Army and yet, be different from the Russian Army. They were designed to be a pure, naked military force – a force without a state, without a face, without identity, without a clearly articulated goal* [16]. Авторы пытаются истолковать по-своему содержание ставшего популярным выражения, связывая присутствие «вежливых маленьких

зелёных человечков» на территории Крыма с разработкой новых технологий оккупации чужой территории, как принято представлять в западной прессе события, связанные с бескровным воссоединением полуострова с Россией. Описание в приведённом фрагменте построено на контрасте: образ маленьких зелёных человечков вызывает устойчивые ассоциации в сознании американцев (это название первого эпизода из сериала «Секретные материалы» (премьера на телеканале FOX в 1994 г.), но в контексте событий в Крыму они действуют анонимно, эти человечки вежливы, однако вызывают страх и ужас, их опознают как солдат Российской армии, но в то же время не принадлежащих армии России. Такое странное нагромождение противоречий преследует цель создать сумятицу в сознании массового читателя и сбить его с толку.

Пример 2. *According to Kiev-based private TV channel One Plus One, the term "little green men" was coined by local residents in Crimea, but Ukrainian journalists have criticised the use of this term. "Colleagues, stop using the affectionate term 'little green men' to describe the Russian troops"* [17].

Упомянутое выражение получило в освещении крымских событий в российской прессе уменьшительно-ласкательную оценку, в то время как положительная коннотация заменена на отрицательную в статье, опубликованной в BBC.News под названием "Little green men" or "Russian invaders"?

Пример 3. *Then there was Russia's humanitarian aid convoy of 260 trucks, which was widely decried in the west as a Trojan horse, "almost certainly" carrying arms and men deep into Ukraine. In fact, it proved to be less a Trojan than a Potemkin horse, half-empty inside and designed to impress – and perhaps to divert attention from the real military subterfuge going on elsewhere* [18].

Содержательное поле в приведённом отрывке создаётся в результате сложного взаимодействия ксеносмыслов, актуализируемых сложением культурных метафорических ассоциаций, рождаемых прецедентами: универсальным (*Троянский конь*) и этнокультурным русским (*Потёмкинские деревни*), преобразованными в сложное прецедентное явление (*Потёмкинский конь*), используемое для описания российского гуманитарного конвоя, якобы используемого для переброски военных и оружия в районы, где воюют ополченцы против Киева. Соединение смыслов двух прецедентных явлений позволяет автору расширить границы смысловой интерпретации, представив полупустые грузовики в составе гуманитарного конвоя как искусную уловку для прикрытия военных операций в другом месте.

Пример 4. *...hundreds of Russians have camped out at Chistye Prudy, nicknamed Occupy Abay after the statue of a 19th-century Kazakh poet that is the anchor of the sit-in, a boulevard in the centre of Moscow.... Inspired in style by the global Occupy movement, the protest is the clearest sign yet that opposition to Russia's leader refuses to go away* [19]. Налицо произвольное растяжение смысла символического образа, который превращён в орудие политической борьбы против России. Полностью затушёвывается и смысловая подоплёка культурных объектов (Уолл-стрит является олицетворением всей финансовой системы США, Абай Кунанбаев – казахский поэт, философ, композитор, просветитель, мыслитель, общественный деятель, выступавший за сближение с русской и европейской культурой). Столь же активно происходит перенос ценностных ассоциаций символов, сформировавшихся в собственной культуре, на политические события в стране недругов. События на улице Уолл-стрит в Нью-Йорке (в сентябре 2011 г.) стали восприниматься как символ акции гражданского неповиновения (англ. *Occupy Wall Street*) с целью привлечения внимания к преступлениям финансовой элиты и призыва к перестройке в экономике. Автор статей отходит от первоначальных смыслов, актуализируемых данным прецедентом, и внушает коннотации, диктуемые политтехнологическими установками, увязывая пафос митингующих с критикой

политического руководства, состоявшихся выборов в Госдуму и т.д. Неудивительно, что на страницах ряда СМИ использование данного мифа о протестном движении «Захвати ...» преследует цель внушить мысли о его губительных последствиях, приводящих к хаосу, беспорядкам, национальной катастрофе, и, следовательно, миф превращается в символ угрозы стабильности, вызова и неповиновения властям. Дискурсивные практики показывают, что смысловое наполнение данного мифа оказывается настолько аморфным и расплывчатым, что позволяет при желании подводить под него любые идеи под благовидным предлогом, используя события на злобу дня.

Таким образом, в современной идеологической войне слов против «чужих» западная пресса не гнушается использовать любые сценарии информационного противостояния и борьбы с противниками. Лингвокультурные знаки, являющиеся в межкультурном формате общения проводниками в ксенокультуру, представленную чужими фактами, событиями и персоналиями, в пространство ксеносмыслов и ксеноконнотаций, могут превращаться в эффективный инструмент манипулятивного воздействия благодаря немотивированным преобразованиям ксенокультурных смыслов.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 224 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Издательский центр «Академия». 2006. 336 с.
4. *Гумилёв Л.Н.* От Руси до России. М.: Айрис-пресс, 2003. 318 с.
5. *Гусев С.С.* Смысл возможного. Коннотационная семантика. СПб.: Алетейя, 2002. 192 с.
6. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
7. *Сорокин Ю.А.* Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Книга 4. / Сборник статей, посвящённых памяти члена-корреспондента Петербургской АН И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Институт языкознания РАН, 2009. С. 237 – 246.
8. *Степанов Ю.С.* Константы, Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 2004. 992 с.
9. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: учебник. М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2008. 624 р.
11. *Толстая Т.Н.* Кысь. М.: Эксмо, 2003. 59 с.
12. *Чанышева З.З.* Средства оформления ложной информации в дискурсе конфликта // Челябинск, VIII-я Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах», 20-22 апреля 2016 г. Челябинск: ЧелГУ. Материалы VIII Международной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». 2016. Том 2. С. 402-406.

Чанышева З.З.

Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 96–105.
doi: 10.17759/langt.2016030309

Chanysheva Z.Z.

Hypostases of THEM category in mass
media communication
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 96–105.
doi: 10.17759/langt.2016030309

13. *Чанышева З.З., Хазиева Р.Р.* Дискурсивные практики использования агрессивной лжи в конфликтогенном дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2015. Т.20. № 3. С. 974 -980.
14. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
15. *Dijk van T.A.* Ideology and Discourse: a Multidisciplinary Introduction. Barcelona. 2003. 118 p.
16. <http://anthropoliteia.net/2014/03/31/little-green-men-russia-ukraine-and-post-soviet-sovereignty>
17. <http://www.bbc.com/news/world-europe-26532154>
18. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/29/ukraine-putin-sanctions-west-biggest-mistake>.
19. <http://www.theguardian.com/world/2012/may/13/russian-protests-march-occupy-abay>

Hypostases of THEM category in mass media communication

Chanysheva Z.Z.,

Doctor of Philology, Professor of the English Language and Intercultural Communication Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University», Ufa, Russia, chanyshevazz@yandex.ru

The article focuses on the reflection of the US/THEM category in mass media communication in conditions of sharp confrontation of ideological opponents. It is aimed at revealing the potential of lingvocultural signs to be used as units of generating desirable senses in leading English periodical issues. The alien culture is shown to possess three basic hypostases with xenocultural axiological semantic space taking the lead. The article proves that intercultural massmedia communication is marked by reciprocal influence of semantic spaces and subjective evaluation of information. Xenoprecedent phenomena are viewed as supporting clamps in the process of semantic transformations of national and cultural signs designed to exert a manipulative effect on the target reader.

Key Words: US/THEM category, lingvocultural signs, nationally specific signs, xenoprecedent phenomena, axiological semantic space, sense transformations

References

1. Alefirenko N.F. Lingvokulturologiya; tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka: uchebnoye posobie. Moscow: Flinta: Nauka, 2010. 224 p.
2. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 p.
3. Grishayeva L.I., Tsurikova L.V. Vvedenie v teoriyu mezhkulturnoi kommunikatsii. Moscow: Izdatelskiy tsentr "Akademia", 2006. 336 p.
4. Gumilev L.N. Ot Rusi do Rossii. Moscow: Iris-Press, 2003. 318 p.
5. Gusev S.S. Smysl vozmozhnogo: konnotativnaya semantika. Saint Petersburg: Aleteya, 2002. 192 p.
6. Krasnykh V.V. "Svoy' sredi "chuzhih": mif ili realnost. Moscow: GNOZIS, 2003. 375 p.
7. Sorokin Yu.A. Status fakta (sobytia) i otsenki v tekstah massovoi kommunikatsii //Chelovek v zerkale yazyka. Voprosy teorii i praktiki. Kniga 4. / Sbornik statei, posvyashchennyh pamyati Boduena de Kurtene. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, 2009. pp. 237-246.
8. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2004. 992 p.
9. Stefanenko T.G. Etnopsihologiya. Moscow: Aspekt-Press, 2014. 352 p.
10. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya. Moskva: Slovo, 2008. 624 p.
11. Tostaya T.N. Kyss. Moscow: Ekspo, 2003. 59 p.
12. Chanysheva Z.Z. Sredstva oformleniya lozhnoi informatsii v diskurse konflikta//Chelyabinsk, 8 mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsia "Slovo,

Чанышева З.З.

Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 96–105.
doi: 10.17759/langt.2016030309

Chanysheva Z.Z.

Hypostases of THEM category in mass
media communication
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 96–105.
doi: 10.17759/langt.2016030309

vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturilogicheskom aspektah". 20-22 aprelya 2016. pp. 402-406.

13. Chanysheva Z.Z., Khazieva R.R. Diskursivnye praktiki ispolzovaniya agresivnoi lzhi v konfliktogennom diskurse // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2015. T.20. no.3. pp. 974-980.
14. Shakhovski V.I. Lingvisticheskaya teoriya emotsii" monographiya. Moscow: Gnozis, 2008. 416 p.
15. Dijk van T.A. Ideology and Discourse: a Multidisciplinary Introduction. Barcelona. 2003. 118 p.
16. <http://anthropoliteia.net/2014/03/31/little-green-men-russia-ukraine-and-post-soviet-sovereignty>
17. <http://www.bbc.com/news/world-europe-26532154>
18. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/29/ukraine-putin-sanctions-west-biggest-mistake>.
19. <http://www.theguardian.com/world/2012/may/13/russian-protests-march-occupy-abay>